

"Два шага до любви"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Татьяна АЛЮШИНА

ДВА ШАГА ДО ЛЮБВИ

Та-а-к, и что бы это значило?

О-очень как-то сомнительно, что открывшаяся моему взору картина представляет собой любезное приглашение: «Заходите, гости дорогие, мы вам очень рады, как видите, — наши двери всегда открыты для вас!» Эта широко распахнутая калитка высокого красивого забора с претензией на кованое кузнечное искусство уж слишком навязчиво для всех моих рецепторов и недремлющей интуиции вызвала подозрение о подставе и иных неведомых злонамеренных гадостях от столь недвусмысленного приглашения.

Нет, ну ладно, это Леночка — молодая, суетливая, еще не профессиональная ни фигу и слегка нагловатая, но уж Игорь-то слишком хорошо все знает про профессиональную этику и неукоснительные правила, и туда же: «Славочка, ты же понимаешь — только потому, что это ты, тебя и прошу. Форс-мажор, так сказать!»

Так ему сказать! Роман у него, что ли, с этой Леночкой намечается? Ох, Игорь, Игорь, неугомонный ты наш «левоходящий»! Мало тебе было разборок с Мариной?

А так хорошо день начинался!

Раненько, в семь утра позвонил довольный клиент сообщить, что его оппоненты решились на мировое соглашение, чему мы необычайно порадовались, закончив, таким образом, многомесячную нудную тяжбу. И по дороге в контору чудным образом я не попала ни в одну из пробок, шустренько проскочив все напряженные места на пути. И новый сорт кофе, которым меня потчевал мой оптимистично-энергичный секретарь Олег, благоговеющий перед этим напитком и постоянно экспериментирующий с его разновидностями, на сей раз был просто восхитительным — обжигаяще горячим, чуточку пряным, с умопомрачительным ароматом и тонким вкусом. И я позволила себе немного посибаритствовать: устроившись в посетительском кресле, скинула туфли, пристроила свои дивные ножки на его брата-двойника и, прикрыв глаза, потягивала себе кофе.

Но, за работу! Дела не ждут, вернее — клиенты, как правило, не из разряда людей, расположенных к ожиданиям исполнения их претензий и желаний!

К одному из таковых мне и предстояло ехать за город в довольно элитный поселок, не Рублевка, слава богу, и не Николина Гора, но тоже себе нехилый поселочек для достойно обеспечивших себя граждан, со всеми атрибутами таковых — охраной и предварительной записью на посещение его обитателей. Как в аквариум или в террариум, уж кому как больше нравится. Мой клиент, например, был ближе ко второй категории далеко не безобидных рыбок, но, всем известно, что клиента, как и маму родную, не выбирают, главное — вовремя уворачиваться от его опасных маневров и попыток укусить, и вполне можно работать на безопасном расстоянии. Я привыкла.

И меня, вот такую всю в прекрасном настроении после столь удачного начала дня, разнеженную чудным кофе, поймала, уже на выходе из конторы, новая сотрудница Леночка Зинчук и начала сразу же заискивающе ныть, помогая себе мимикой лица:

— Мирослава Витальевна, — заканючила Леночка, сведя бровки домиком, что, видимо, должно было означать трагически неизбежно сложившиеся обстоятельства, — Игорь Романович

сказал, что вы к клиенту в «Озерское» едете?

— И? — поторопила я суровым начальственным тоном.

— Мы сегодня должны были передать документы нашему клиенту из того же поселка, — зачастила торопливо Леночка, стараясь выдать информацию. — Но у другого клиента, которого ведет наша группа, неожиданно возникли сложные обстоятельства, и нас всех кидают на разрешение этой ситуации, вот Игорь Романович и сказал, что можно попросить вас отвезти документы, вы ведь все равно туда едете!

— Лена, вы же знаете, что передавать документы в чьи бы то ни было руки, кроме специалиста, ведущего дело, и самого клиента, недопустимо! Это же азы и кодекс нашей профессии, — строго отчитала я.

— Да, конечно! — горячо согласилась девонька и зашпешила словами пуще прежнего: — Игорь Романович тоже так говорит, но сейчас он сказал, что если и можно кому доверить такое дело, кроме Бога, то только вам!

— Идем! — я ухватила Леночку за локоток и торопливо потащила за собой в крайней степени душевного раздражения.

Таким образом и дотащила до кабинета Игоря, по дороге успев накрутить себя еще больше, подхлестываемая смутным предчувствием, что вся эта история еще выйдет мне боком.

Почему? А бог знает! У меня так бывает: возникает некое предчувствие, такое неясное, еле уловимое ощущение, что та или иная ситуация принесет мне проблемы и неприятности. В основном, разумеется, это касалось дел, которые я вела, или личностей клиентов, или каких-то подстав, которых в специфике нашей работы хватало. Но еще никогда эти предчувствия меня не обманывали. Вот никогда! И уже давным-давно я научилась к ним прислушиваться и не отмахиваться, списывая все на глупые страхи.

Предупрежден — значит, вооружен, как известно. Не знаю, как кто, а я предпочитаю быть вооруженной, то есть вовремя предупрежденной. И подстраховаться, перестраховаться — еще ни разу не помешало и выручало всегда.

А меня, господа, эта просьба передать неизвестные мне документы чем-то смутно и совершенно нелогично тревожила, как назойливый комар, от которого никак не отделаться, сколько ни маши руками — вот не нравилась мне эта ситуация, и все! И настроение мое прекрасное к тому же испортили!

— Ну, и что за передача чужих документов? — войдя в кабинет к Игорю, с порога приступила я к наезду, забыв поздороваться.

— Славочка, — поднявшись из-за стола, двинулся мне навстречу господин Русаков, приветственно разводя руки в стороны для дружеских объятий, — ты хоть поздоровайся, для начала!

Для начала я таки не избежала «братских» объятий, ну и поздоровалась приличий ради, чего уж.

— Здравствуй, дорогой, — и, отстранившись, продемонстрировала свое явное негодование. — Так, что это за история с непонятным курьерством? И почему ты поручаешь какой-то девочке вылавливать меня в коридоре и передавать твои пожелания?

— Я собирался лично прийти к тебе в кабинет, но твой Олег сказал, что ты ушла минуту назад, вот я и попросил девочку, — «девочку» он произнес подчеркнуто, с нажимом, — перехватить тебя и сказать, что мне надо срочно с тобой переговорить. Разумеется, я не поручал ей передавать что-то на словах.

— Девочка, видимо, не поняла или слишком старалась, — пожурела я и его, и Лену эту бесцеремонную одновременно. — Так что за пожар на нашей фабрике?

— Да, у клиента Невельской полный обвал по делу, появились неожиданные обстоятельства, — тяжело вздохнул Игорь, поясняя ситуацию. — И она бросает всех своих помощников на срочную ликвидацию проблемы. В том числе и Леночку, — и он стрельнул веселым многозначительным коротким взглядом на притихшую у двери девулю. — Ты же понимаешь, что ни при каких обстоятельствах я бы не позволил передачу документов в чьи-то руки. Только потому, что это ты, тебя и прошу. Форс-мажор, так сказать. А у тебя, насколько мне известно, сегодня встреча именно в этом поселке. К тому же мужик этот непростой, не олигарх и не из власти, но о-очень значимый.

Ну да, мы с Игорем делимся информацией в общем виде, без подробностей, — у кого какие клиенты, о проблемах, с ними связанных, и направлении деятельности во всех возможных или непредсказуемых ситуациях, ведь ответственность за фирму лежала на нас двоих, вот и подстраховывались, как только могли.

И да! Да, разумеется, никому, кроме меня, он не мог доверить решение таких вот непредвиденных моментов в работе, впрочем, как и я — никому, кроме него. Но почему-то сегодня мне этот форс — черт бы его побрал — мажор ужасно не нравился!

— Во сколько у тебя назначена встреча? — быстро спросил Игорь, поняв по моему выражению лица, что я сдалась за неизбежностью единственно возможного в таких обстоятельствах решения.

— В десять, — вздохнула тягостно я, окончательно смирившись с ситуацией.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Игорь и, приобняв меня одной рукой за плечи эдаким особо доверительным жестом, поинтересовался у девочки: — Лена, вы созвонились с клиентом, договорились о встрече?

— Да, да, Игорь Романович, — сделала шагок вперед и подала голос Леночка, восторженно поглядывая на высокое начальство. Не на меня, разумеется. — Все очень удачно со временем получается: меня заверили, что будут ждать нашего представителя в половине десятого!

Игорь в этот момент на девулю не смотрел, посему взгляд, предназначавшийся ему и обещавший многое, не заценил, хотя восторженных голосовых модуляций Леночки вполне хватало и без визуального подтверждения. Герцогским жестом господин Русаков протянул в сторону девочки руку, в которую тотчас же была вложена папочка с документами, и передал ее мне.

— Леночка тебе тут адресок написала и актик по передаче документов подготовила со всеми данными.

— Мирослава Витальевна, простите, если я что-то не так сделала, мне казалось, надо сразу объяснить, в чем проблема... — запричитала девонька.

Скрепя сердце, не слушая Леночкиных извинений, — пусть с ней Игорь разбирается — папочку

я приняла, бросив взгляд на верхний лист, на котором большими буквами старательно был выведен адрес клиента и более ничего.

От досады и раздражения на разбушевавшуюся предупреждением интуицию я бросила эту папку на переднее пассажирское сидение машины и всю дорогу старалась на нее не смотреть, отвлекая себя обдумыванием предстоящего разговора со своим непростым клиентом, мысленно пробегаясь по фактам и текстам документов.

И так увлеклась, что и не заметила, как долетела до поселка в рекордное время — во второй раз за сегодняшний день мне повезло не попасть ни в одну пробку. Я даже хмыкнула про себя и крутнула головой, отмечая, что без некоторого вмешательства мистических сил тут явно не обошлось.

А вот застряла бы утром в привычной пробке, вообще бы в офис не стала заезжать, а сразу бы в это «Озерское» порулила, так, кстати, и планировала, и не нарвалась бы на работу курьера. Так нет же, смотри, дорогу словно кто маслом смазал и ковровой дорожкой устелил, даже ни одного патруля гаишного не встретила! Прямо судьба какая-то! Знать бы какая....

Да ладно, все это лирика и мысли странные, никчемные. А я, будучи дамой деловой до невозможности, время свое драгоценное (для клиентов в прямом смысле — драгоценное) ценю и уважаю, и всячески оберегаю.

Кивнув на въезде охраннику, сверившему мою личность со списками допущенных к посещению поселка с его дорогами, в самом буквальном смысле, гражданами, я проехала под поднятым шлагбаумом и порулила дальше к небольшой площади в центре, где расположился солидный магазин и два кафе высокой ценовой категории, не знаю уж, как насчет кухни — высокой или не очень, не проверяла.

Времени до первой — навязанной мне — встречи оставалось минут двадцать пять, расположение улиц и дорог поселка я знала хорошо, еще с первого моего посещения, специально изучив для этой цели его план, и отчетливо представляла теперь, как проехать к нужному дому и где приблизительно он находится, и решила провести это время более продуктивно, чем любоваться красотами открывающихся взору пейзажей средней полосы. Кстати, замечу, любоваться было чем — не зря этот поселочек относится к разряду элитных: вокруг потрясающе красивая, нетронутая природа, залюбуешься. Но я, пожалуй, отложу любование, как-нибудь в другой раз.

Я припарковалась на стоянке возле одного из кафе, под тремя кленами солидного возраста, чуть ли не вековыми, хотя, сколько там живут клены, бог знает, у меня как-то с ботаникой не сложилось по жизни. Сейчас эти исполины внушали уважение даже своими голыми ветвями с почти облетевшей листвой в эти первые дни ноября.

Все так же стараясь не смотреть на всученную мне папку, я достала из-под нее портфель, вытащила из его недр блокнот и углубилась в сделанные ранее записи и заметки по делу, дополняя небольшими комментариями по продуманным в дороге пунктам, старательно отгоняя так и не покинувшее меня чувство вероятной надвигающейся неприятности.

Это из области психологии и подсознания, когда мы стараемся обходить стороной и вообще не замечать неприятный нам предмет. Игра такая, неосознанная, с самим собой — если не замечать проблемы, то ее как бы и нет.

Ну, пусть будет так. И что? Варианты у меня какие? Документы передать я обязана и передам,

разумеется, что бы ни пицала мне интуиция. А то ж! Так что психология там или подсознание, а дело надо делать, хоть конец света — жизненная планида у меня такая. Фиговая. Но это моя работа, любимая к тому же, замечу.

Да, если вы еще не поняли, я юрист. Точнее, адвокат, в солидной и известной фирме, но про контору и мою работу как-нибудь потом. Вернее про контору потом, а про работу прямо сейчас.

Время пробежало быстро, и я, убрав блокнот обратно в портфель, не преминув тягостно вздохнуть, жалея себя, завела машину и неспешно поехала по адресу «доставки». Это хорошо, что неспешно, это мне очень даже повезло, что у меня правило такое: появляться на деловых встречах точно в назначенное время — ни раньше, ни позже, поэтому я и не торопилась, растягивая оставшиеся минуты, подгадывая свое пунктуальное прибытие. Вот именно эта маленькая, можно сказать, черепашья скорость и спасла меня от лобового столкновения с мчавшейся посередине дороги машиной.

Красный новехонькой модели «фордик» несся по улице навстречу мне со скоростью спортивного болида, по крайней мере, мне с перепугу и от неожиданности именно так показалось. Повернув из-за угла на нужную мне улицу, я на автомате, с не контролируемой разумом реакцией выкрутила руль, съехав передними колесами с крутого склона кювета и уходя от прямого столкновения, но странным образом успела увидеть холеную блондинку за рулем и даже разглядеть ее довольную, злорадную улыбку. Явно адресованную не мне, а каким-то непонятным мыслям, занимавшим ее мозг или что там у нее вместо этого органа.

«Фордик» пронесся мимо, не останавливаясь, даже не предприняв попытки притормозить, — дамочка, по всей видимости, не удостоила вниманием такое ничтожное препятствие, как мой джип, на пути своей безбашенной радости.

Идиотка! Клиническая притом! Тупая дура!

Вот и не верь после этого в анекдоты и мужские суждения о разуме блондинок!

И хотя я и сама блондинка, но не принимаю критику недалеких мужчин в свой адрес, точно зная, что я серьезное исключение из всех правил, а вот разумность многих «сестер» по цвету волос, увы, весьма сомнительна и большей частью полностью совпадает с нелестными высказываниями. И вот вам очередное подтверждение — эта неадекватная идиотка на красной машине лишь доказывает правдивость этих подозрений в отсутствии сложной мозговой деятельности у данного вида дамочек.

Я еще и от себя присовокупила! Покрепче! С душой так!

Мне-то что, мой «танк» такую срань господню, как эта красная божья коровка, и не заметит, разве что бампер помнется и подушка безопасности сработает — неприятно, конечно, но, по большому счету, фигня! А вот от этой кретинки вместе с ее «фордиком» под цвет маникюра только мокрое место и осталось бы!

Я от души, с чувством, хрипло и громко, проникновенно выматерилась и прилегла головушкой на скрещенные руки на руле. Отдохнуть, наверное. От выстрелившего в организм адреналина меня заколотило крупной противной дрожью, даже зубы застучали. Господи, как здорово, просто замечательно, что я питаю слабость к большим, тяжелым и внушительным джипам с повышенной системой безопасности! Мой вот, например, даже не заглох от всяких резких выкрутасов! Так и урчит солидно движком, успокаивая хозяйку, жалеет!

— Твою мать!!! — добавила я ко всему уже вышесказанному и предприняла попытку выбраться

из кювета назад на дорогу.

Не так быстро, сказал организм, воспротивившись моим действиям, — ноженьки ослабли и подрагивали, рученьки так вообще ходуном ходили. Ладно, пойдем другим путем! Я спешно, трясущимися руками ухватила бутылку воды, всегда стоявшую у меня в машине в держателе, хорошенько так попила, порассматривала себя в зеркало заднего обзора: ничего, бледненькая, правда, и глаз дурной от испуга, как у взбрыкнувшей лошади, но макияж не пострадал.

И что, об этом происшествии предупреждала меня сегодня интуиция? Прислушалась к себе... Может, и об этом, но, по ощущениям, очевидно, что не только о нем! Тоже, вашу мамашу!

Ну что ж, испугалась-испугалась, адреналин там, не адреналин, а работа прежде всего! И поругавшись сквозь зубы еще немного, больше для поддержания себя в рабочем состоянии, я вырулила назад на дорогу и теперь уже поспешила на встречу с клиентом.

А подъезжая к дому, отметила два факта, и оба из области профессионализма, доведенного до рефлекса. Первый — про ценовую стоимость домика и той части участка, который был доступен взору через высокий ажурный забор по ту сторону кузнечных выкрутасов, правда, прикрытого от любопытных глаз плотным металлическим листом. Ну что: раза в два поменьше особнячка моего основного клиента и данном поселке, но тоже очень далеко за пределами возможностей повального количества населения страны. Ну, это, как я уже пояснила, на автопилоте набросанные штрихи к портрету клиента.

А вот второй факт!.. Калитка в этом заборчике, такая же причудливо ажурная, была навязчиво-застывно распахнута.

И ничего хорошего это не сулило, господа! Уж поверьте мне!

Я профи до корней волос на голове и отросших ногтей на пальцах и абсолютно точно знаю, как «Отче наш», что еще ни одна гостеприимно распахнутая, приглашающая войти всех подряд дверь ни одному вошедшему человеку не принесла ничего хорошего!

Эдак мило и почти нежненько: заходи, заходи, родной, только тебя и ждали, станешь основным подозреваемым в том, что здесь случилось, мы уж и полицию вызвали, чтобы ты не утруждался звонками, и трупик приготовили! Или что там? Обнесенную квартиру с исчезнувшими бабушкиными драгоценностями?!

И как бы ни взывал мой разум свалить подальше от этой калитки и того пакостного, что за ней — вот сто пудов! — находится, мешало осуществлению этого вполне логичного и обоснованного побега одно большое «НО», непреодолимое, как китайская стена для варваров! Я обязана туда войти, что бы там ни произошло и что бы там меня ни ожидало — это клиент нашей фирмы, адвокатом которой я являюсь, и, значит, мой наипервейший долг защищать клиента всеми доступными мне способами. И малодоступными тоже!

Вот такая Гадя Петрович Хренова, которая сильно прыгала...

Интуиция уже не пищала, а надрывалась оглушительным хором в моем сознании.

Ладно, против такого «лома» у меня есть свои проверенные приемы. И не в такие засады попадали. Если б вы только знали, с чем приходится сталкиваться адвокатам!

Ну, во-первых, никто не отменял одно из основных правил: клиенты всегда врут! Всегда! И

если вы, не приведи, конечно, вас господи, когда-нибудь станете клиентом адвоката, вы тоже приметесь врать на голубом глазу и настаивать на своем вранье, уж это будьте уверены! А потому что адвокат, как духовник и исповедник, должен знать о вас все: если понадобится, то вплоть до кишечных расстройств в вашем нежном младенческом возрасте и любимых журналов, которые вы штудируете в туалете, сидя на унитазе, и всяческих иных интимных пристрастий и непотребств.

Разумеется, все врут, а как же! А нам приходится разгребать и ваши дела, и ваше вранье, и ваши мелкие пакости соседской тете Зине и ее кошке Маруське.

И стоит только начать работать, как очень быстро, к глубокому унынию клиента, из праведника, кипевшего гневом в адрес своих обидчиков, он превращается в мелкого или крупного пакостника со своими скелетами в шкафу и тщательно скрываемыми криминальными наклонностями.

Увы, такова реальность — хочешь выиграть дело, выворачивай всю подноготную. И не хотят, а кто бы горел желанием! И брешут, как коты, пойманные на сексуальных домогательствах по весне, и, выпучив глаза, доказывают свою невиновность, даже припертые фактами к стенке, и пакостят своим же адвокатам, и устраивают всяческие провокации и подставы, и... и чего только не вытворяют! Порой и представить невозможно, на какие изощренные выкрутасы пускаются господа участники юридического процесса! А мы все равно прощаем своих клиентов, терпим, разгребаем и помогаем выигрывать дела! Но научены уже! Еще как научены! Самым что ни на есть жестким образом, именуемым «опытом», ну, вы в курсе, сыном кого! И свои приемы на ваши выкрутасы имеем, и про профилактику ваших глупостей не забываем.

Кстати, одним из данных приемов и придется воспользоваться.

Я застегнула куртку, перекинула через голову длинную ручку дамской сумочки, чтобы не мешала, достав из портфеля и пристегнув к креплениям по бокам ремень, набросила его на плечо, взяла в ту же руку пресловутую папку с документами и прижала к себе неосознанным защитным жестом. Вроде готова? Вынула из бардачка небольшую, но мощную цифровую видеокамеру, извлекла ее из чехла, включила и, который уже раз за сегодняшний день обреченно вздохнув, приступила к работе.

Направила объектив на себя и протокольно сообщила свое имя-отчество-фамилию, сегодняшнюю дату и цель визита по данному адресу, продемонстрировала его же на листке папки, ненадолго отодрав ее от своего бока, назвала точное время, подкрепив сказанное съемкой моих наручных часов и таймера на панели автомобиля. Впрочем, на камере автоматически фиксировались дата и время, но лишняя предосторожность еще никому не помешала, особенно в нашей профессии.

Я перевела объектив на распахнутую дверь калитки через лобовое стекло и, укрупнив план, пояснила:

— В момент моего приезда калитка, ведущая на участок, находилась в открытом и распахнутом состоянии, никаких людей возле дома и у калитки не наблюдается.

И принялась выбираться из машины, старательно фиксируя каждый свой шаг, — весьма, кстати, неудобно вылезать из высокого джипа, будучи обвешанной сумкой, портфелем, прижимая к боку папку и держа камеру в свободной руке, а еще и автомобиль ставить на сигнализацию! Можете представить, как я это проделывала? Вот-вот — пятой точкой вперед,

стукаясь локтями, головешкой, коленкой! А куда деваться? Так и корячилась!

Я нажала кнопку звонка на каменном калиточном столбике, продолжая комментировать свои действия и снимать их, соответственно, и с надеждой прислушалась, не откликнется ли кто из забывчивых хозяев.

Да, сейчас! Понадеялась она тут!

Трели звонка вполне отчетливо заливались где-то, хоть и приглушенно из-за расстояния, но ни одна собака — в прямом и от души ругательном смысле слова — не отозвалась ни на участке, ни в доме!

— Я вхожу на участок, — выждав какое-то время, сообщила я, фиксируя на камеру свое дальнейшее продвижение.

От калитки вела дорожка, выложенная декоративными каменными плитами, современненько так, дизайнерски, я бы сказала, со вкусом, которая заканчивалась у пяти полукруглых ступенек, ведущих на площадку перед массивными железными двустворчатыми дверьми центрального входа. По всем законам засады и ожидаемых мной любых уже неприятностей одна из створок оказалась настезь распахнута. Что я удрученно и запротоколировала на камеру, не забыв про словесный комментарий.

Не обнаружив на стенах по бокам от дверей никакого устройства, хоть отдаленно напоминающего звонок, или, на худой конец, новомодную призывную колотушку — что-то типа башки животного, подавившегося кольцом, я отобразила сей факт в записи и прокричала в глубину:

— Хозяева! Есть кто дома?

В ответ, понятное дело, получила молчаливый фиг, переступила порог и вошла в большой холл. Именно в этот момент стилизованные под старину часы, висевшие на одной из стен этой огромной прихожей, оповестили одним ударом о наступившей половине десятого утра, что я старательно и сняла, лишний раз отметив свое пунктуальное появление.

— Хозяева!!! — повторила я призыв, продвигаясь в сторону гостиной, в которую, делая плавный поворот направо, перетекал холл.

В доме стояла абсолютная тишина — ни тебе музычки отдаленной, ни звуков бубнящего телевизора, бодрым голосом диктора оповещающего в утренних новостях о всевозможных ужасных происшествиях, случившихся за прошедшие сутки, ни кухонных звуков, сопровождающих завтрак, ни шагов, ни голосов — тишь дурная, и все!

— Есть кто в доме, отзовитесь! — призвала я к общению хоть кого-нибудь.

«Ну что? — спросила я обреченно-безнадежно свой внутренний голос. — Пойдем искать труп хозяина? О-е-ей, куда ж я вляпалась, мама дорогая?! Твою ж дивизию!»

Больше всего, понятное дело, хотелось послать все на три главные буквы русского алфавита и бежать отсюда дальше, чем видеть! Еще хотелось так навставлять Игорю вместе с его Леночкой, чтоб проняло до самых потрохов! Так, все на свете! Раз так и еще раз так!!!

Судя по мизансцене с «гостеприимным» приглашением и отсутствием видимых следов ограбления, версия с трупом хозяина напрашивалась сама собой, как одна из самых красочных

и страшных. Что-то из области киношных шелковых простыней с мужской обнаженкой в луже крови на них, с бутылкой шампанского, фруктами, двумя бокалами на столике у кровати и явным женским «следом» во всей этой истории!

Так, и где у нас хозяйская спальня? Предполагается, что на втором этаже.

Пожалуй, я оттяну эту «встречу», для начала обследую все помещения первого этажа. К чему я добросовестно и приступила, старательно и подробно снимая на камеру интерьер и каждую мелочь огромной гостиной. Сами понимаете для чего — мало ли, обвинят потом, что стырила любимую вазу хозяев, или еще каких гадостей навешают на адвоката, так «удачно» зашедшего. В нашем деле, как и у хирургов, и у саперов, мелочей не бывает. Такие вот реалии.

Мое тщательное «протоколирование» обстоятельств и предметов интерьера неожиданно прервалось на начальном этапе... Я уловила какой-то непонятный звук, движение за спиной, резко развернулась, успев ужасно испугаться — до холода и слабости под коленками, замирания сердца и отхлынувшей в один момент крови от головы — и замерла окаменевшим извоянием...

Откуда-то сбоку, из коридора, который я не заметила при первичном осмотре, в комнату медленно входил мужчина, вытирая голову большим синим полотенцем, тихо бубня себе под нос какой-то незатейливый мотивчик...

Совершенно голый! Если не считать полотенца на голове.

От неожиданности, находясь в ступоре, я автоматически продолжала старательно снимать его несколько секунд — с ног до головы в полотенце и обратно! Спихватилась, сообразила, что происходит, прочувствовала второй за день адреналиновый «отходняк», навалившийся жуткой слабостью и дрожью, и спешно опустила руку с камерой, позабыв, правда, ее выключить.

О господи! Я глубоко, но тихо-тихо вдохнула-выдохнула, прикрикнула мысленно на себя, собирая перепуганную душу в кучку, в рабочее невозмутимое состояние, еще разок вдохнула-выдохнула. Вроде отпустило!

Мужик тем временем остановился, не прекращая своего занятия, вернее, двух занятий — пения и вытирания волос, а я совершенно беззастенчиво принялась его рассматривать!

Мама дорогая! Там было на что посмотреть, скажу я вам! Микеланджело рыдает, что упустил такую натуру для ваяния!

Мужчина, вошедший в свой самый лучший возраст, высокий, подтянутый, мускулистый, с пресловутыми «кубиками» на торсе, не накачанными для красоты и понта, а настоящими, которые нарабатываются годами спорта, с длинными мощными колоннами ног, узкими лодыжками и крупными, но изящными ступнями, небольшая растительность на груди сбегала треугольником к паху.

А там! Еще раз мама дорогая! Господь дядьку одарил не по-детски, достойно и щедро «подвесив» мужского хозяйства!

Боже святой, я даже возбудилась! Честное слово! Спасите, помогите! Я и помнить забыла, что такое чувство имелось у меня в арсенале, а уж как это переживается, и подавно осталось где-то во временах моей юности, глупой и безмятежной! И не вспоминала и обходилась себе спокойно без закидонов этих телесных! А сейчас теплым огнем налилось во всех правильных женских частях тела, и щеки полыхнули румянцем, и вообще... фантазии в голове

зашебуршились всякие! Ощущение было такое, словно меня пару раз окунули в кипяток!

Пришлось срочно проорать на себя мысленно кое-что тяжело ругательное, встряхнуться, сбрасывая неуместную дурь, ударившую в голову, напомнить строгим тоном про профессионализм, цель своего приезда и еще десять секунд назад вполне ожидаемый труп в хозяйской спальне.

От момента возникновения непонятных звуков за моей спиной, шокового испуга, обнаружения и разглядывания голого мужчины и до полного приведения в надлежащий порядок моих разбушевавшихся нервов и черт-те что возомнивших о себе гормонов прошло, наверное, не больше минуты. Мне показалось, что полжизни!

— Кхм! — кое-как придя в собранное деловое состояние, деликатно кашлянула я, обозначая свое присутствие.

Мужик резким движением ладоней скинул полотенце на плечи и уставился на меня с выражением недовольного удивления на лице. Не предприняв при этом ни малейшей попытки прикрыть свою наготу.

— Кто вы и как сюда вошли? — строгим, холодным и неприязненным тоном потребовал он ответа.

— Я... — начала было отвечать я спокойным, ровным адвокатским голосом и осеклась...

И узнала его! У-ЗНА-ЛА!!!

Он мало изменился — нет, не так! Изменился. Ушел юношеский блеск и очарование бесшабашной молодости, уступив место зрелой глубокой привлекательности, приобретаемой годами, знаниями и уверенностью в своей мужской силе духа, проверенной не единожды жизнью и испытаниями, которые отразились на лице наметившимися морщинками, непростым взглядом и придававшими некую изысканность образу поседевшими висками по-прежнему темной, непокорной шевелюры. Весь его облик стал жестче, опаснее, что ли, и от этого еще более интересным, притягательным. И он все знал о своей мужской привлекательности и интересе к себе, неизменно вызываемом у женщин. Он вообще все прекрасно знал и понимал о себе, о жизни, о своем месте в этой жизни — в первых рядах. В первых, это точно!

Я смотрела на него, и чей-то чужой голос в голове сообщал мне, что у меня шок и, как следствие, ступор и что с этим необходимо что-то срочно делать! Немедленно!!!

Бежать, например, или хоть прийти в себя, перестать пялиться на него, а для начала неплохо бы начать дышать! Ау! Слава! Очнись! Вдох! Выдох! Давай!!!

И я «дала» — вдохнула и выдохнула...

— Что вы уставились! — рявкнул он, будто хлестнул словами.

И я вынырнула из временного ступора шокового бессознания в реальность и вдохнула полной грудью, и в долю секунды, в какое-то неуловимое мгновение пришла в себя окончательно. На рефлекс, выработанном годами, умении сохранять спокойствие, холодную голову и здравый рассудок в любой ситуации! На чистом, натренированном рефлексе — в этот момент я полностью собралась, как для прыжка.

— Что, никогда голого мужчину не видели? — с явной неприязнью в голосе отчитывал он

незнакомую гражданку, так и не сделав ни одного фальшиво-стыдливого движения, чтобы прикрыть свои красивые причиндалы.

— Видела, но редко столь же достойных для обозрения, — польстила я ему, чуть улыбнувшись уголком губ.

Ну вот, я снова в обойме! Спокойна, собрана, рассудительна, иронична и полностью непроницаема для любых словесных нападков! Мо-ло-дец!

— Я спросил, кто вы такая и как здесь оказались? — прямо-таки излучал всем своим голым телом раздражение, предупреждение и тяжелое недовольство мужчина.

Ровным, спокойным тоном, полностью владея собой, глядя в эти опасные светло-карие глаза, я представилась по имени-отчеству, намеренно не назвав фамилию, и огласила цель своего визита. Чуть ли не по слогам, как для умственно отстающего в развитии ребенка.

— Вы сами назначили время нашей встречи по телефону, — напомнила я.

— Я ни с кем из вашей конторы сегодня не разговаривал по телефону! — резко ответил он, но уже с меньшей долей агрессии в интонации.

И наконец соизволил сдернуть быстрым, раздраженным движением полотенце с плеч и обмотать его вокруг бедер.

— Но моя помощница говорила с вами, и вы заверили, что будете ждать представителя нашей фирмы именно в это время, — с некоторым нажимом повторила я.

— Я не говорил ни с какой вашей помощницей! — рявкнул он в очередной раз и, призадумавшись на секунду, вдруг возмутился: — Нет, ну вот же сука!

— Простите? — подняла я брови в холодном интеллигентном порицании.

— Да не вы и не эта, как там ее, ваша помощница! — скривился, как от кислого лимона, он и снизошел до пояснений: — Это я о бывшей жене! — и нетерпеливым, раздраженным жестом протянул ко мне руку: — Давайте ваши документы!

— Простите, но есть определенная процедура, — мягко возразила я. — Нам вместе необходимо проверить наличие каждого документа по списку и подписать акт передачи их вам.

— Ладно, — буркнул уже условно не голый клиент, продолжая пребывать в скверном настроении, и распорядился: — Тогда ждите! Я оденусь, и мы подпишем этот ваш акт.

И, ничего более не говоря, вышел из комнаты. А я закрыла глаза и попыталась изгнать из себя к чертовой бабушке или еще куда подальше и свой испуг, и потрясение, и так и сотрясавшую мои внутренности мелкую неприятную дрожь.

О боже, дай силы! Я, конечно, справлюсь! Уже справилась! Но, господи, за какие грехи ты наказал меня этой встречей?! Вот на кой?!

— Не об этом ты думаешь, Слава, — прошептала я себе. — Тебе еще со своим проблемным клиентом разбираться, и очень хочется надеяться, что на встречу к нему ты не опоздаешь!

А этот неприятный инцидент пройдет и забудется, уговаривала я себя. Ну, я очень постараюсь, чтобы испарился из памяти! Тренингом там каким-нибудь займусь, дел побольше наберу, уеду

в командировку — да что угодно сделаю, но забуду! А с данным господином мы вряд ли еще когда-нибудь встретимся или пересечемся, нет поводов — так, случай одноразового форс-мажора произошел на мою бедную голову, и все! Да и в поселок этот, надеюсь, я приезжаю в последний раз: дела моего клиента идут к логическому завершению и таких частых общений, как раньше, уже не требуют, остается только ждать результата проведенной скрупулезной работы.

И все, все — сейчас быстренько подпишет мне акт, и бежать!

Ну да! Мечты, мечты!..

Быстренько, как вы догадываетесь, не получилось!

Вернулся он минут через пять, уже не голый, одетый, может, даже и увы по этому поводу. Джинсы сидели на нем как влитые, а легкий, свободный светло-коричневый свитер, рукава которого он поддернул до локтей, практически тон в тон сочетался с цветом его глаз, делая их более выразительными, яркими.

И мое заполошное, предательское сердце опять заколотилось, как сумасшедшее, и возбуждение, с которым, как мне казалось, я полностью справилась, вновь шибануло в голову, окрасив щеки легким румянцем и окатив кипятком низ живота.

О господи!!! Да что же такое делается-то!!!

И самое ужасное, что он увидел и понял мое состояние! Он никак не выразил этого ни мимикой лица, ни жестом, но в его глазах промелькнула некая снисходительная усмешка. Точно, понял! Я бы, например, тоже сразу прощелкала, если б мужчина испытал ко мне прилив желания, если б он меня хотел. Этот — не хотел!

— Ваша жена ездит на красном «Форде»? — выпалила я вопрос, старательно пытаюсь справиться с новой волной неожиданной и предательской реакции тела и переведя взгляд куда-то повыше его головы.

— Да... — все-таки не удержался от легкой, понимающей улыбки он.

Ну, в общем и целом, с его оценкой, данной бывшей жене, я согласна. Сука, конечно. Но замечу, что мои эпитеты в адрес этой дамы после чудом не состоявшейся аварии были куда более разнообразными, цветистыми и красочными. Более творческими, я бы сказала.

Подходя ко мне, он указал на диван приглашающим жестом и, уточняя свое предыдущее односложное утверждение, спросил:

— Но вам это должно быть известно из материалов моего дела, не правда ли?

— Видите ли, не я веду ваше дело и потому не посвящена в его детали, — уклончиво пояснила я.

— Ну что ж, — легко принял он неполную версию моего появления в его доме и вторично пригласил жестом присесть на диван за большой журнальный столик для работы с документами и практически приказным тоном потребовал: — Давайте поскорее закончим с формальностями.

Давайте! Поскорее, так совсем хорошо!

Он просматривал и вычитывал каждый документ, прежде чем поставить свою подпись на акте передачи, чем вызывал мое естественное адвокатское уважение. Но сам процесс ожидания, пока он изучит все бумаги, давался мне невероятно тяжело — сидеть рядом так близко, что чувствовать тепло, исходящее от его тела, еле уловимый запах дорогого парфюма, совсем близко видеть завитки коротких волос на затылке!

Мне приходилось постоянно контролировать каждое свое движение, слово, даже дыхание! И так отчитывать себя мысленно и прикрикивать, что мой внутренний голос наверняка охрип от постоянного ора. К тому же добавлялось еще и удивление на саму себя, больше похожее на бессильную растерянность. Я не могу вспомнить, когда я позволяла себе демонстрировать окружающим свои эмоции и чувства! Я настолько привыкла ими владеть, настолько была вымуштрована жизнью и достойным учителем сохранять при любых обстоятельствах сдержанность, хладнокровие, изысканность манер, что и вспомнить не могу, когда так открыто выказывала свои реакции! Честное слово, лучше бы я чей-то труп тут обнаружила!

Но, слава богу, эта пытка длилась недолго — он явно владел техникой скорочтения и, не упуская ни одной детали и мелочи, тем не менее сумел довольно оперативно просмотреть все документы и подписал наконец этот проклятый акт, который я буквально выхватила из-под его руки, как только ручка завершила росчерк его автографа.

— Ну вот, — заторопилась я, подсакивая с дивана и запихивая документ в портфель, — все дальнейшие дела будет вести, как и прежде, ваш адвокат.

— Надеюсь, — откинувшись на спинку дивана и закидывая на нее руку, не совсем чтобы добрым тоном заметил он и в том же ключе поинтересовался: — А почему она сама не приехала, а прислала вас?

— Так получилось, — обтекала я формулировками истинные причины, — у нее небольшой форс-мажор, но она обязательно сегодня же свяжется с вами. — И я поспешила распрощаться, первый раз обратившись к нему по имени: — Ну что ж, всего доброго, Сергей Константинович, уверена, что ваше дело завершится самым наилучшим для вас образом.

И мотанула на выход, схватив в охапку портфель, сумочку, куртку, которую сняла, когда присела на диван, и практически побежала, но деловой рысью, сдержанной, не дожидаясь исполнения хозяином его долга — провожания. Может, его и удивила такая прыть адвокатши, но мыслей своих он не озвучил и не сильно отстал от меня, что я обнаружила уже у самой калитки, когда услышала вопрос у себя за спиной:

— А что, у вас все рядовые адвокаты ездят на машинах такого класса и уровня или это служебная? — даже как-то весело поинтересовался он.

А я чуть не подпрыгнула от неожиданности, пребывая в полной успокаивающей уверенности, что хозяин остался в доме, отчего и пропищала перепуганно-сдавленно нечто невразумительное, как гусыня, которую ухватили за горло и тащат под топор:

— Н-нет...

Что «нет» — было непонятно даже мне, но уточнять я ничего не стала, быстренько и скомканно повторив неполную процедуру прощания:

— До свидания, Сергей Константинович...

И, не выслушав ответного прощания, рванула в спасительное нутро любимой машины, на ходу

отключая сигнализацию. Он стоял у калитки, засунув руки в карманы джинсов, и со странным выражением лица смотрел на мои прыжки и откровенный побег. Разворачивая машину, я почему-то махнула ему рукой приветственно-прощальным жестом.

Сбрендила. Верняк!

И это я?! Я, дама такого уровня и статуса, прошедшая такие кривые-рымы, что врагу не пожелаешь, холодная, уравновешенная женщина, владеющая собой в любой ситуации, — и прыгаю шуганутой белкой, блею, мелко трясусь, несу какую-то лабуду, возбуждаюсь не к месту и откровенно сбегаю — бред!

Полный бред и помутнение рассудка! И позор к тому же!

Видимо, находясь в глубоком послешоковом состоянии, я как-то на удивление споро и продуктивно завершила дела со своим основным клиентом, игнорируя его занудство, тупой снобизм и клиническую подозрительность, выражавшуюся придирками к любой мелочи и придумыванием возможных «ужасных обстоятельств».

Мое сознание как бы раздвоилось: одна половина занималась работой — четко, профессионально, не упуская ни одной мелочи; а вторая ругала себя на чем свет стоит и все пыталась справиться с потрясением от неожиданной встречи и от еще более неожиданных и таких предательских реакций организма и чувств на этого мужчину.

Как, каким образом я могла допустить столь непростительную для специалиста моего уровня, знаний и опыта ошибку?! Даже не просмотреть документы, которые везла, не поинтересоваться именем-фамилией клиента и хотя бы в общих чертах не вникнуть в суть данных его дела?! Я же не курьер по доставке пиццы, в самом-то деле!!! Да если б я узнала КОМУ предназначены эти бумаги, я бы точно не согласилась их передавать и избежала бы такого стресса и нервного потрясения! Ну как можно было вести себя так глупо?!

Знаете, в очень многих профессиях, связанных с риском для жизни, все правила безопасности «написаны» кровью. Абсолютно все! Кровью погибших. В адвокатской профессии, фигурально выражаясь, — кровью загубленных жизней клиентов и самих адвокатов. Это еще страшней! Их довольно много, этих неукоснительных и зачастую неписаных правил, но они, как основа основ, — единственная застолбленная тропинка через минное поле.

Я, конечно, совершив недопустимую ошибку, такого ляпа дала, как ни разу в своей практике, вот ни разу! Но тут надо кое-что пояснить и напомнить самой себе, чтоб не так уж сильно себя обвинять.

Наша фирма, именуемая незатейливо, но с большой, неприкрытой долей тщеславия «Адвокатская контора «Русаков», по фамилии ее основателя, является одной из самых крупных и известных адвокатских контор и занимается юриспруденцией практически во всех сферах жизни. А именно: гражданскими, уголовными делами и международным правом. Мы с Игорем возглавляем два основных подразделения: он — большой, куда входят подотделы по гражданским, уголовным делам и юриспруденция бизнес-направления. Я же являюсь специалистом по международному юридическому праву, в основном Евросоюза и входящих в него стран, и возглавляю именно это подразделение.

Таким образом, дела и клиенты наших с Игорем отделов практически не пересекаются, за редким исключением, например: разделом имущества супругов, владеющих недвижимостью вне пределов страны. Но и такими исками занимается, в основном, мое подразделение, вывода

их в отдельное судебное разбирательство.

К тому же мы вдвоем являемся единственными владельцами фирмы, а следовательно, наивысшей инстанцией для всех работающих в ней сотрудников, и, понятное дело, лично ведем самых крутых во всех отношениях клиентов и самые сложные и интересные дела — это уже без пафосной привязки к миллионам.

Я, например, выиграла одно дело, исковое требование которого исчислялось десятью евро, но оно было настолько необычным и сложным, и фигурировали в нем интересы и исторические ценности сразу трех стран. И выиграла, и разобрались, и все довольны остались, и истцы свои десять евро получили в приложении к моральному удовлетворению.

В соответствии с моим статусом, сами понимаете, мне по рангу не положено, да и невозможно «поручить» какое-то дельце и уж тем более — передачу документов с «оказией». Приблизительно так же невозможно, как если б солнце поутру вставало с запада. А тут какая-то Леночка, непонятная, останавливает меня в коридоре и «поручает» мне (мне! — на минуточку) по просьбе Игоря Романовича заняться доставкой документиков. Масштаб моего недоумения оценили?

Теперь понимаете, почему я испытывала в тот момент чувство крайнего раздражения и глубокого недовольства и согласилась на эту «передачку» только потому, что Игорь попросил меня об одолжении лично. Видимо, недовольство приобрело слишком разрушительные для моих нервов масштабы, раз я даже не просмотрела бумаги и не поинтересовалась именем фигуранта. А может, снобизм с возрастом подкрался незаметно, или от клиентов им заразилась? Снобизм, знаете ли, такая заразная сволочная штука!

Черт знает! Но, повторюсь, — такого рода ляпы недопустимы для профессионала моего уровня и статуса!

Под эти вот рассуждения второй половины моего сознания я и завершила деловое общение с клиентом и с чистой душой порушила к выезду из поселка. Но мое целеустремленное движение, подогреваемое рвением побыстрее и желательно навсегда свалить из этого «Озерского», было остановлено перекрывшим дорогу шлагбаумом и премиленькой в своей простоте и непосредственности надписи, выполненной на куске картона, висевшего на будке охраны: «Отошел на пять минут».

Прелестно. Ты бы еще добавил для полной ясности: «Ушел в туалет».

Дело в том, что, когда проектировался и строился этот поселок на месте почившей в бозе деревеньки, «умные» строители провели все коммуникации водоснабжения и канализации для пункта охраны метров на пятьдесят дальше той точки, где должен был располагаться по плану сам домик. Промахнулись, так сказать, может, по пьяни, а может, по извечному русскому раздолбайству. На ошибку не обратили внимания, так как охранное учреждение ставили в самую последнюю очередь. Вот тогда-то и почесали в задумчивости затылки господ строители и махнули дланью — а-а-а, пусть так и остается, побегает служивые в клозет и к умывальнику, чего уж теперь, не тратиться же на дополнительные работы. Так что и в самых крутых поселках нашей родины строят, как и везде, — главное, чтоб не упало и не рассыпалось, а все остальное — фигня, дело житейское!

По правилам дежурить на посту должны два охранника, а посему задержек с въездом-выездом не должно возникать, даже если кого-то из них припрет желудочное расстройство, но то по правилам, ну а про действительность в нашей стране вы сами все прекрасно знаете. Вот и

ждем-с...

Да и ладно, хоть расслаблюсь немного, а то плечи уже онемели от непокидающего с момента «встречи» с «Фордом» напряжения. Я выключила двигатель, откинула голову на подголовник сиденья, прикрыла глаза... и тут просигналила какая-то машина, подъехавшая сзади. Ну вот же! Расслабилась, называется!

Я посмотрела в зеркало заднего обзора: джип Range Rover, новье, последней модели. Классный. Люблю джипы, но, кажется, я уже об этом упоминала. Открылась водительская дверь, и из «Ровера» вышел Сергей Константинович Берестов собственной значимой, как утверждает Игорь, персоной.

Не, ну не засада, а?! Ну, полное... то, куда охранник отлучился!

Пришлось выбираться из машины, ну не игнорировать же господина Берестова, будь он неладен! Я прислушалась к себе — вроде ничего, в норме, дребежь внутренний хоть до конца и не прошел, но поутих до вполне терпимой стадии.

— Это опять вы! — констатировал Сергей Константинович очевидный факт, когда я подошла к его автомобилю. И оставалось неясным: не то пожурил, не то подивился, и тут же ошарашил, заявив теперь уже совершенно понятным, без вариантов, недовольным тоном: — Я собираюсь накатать клязу вашему руководству!

— Это ваше полное и неоспоримое право, — кивнула я и живенько поинтересовалась: — А в чем суть клязы?

— В принудительном стриптизе, — без тени юмора уведомил он и пояснил: — Ваша помощница, или не знаю, кто там из вашей конторы, утром звонила мне на домашний номер и разговаривала с моей бывшей женой, и именно с ней договаривалась о времени встречи со мной. При этом прекрасно зная, что она не проживает в этом доме, и мало того — именно она подала в суд иск о своих материальных претензиях ко мне.

— Та-а-ак, понятно, — протянула я, мгновенно внутренне напрягаясь.

Нечто такое я и предполагала, делая вывод из «ралли» его бывшей на «Форде» и распахнутых настежь дверей, но где-то очень надеялась, что все не так фатально для нас, может, простое недоразумение....

Но такое! За такие промахи выгоняют из профессии поганой метлой, с полной потерей имени, доверия, вплоть до лишения лицензии! Все, такого адвоката больше нет! Растворился в природе, исчез! А на безупречную репутацию фирмы-работодателя ложится пятно, и попробуй потом отмойся — запаришься! Лучше бы наша девонька сразу этой блондинке тупой лично в руки документы передала, тогда уж факт делового шпионажа налицо, и Леночке прямая дорога под суд, а у защитника господина Берестова еще один козырь на руках! Ну, (простите мне мой французский!) бля, Леночка!!! Ну, коза драная!!! Я тебе устрою! И Игорю заодно, до кучи!

— Видите ли, — помолчав и оценив степень потрясения, отразившуюся на моем лице, продолжил господин Берестов, — моя бывшая жена прекрасно осведомлена о распорядке моего дня и о том, что ровно в полдесятого утра я выхожу из душа и одеваюсь только после того, как пройду в кухню и выпью стакан сока, вот она и подгадала со временем и все двери открыла, а уезжая, еще и стырила у меня из портмоне наличность.

— Это будет трудно доказать, если только у вас в доме не понатыкано видеокамер, зафиксировавших момент кражи, — адвокатствовала я.

— Не понатыкано, — отмахнулся он и еле заметно скривился. — Да это-то ерунда, за ней такой грешок водится, не в первый раз приезжает сюда рано утром. Это у нее называется «обсудить наши дела», требует что-то несусветное, устраивает показательные истерики и, если я не замечу, тащит деньги из кошелька. Такая легкая форма kleptomании. Я и внимания не обращаю. Но то, что она устроила в этот раз, перешло уже все границы, и я намерен разобраться и с ней, и с вашей конторой.

— Ну, Сергей Константинович, — примирительным, легким тоном предложила я перейти на шутливую волну, — разве вы старательно качаетесь и занимаетесь спортом не для того, чтобы женщины восхищенно вас разглядывали и растекались лужицей у ваших ног? «Давид» по сравнению с вами отдыхает в кустах, я, например, оценила.

— Я не посещаю тренажерные залы и не накачиваю фигуру, чтобы поражать девушек, — не принял моей шутливой подачи он и даже где-то отчитал: — Бегаю каждое утро, занимаюсь на турнике, отжимаюсь и хожу в бассейн три раза в неделю, а все остальное — просто хорошая генетика, и не более.

А я вдруг совершенно непроизвольно разулыбалась, словно он мне самый желанный подарок в жизни преподнес или одарил всеми бриллиантами мира. Хорошая генетика — это знаете как здорово! Это просто замечательно!

— Что вы улыбаетесь? — буркнул недовольно господин Берестов.

— Вспомнила, как вы усердно вытирали голову и что-то напевали, по-моему, «Rammstein», — бухнула я, прежде чем успела сообразить, что неосторожно напоминаю о неприятном для него моменте.

— А вы знакомы с творчеством «Rammstein»? — необычайно удивился он, даже брови приподнял.

— Знакома, — скромненько призналась я и вторично призвала к замирению посредством юмора: — Ну, согласитесь, ситуация была скорее комичная, чем трагичная, и я в ней более пострадавшая сторона по сравнению с вами. Потому что мне было ужасно неудобно.

— И поэтому вы на меня пялились и совершенно бесстыдным образом разглядывали? — позволил-таки себе легкий намек на улыбку Сергей Константинович.

— Это от неожиданности, — быстренько оправдалась я.

— Слушайте, вы мне все время кого-то напоминаете, — вдруг огорошил он неожиданным заявлением. — Кого-то очень знакомого, никак не могу сообразить. Может, вашу маму или сестру?

Меня он не узнал, это абсолютно сто процентов, да и не мог бы. Я очень сильно изменилась с того времени, когда мы виделись последний раз, приблизительно как гусеница в бабочку, а моего полного имени он никогда не знал. Но даже намек, тень подозрения, что господин Берестов мог бы меня узнать, резко испортили мое настроение и крайне неприятно насторожили.

— У меня нет сестры, а мама моя, уверяю вас, точно с вами не знакома, — довольно холодно

ответила я.

— Я здесь! — прокричал от будки охранник.

И я, радуясь ему, как родному, за своевременное вмешательство в наш разговор, поспешила ретироваться в свою машину, не забыв про политес:

— Всего доброго, Сергей Константинович, — чуть склонив головушку свою, замученную сегодняшними событиями, пожелала я.

— И вам того же, — хмыкнул он и напомнил: — А клязу я таки настрочу вашему начальству, хоть вы и пытались тут всячески льстить моему мужскому тщеславию.

— Пишите, — пожала плечиками я, садясь в машину.

Когда мы выехали с проселочной дороги на шоссе, он обогнал мою машину и, на прощание мигнув аварийкой, прибавил скорости и умчался вперед. А я внезапно почувствовала такую вселенскую усталость, как будто вагон картошки одна разгрузила.

Навалились разом все посттравматические реакции, и умученные нервы сдались, да так, что свинцово налились руки-ноги. Пришлось съезжать на обочину, чтобы немного переждать, пережить это состояние.

Нет, работать я сегодня больше не смогу, факт.

Посидев пару минут и немного расслабившись, насколько позволяли условия — в машине, на обочине шоссе, — я набрала Олега и перенесла все текущие дела и встречи на завтра, на послеобеденное время, хорошо хоть у меня никаких судебных заседаний на этой неделе нет.

Да, еще одно неотложное дело. И я набрала Игоря. Сил не наскреблось даже на то, чтобы поругаться от души или хотя бы наехать праведным гневом, пришлось ограничиться изложением фактов, не окрашивая речь эмоциями.

— Я ее уволю с волчьим билетом! На хрен! — взорвался Игорь, возмущенный до предела.

— Это ты сам со своими девицами разбирайся: на хрен там или еще куда, но если информация о подобном нашем проколе просочится, сам понимаешь, приятного мало, замнем, конечно, но осадочек-то останется... — устало, пустым голосом напомнила я о возможных последствиях.

Адвокатская контора такого уровня, как наша, обязана быть безупречна и девственно чиста, как королевская невеста в день бракосочетания.

— Что, устала? — участливо поинтересовался он.

— Устала, Игорь, — призналась я и предупредила: — Дома с документами поработаю, появлюсь завтра, после обеда.

— Слава, тебе давно пора в нормальный отпуск, а не в командировках между делами урывками отдыхать, — порадовал он искренней заботой.

— Да какой отпуск, Игорь, — вяло отмахнулась я.

— Нормальный! — с нажимом повторил мой компаньон и уже другим тоном, не менее

уставшим, чем у меня, добавил: — Ладно, прикинем потом вместе, что можно с твоим отдыхом придумать, а пока езжай, действительно, домой, отлежись, и на хрен все документы. Просто отдыхай.

Иногда Игорь становился на удивление внимательным и чутким по отношению ко мне. Нет, он такой всегда, только тщательно скрывает эту свою заботу обо мне ото всех, и больше всего — от меня. Так наша жизнь сложилась, но я абсолютно точно знаю, что могу рассчитывать на него в любой, даже в самой беспросветной, безвыходной и распоследней гадской ситуации. Впрочем, как и он на меня.

Как и он на меня! И это самое ценное, что у нас с ним есть!

А все остальное — игры характеров, амбиций и застарелых обид — суть шелуха!

Документы, действительно, на хрен! В полнейшем бессилии я дотащила из прихожей в гостиную и рухнула на диван, не переодеваясь, скинув только верхнюю одежду и туфли...

И так и лежала, не в силах пошевелиться, не имея никакого желания двигаться, и закрыла глаза после недолгого рассматривания моего идеального натяжного потолка, не обнаружив на нем ни единого пятнышка или хоть чего-нибудь, за что мог бы зацепиться взгляд. Мне не хотелось ни о чем думать и больше всего не хотелось думать о Сергее Константиновиче Берестове. Ни думать, ни вспоминать!

Пусть прошлое останется в прошлом и будет там похоронено и упокоено! Не хочу!!

Но память, растревоженная ошеломившей нежданной встречей, не хотела успокаиваться, и из всех щелей, закоулков и потаенных уголков сознания стали настойчиво лезть воспоминания.

Черт бы тебя побрал, Берестов!!! Вот черт бы тебя побрал!

Господи, как же я его любила!!!

Дурной, бескомпромиссной девичьей любовью! До потрохов! Полностью растворяясь в любимом, забыв о себе, — любила до головокружения!

Сейчас, с высоты своего возраста, опыта и приобретенной благодаря нелегким, а порой и страшным жизненным урокам мудрости, я отчетливо понимаю, что у меня тогдашней не было ни одного шанса избежать такой бурной, всепоглощающей любви к безумно привлекательному благополучному москвичу.

Я всегда была довольно бесшабашной, ни черта не боялась и уж точно выпадала из всех норм и правил поведения. Особенно это касалось правил провинциального городка, в котором родилась и выросла. Не скажу, чтобы это был маленький городишко — вполне приличный, крупный районный центр, но патриархальные нравы и нормы морального поведения там соблюдались с повышенной требовательностью и придирчивостью.

Мои родители относились к рядам местной интеллигенции: мама — преподаватель начальной школы, папа — простой инженер на заводе. Нормальная, обыкновенная семья.

Когда мне было десять лет, папа от нас ушел.

Просто однажды вечером он вернулся с работы, мы поужинали втроем, как было у нас

заведено, папа встал из-за стола, поблагодарил маму за ужин и сказал:

— Мне надо собрать мои вещи, я уйду. — И вышел из кухни.

Это было как гром среди ясного неба! Ладно бы для меня, я, как ребенок, могла быть не посвящена в их с мамой проблемы, но нет! Мама так растерялась, она ничего не понимала — почему, откуда напасть? Ведь ничего не предвещало!

Отец всегда ночевал дома и каждый день приходил с работы в одно и то же время, никогда нигде не задерживался и вел себя как обычно. Как всегда. И ничего такого не происходило: никаких событий, что могли вызвать его раздражение или резкие высказывания, никаких скандалов с мамой или хотя бы неприятных разговоров с предъявлением претензий — ничего, чтобы можно было предположить, что он недоволен семейной жизнью и у него имеется роман на стороне!

Впрочем, мой отец, Виталий Степанович Огнев, всегда был человеком закрытым, замкнутым, малоэмоциональным и малоразговорчивым — эдакая вещь в себе, сухарь педантичный. Я не помню случая, чтобы он обнял меня, поцеловал, как-то по-отцовски приголубил, спросил, как дела, как учеба в школе; иногда меня это сильно задевало, до слез, я же видела, как относятся отцы к моим подругам, как их балуют, любят. И порой мне страстно хотелось, чтобы он так же, как и те папы, меня любил и интересовался мной и моей жизнью, и хвалил за достижения. Но он был скуп на слова и никогда не проявлял чувств ни ко мне, ни к маме.

А через два часа, собрав все свои вещи, он просто ушел, сказав в дверях:

— Ну, прощайте.

И навсегда вычеркнул нас из своей жизни. Через месяц их с мамой развели, он обязался платить положенные алименты на меня и платил исправно свои двадцать пять процентов, но больше ни разу не позвонил, не появился и никаким иным образом не давал о себе знать.

Ушел — отрезал. Ушел, кстати, к другой женщине.

А нам с мамой стало даже как-то легче без него, словно мы из армии демобилизовались. И оказалось, что вместе с ним исчезла необходимость стараться ему угодить, и неожиданно выяснилось, что отец установил в семье строгие, жесткие и неукоснительно исполняемые правила, на которые мы теперь с удовольствием наплевали и жили раскрепощенными и свободными.

Лично для меня папа сделал несколько конкретных вещей в жизни: участвовал в моем зачатии, назвал меня Мирославой в честь какой-то там его прабабушки и лично зарегистрировал это имя в загсе. И восемь лет платил алименты со своей официальной зарплаты, которые равнялись, по нынешним временам если пересчитать, сорока рублям пятнадцати копейкам. Да, и еще от папы мне достались густые блондинистые волосы редкого пепельного оттенка, правда, у него самого был иной цвет волос, ну а мой, как утверждали родственники с его стороны, достался мне именно от той прабабушки. За что из всего перечисленного мне его благодарить, не знаю, пожалуй, только за первое.

И неожиданно открылось, что мамулька у меня молодая и интересная женщина — ей же всего тридцать лет было, и за ней начали ухаживать мужчины, и у нее случались романы. Но она никогда не приводила ни одного мужчину к нам домой и замуж отказывалась выходить, боялась почему-то и все шутила, когда я об этом спрашивала:

— А зачем, Славочка? Так я сама себе хозяйка, и никто мне не указ, а появится муж и сразу: это делай, это не делай, обслужи, обстирай, дом в чистоте держи, разносолами ублажи. А он потом встанет и уйдет. Нет, мне так лучше, — и спрашивала, задорно улыбаясь: — Нам ведь правда так лучше, дочь? Мы вольные и свободные.

Дочь соглашалась с утверждением и сильно перестаралась с воплощением данного постулата в жизнь: стала байкершей, а заодно и рокершей, и немного металлисткой. Дело в том, что мой троюродный брат Вадим (он старше меня на десять лет), сын маминой двоюродной сестры тети Вали, с которой они были в очень близких, родственных отношениях, увлекался мотоспортом, мотоциклами и всем, что с ними связано.

Когда мне было лет тринадцать, он как-то взял меня с собой на байкерскую тусовку, случайно так вышло. Наши мамы готовили праздничный стол к юбилею бабушки и отправили нас с Вадимом на дальний большой рынок за покупками, но рынок по какой-то технической причине оказался закрыт, и мы без зазрения совести просто слиняли. Чтобы не попасть под еще какое-нибудь их поручение. Ну, а так как Вадим при любой возможности «линял» только в свою байкерскую компанию...

Девочка я была решительная, абсолютно ни черта не боялась, энергии и любопытства во мне хватило бы на батальон рядовых девчонок, потому и неудивительно, что уже через месяц я лихо рулила на самом маленьком мотоцикле, который мужики подобрали специально для меня. Как ни странно, я вписалась в сообщество этих людей — ни в коем случае не банды! Руководил этим клубом и являлся непререкаемым авторитетом некто Варяг, в простой жизни звавшийся Николаем, был он старше всех и немного страшноватый от старого ранения в лицо, которое получил в Афгане. Вот он и требовал от всех соблюдения законов, никакого раздолбайства, никаких правонарушений, и строго за этим следил, и беспощадно изгонял из группы даже за намек на криминал. Он же, Варяг, и решил, что девочка Слава вполне достойна того, чтобы вступить в их ряды, правда, с одним условием — я обязана хорошо учиться в школе.

Знаете, как я старалась? Я стала круглой отличницей, только бы не вылететь из любимой тусовки. И гоняла на мотоциклах, и наизусть знала все рокерские коллективы и их композиции, и даже пару лет пела в одном местном рок-ансамбле, и тащилась от металлики, а «Rammstein» стал одной из моих любимых групп.

Но этого мне показалось мало. А прикид? Обязательно!

И в шестнадцать лет я ходила по улицам, шокируя своим видом пуританских прохожих, в черных в обтяжку брюках из синтетической кожи, в черных майках с портретами любимых исполнителей, в черной косухе с заклепками, в обрезанных перчатках и тяжелых армейских «берцах» на ногах.

Свои прекрасные пепельные волосы я обрезала под безукоризненное «каре» с челкой ниже бровей и красила их, разумеется, в «радикально черный» цвет, а макияж делала такой, что порой и глаз не было видно. Дополняли эту «картину» три косых шрама на правой щеке — один подлинней и два маленьких, — полученных мной от падения с мотоцикла, когда меня протащило мордой по асфальту. Не такие прямо страшные и выпуклые шрамы, но очень даже заметные.

Так что со свободой и волей я как-то переборщила.

Мама поначалу пугалась, а потом махнула рукой — перебесится ребенок, само пройдет! Она лично встретилась с Варягом-Колеей, долго с ним разговаривала, и с Вадимом беседовала, и

решила не трогать меня и не поучать. Главное, она знала точно: я не пью даже пиво, не курю и уж тем более не балуюсь никакими наркотиками, и нахожусь под постоянным и неусыпным приглядом нормальных ребят. И, кроме того, мы объездили пол-России по историческим местам, каждый раз с какой-то идеей: то средства собрать для сиротского дома или для реставрации церкви, то на какие-нибудь рок-фестивали.

Одним словом — жизнь бурлила! При этом у нас с мамой наступила полная любовь и взаимопонимание. А для полного спокойствия ее нервов я стала лучшей ученицей в школе и победила на нескольких олимпиадах. Правда, у меня лично создалось впечатление, что победу мне присуждали скорее от испуга, когда, грохоча тяжелыми ботинками, я подходила к преподавательскому столу и, позвякивая заклепками на косухе, усаживалась на стул, и хлопала тяжелыми от туши ресницами, грозящими в очередной раз просто не разлепиться.

В шестнадцать лет я твердо решила, что стану юристом. И пришло ко мне это озарение в околотке одного из маленьких городишек, который проезжала наша бригада, путешествуя летом по стране. Заперли нас просто так, для профилактики, за один только внешний вид и мотоциклы на всю ночь. И меня просто порвало от невозможности что-то доказать красномордым ментам, издевательски похохатывавшим над моими потугами добиться справедливости.

А вот если бы я знала законы... далее последовало озарение: вот оно, призвание моей жизни! Стану юристом!

Ну а куда может поступать лучшая ученица школы, победительница олимпиад?

Разумеется, только в Москву! А что, могли быть другие варианты?

А вот вопрос второй, сам собой напрашивающийся из такого решения, оказался куда как сложнее: а на какие шиши сей банкет?

Мне семнадцать лет, на дворе девяносто пятый год, в стране сами помните, что творилось, а уж в Москве и подавно. Мамочка моя, для того чтобы мы могли хоть как-то прожить, три года назад ушла с работы и стала челноком: таскала на себе неподъемные тюки с барахлом и стояла на рынке, торговала в любую погоду. И в Москву эту ездила почти каждый месяц за товаром — уж она-то точно знала, что представляет собой эта столица!

— Езжай, — решила мама, когда поздно ночью, после последнего моего выпускного экзамена в школе, мы сидели за столом в кухне и отмечали это событие моим первым в жизни шампанским, — справимся как-нибудь. Для чего я в эти челноки-то проклятые пошла, чтобы тебе как-то жизнь обеспечить. Езжай! Поступай! Только, дочь, учись там лучше всех!

И я поехала!

Боже! Я попала в другой мир, другую вселенную, в параллельное измерение!

Москва! Здесь все оказалось совершенно иным: энергия города, его ритм, магазины, улицы, кафе-рестораны, люди, жизнь — даже воздух этого города был особенным!

Я поступила сразу и довольно легко, у меня и сомнений не было, и опасений по этому поводу. И место в общежитии мне дали сразу и без проблем, невзирая на все «страшилки», которые рассказывали другие абитуриенты про то, как это сложно, и что надо взятку давать, и что место дают только одному из десяти претендентов. Ну, это вас девять, а я та самая одна —

воображала я себя такой фифой распрекрасной.

И началась моя новая интересная, захватывающая жизнь!

Мне нравилось учиться, я с удовольствием ходила на все лекции и занятия, раньше будильника вставляла — вот насколько увлеклась образованием! И нравилось исследовать Москву, открывать ее для себя, ходить по музеям, улицам и проспектам — я даже специальную карту достопримечательностей и исторических мест приобрела и отмечала кружочками, где уже побывала. И завела новых друзей, перезнакомившись со своими однокурсниками и девчонками из общаги.

Я жила, училась, радовалась на полную катушку, с таким удовольствием проживая каждый день, что мне было нестерпимо жаль тратить время на сон!

В конце сентября у парня из нашей группы, московского мальчика из обеспеченной семьи, случился день рождения, и он решил отметить это событие в клубе и пригласил пять одноклассников, в том числе и меня. Ну, вроде так само собой сложилось, что мы впятером теснее всего общались, и где-то даже сдружились, и уж точно постоянно вместе тусовались: гуляли, в кино ходили.

Девяносто пятый год — такое новшество, как ночные клубы, даже в Москве было еще вроде как экзотикой, хотя и бытовало уже повсюду, но воспринималось пока еще малопривычным явлением.

Я все переживала, что нас не пустят: нам же всем еще восемнадцати не было, вот только имениннику, но мои опасения не подтвердились — столик был заказан и нас пропустили без всяких вопросов.

Памятуя о наставлениях Варяга, которые он вдальбивал мне годами, я только делала вид, что пью наравне со всеми, благо в темноте, в сверкании прожекторов, грохоте музыки и праздничной эйфории всем было по барабану, кто там пьет и что. Зато я оторвалась на танцполе, так отплясывая, что не замечала ничего вокруг, мне и без допингов было весело, бесшабашно и классно!

А вот народец наш студентиком был пока еще хилым, «боевого» опыта питья еще не имевшим, — мальчишки быстро как-то набрались и так же быстро от пьяного куража и безбашенных танцев спланировали в тяжелое опьянение с соответствующими последствиями.

— Славка! Помоги! — прокричал мне в ухо Антон. — Мне в туалет надо, а сам я не дойду!

Пришлось подставить плечо, обнять за талию и пробиваться с этим телом через толпу в холл, к туалету. Парень оказался тяжелым для меня, сначала я его уронила посреди зала, он громко ржал, возился на полу, пытаюсь подняться, помогли какие-то ребята, под веселые комментарии подняли и снова повесили его на меня. Второй раз я его не удержала уже возле самой двери у выхода из зала, всего метра два оставалось, но он споткнулся, громко натужно икнул, и я, испугавшись, что его сейчас вырвет прямо на меня, отскочила в сторону. Антон предпринял слабую и обреченную заранее попытку удержать непослушное тело вертикально, как-то нелепо переступил ногами и шлепнулся на колени.

Я стояла, смотрела, как он там копошится, и размышляла, а не внести ли конструктивное предложение, посоветовав ему проделать оставшийся путь до клозета на четвереньках — так, пожалуй, безопасней будет для всех.

Мои размышления на отправной точке, когда решение уже принято и пора переходить от мыслей к делу, прервал какой-то парень. Осторожно отодвинув меня в сторонку, он наклонился над несчастным Антоном и весело посочувствовал:

— Ну что, брат, водка, пиво и текила?

И как-то совсем легко, без особых усилий, поставил моего друга на ноги, подхватил одной рукой за талию и, повернувшись ко мне, спросил:

— Куда?

— В туалет... — сообщила я целевое направление нашего движения.

— Понятно, — хохотнул он. — А вы, девушка, его и там собирались сопровождать?

— Нет! — проорала я, перекрикивая музыку, загрохотавшую после небольшого перерыва новой композицией. — Я бы его в дверь впихнула и все!

— Идем! — прокричал в ответ парень.

Почему-то я чувствовала себя ответственной за Антона и стояла в холле, ожидая, пока он с добровольным помощником выйдут из туалета. Предполагая, видимо, что ожидать проявления дальнейшего героизма у незнакомца было бы верхом неприличия и тащить это тело назад придется мне самой.

Но когда они все-таки вышли, через довольно продолжительное время, правильнее сказать: вышел парень, а Антона он вынес на своем плече, и я наконец смогла рассмотреть в ярком свете холла моего помощника — мир вокруг для меня перестал существовать! Слово вокруг погас свет и лишь только его одного высветил луч мощного прожектора!

Парень показался мне таким потрясающим, таким мужественным, сильным, красивым, необыкновенным! И таким родным, единственным во всем мире!

Я смотрела на него во все глаза, по-моему, даже рот открыла, выпав из пространства и времени, я оглохла: не слышала музыки, не слышала его слов, только видела, как шевелятся его улыбающиеся губы, как он засмеялся, как, подкинув чуть вверх, поудобней перехватил Антона...

Несколько секунд я стояла в абсолютном ступоре и глядела на него, как деревенская дурочка на царя-батюшку, чудным образом материализовавшегося на главной улице посреди извечной большой лужи, с копошащимися в ней соседскими гусями.

А потом — резко — мир вернулся назад, и снова заорала у меня за спиной музыка, и парень вновь весело обратился ко мне:

— Я спрашиваю, может его здесь оставить, танцевать ваш кавалер точно уже не сможет!

— Он не мой кавалер, просто друг, мы тут день рождения отмечаем! — быстро отказалась я от более близких отношений с Антоном.

— Ваш? — спросил мужчина моей мечты.

— Что?

— День рождения, спрашиваю, ваш?

— Нет, нашего одноклассника.

— Ну что, нести его назад в зал?..

— Не надо, вон на скамейку посадите, — указала я на лавку у гардероба.

Он пристроил уже засыпающего Антона на скамью, прислонив его к стеночке, повернулся ко мне и предложил:

— Пойдем, потанцуем?

Ну, конечно, да!!! Если б он предложил мне сейчас в фонтане искупаться или рвануть на Северный полюс — да, не раздумывая! Куда угодно!

— Тебя как зовут? — прокричал он мне в ухо во время танца.

— Слава! — прокричала я в ответ.

— А по паспорту?

— Слава! — уверила я криком.

— Это мужское имя!.. — напрягая голос, возразил он в грохоте музыки.

Имя мое мне всегда не нравилось! А, скажите на милость, какой бы нормальной девочке, детство которой протекало в восьмидесятых годах, нравилось бы такое имя? Поэтому с ясельной группы детского сада я откликалась только на «Славу». И всегда, и неизменно при новом знакомстве, стоило мне представиться, каждый человек считал своим долгом открыть мне глаза на то, что это мужское имя. Предполагалось, видимо, что живу душой и не знаю про половую принадлежность своего имени.

Неожиданно музыка прервалась — одна композиция закончилась, а следующую диджеи обсуждали с двумя посетителями, спорившими между собой.

Я воспользовалась моментом.

— Давай я сразу отвечу на все твои банальные вопросы, — деловито предложила я. — Да, это мужское имя, и ты миллион второй человек, который считает своим долгом меня об этом оповестить. Да, судя по моему прикиду, я байкерша, обожаю мотоциклы и классно на них езжу с тринадцати лет. Это, — я коротким, резким жестом руки указала пальцем на свои шрамы на щеке, — оттуда, неправильно вошла в поворот и пролетела лицом по асфальту. Да, раз я ношу футболку с логотипом известной группы, я рокерша и пела в одном местном рок-ансамбле. И да, я уважаю также и металл, но не весь.

— Я Сергей, — серьезно представился он, протянув мне руку для рукопожатия, пожал мою ладонь и рассмеялся. — Ты забавная! Идем к нам за столик, поболтаем, — и он махнул куда-то в сторону рукой. — Мы с мужиками тут одну сделку удачную обмываем. Расскажешь, откуда ты, такая крутая байкерша, в Москву приехала.

Вновь загремевшая музыка обрушилась на нас неожиданно и раздражающе громко. Мы скривились одновременно от резанувших по ушам звуков, и Сергей, взяв меня за локоток, начал пробираться в сторону своего столика. Правила и наставления Варяга, закрепленные в

моем мозгу на уровне рефлексов, я не могла проигнорировать даже ради этого мужчины и остановилась посреди танцпола.

— Что? — прокричал Сергей.

— Я тут с друзьями! — проорала я оправдание и указала на столик, где сидели мои одноклассники. — Мы день рождения отмечаем, я говорила!

— Ладно, — посмотрев в том направлении, куда я указала, согласился он, — но потанцевать тебя еще можно будет пригласить?

— Обязательно! — обрадовалась я.

За нашим столиком праздник закончился абсолютно очевидно: народ перепился, мало что соображал, заорал бравурно-пьяно, узрев мое возвращение, даже не поинтересовавшись, куда исчез Антон. Но занятия своего упорно не бросали, продолжая что-то пить, подтанцовывать, сидя на месте, подпевать, а кто-то уже отрубился и посапывал, откинувшись на диванную спинку, кто-то спорил не пойми о чем, не слыша друг друга. Мне стало совершенно неинтересно, скучно, грустно. Я постаралась сесть так, чтобы видеть часть столика, за которым устроилась компания этого Сергея, но, увы — отсюда я могла различить только его плечо и затылок, и то его постоянно кто-то загораживал.

Кто-то сунул мне бокал с коктейлем в руку, Мишка привалился ко мне горячим боком и принялся что-то рассказывать, дыша в лицо перегаром и чесночной закуской, я честно старалась не морщиться и потихоньку отталкивала его от себя подальше.

Занятая этим непростым делом, я не сразу услышала какие-то громкие крики в дальнем углу зала, а когда они стали набирать мощь и интенсивность, подумала, что какая-нибудь компания тоже шумно и чересчур весело отмечает свое значимое событие. Но вдруг меня ухватили за предплечье и резко дернули с места вверх.

— Быстро хватай свои вещи! — прокричал мне в ухо Сергей. — И валим отсюда!

Сумочку и куртку я схватила, не задумываясь, но про «валим» попыталась уточнить:

— Что случилось?!..

— Там нехилое махалово началось, через пару минут весь зал будет участвовать, а через пять минут приедет милиция и сгребут всех подряд!

— А они? — кивнула я в сторону своей компании.

— А ты хочешь их всех на себе вынести? — очень удивился он. — Сами они уже не пойдут. — И успокоил: — Да ничего с ними не будет, проверят документы и отпустят, только эта бодяга до утра затянется. Все, девочка Слава, разговаривать мы с тобой потом будем, а сейчас тупо смываемся из этого гнезда порока.

Усердно работая локтями, Сергей прокладывал нам путь к дверям, благодаря чему мы на удивление быстро выскочили в холл, где, как выяснилось, нас ждали его друзья, с которыми, помнится, они отмечали какую-то сделку.

— Это твоя байкерша? — спросил весело один из них, тот, что был поменьше ростом. — Симпатичная!

А я увидела спящего на скамейке Антона и кинулась к нему:

— Антон! Антон! — трясла я его, пытаюсь разбудить.

— Ты всех сырых и убогих спасаешь или выборочно? — спросил у меня за спиной Сергей и, демонстративно тяжело вздохнув, отодвинул меня в сторону, распорядившись: — Леш, взяли!

С одним из парней они подняли Антона, закинули его руки себе на плечи и быстро направились к выходу, третий парень открывал перед нами двери, охрана этим уже не занималась, кинувшись в зал на звуки набиравшего там обороты побоища.

Оказавшись на улице, мы все куда-то побежали подальше от клуба. Через какой-то двор вышли на соседнюю улицу, где мужики прислонили Антона к стенке и, придерживая его руками, чтобы не упал, озадачили меня вопросом:

— Ты знаешь, где он живет?

— Нет, — чистосердечно призналась я и уточнила: — Где-то в Чертанове, с родителями, он москвич.

— Исчерпывающая информация, — «похвалил» Сергей и принялся проверять карманы пиджака пьяного студента.

А я только теперь поняла, почему Антон его так и не снял, хотя в клубе жара стояла несусветная, да и танцы, и выпивка — оказалось, что у него под правой рукой разорвалась по шву рубашка.

— Энергично парень отдыхал, во всех отношениях, — прокомментировал сие открытие Сергей и порадовался: — Ага! Вот и паспорт! Молодец мальчик, документ при себе носит, — похвалил он и передал документ другу: — Леш, посмотри там точный адрес.

Адрес выяснили, такси поймали, Антона в машину погрузили, а когда Сергей заплатил водителю и попросил доставить тело к подъезду, обещав проверить лично и предупредив, что «срисовал» номера его машины, то стал для меня окончательно и бесповоротно героем всех времен и народов и самым распрекрасным человеком на свете!

Распрекрасный человек на свете продолжал командовать и руководить и после отъезда такси с бесчувственным Антоном и, выяснив у меня, знаю ли я домашний номер телефона моего отбывшего одноклассника, привел к автомату на углу, распорядившись, чтобы я позвонила его родителям — пусть выйдут встречать сына. Проследив за исполнением, наконец, представил меня друзьям:

— Ну, знакомьтесь, это Слава, а это Дима и Алексей.

Мы произнесли ритуальное «оч приятно», пожали друг другу ручки и тут же распрощались. Ибо они отправились по домам, а Сергей предложил мне немного пройтись, после чего обещал посадить на такси. Ну про то, что за ним я пошла бы куда угодно, я уже упоминала...

Я не помню, о чем мы говорили, я просто смотрела на него, не отрываясь, и все старалась забежать вперед, чтобы лучше видеть его лицо, и смеялась как-то нервно от переполнявших меня чувств, с которыми и не пыталась совладать. А когда он предложил пойти завтра вместе в театр, в «Ленком» на премьеру, я чуть сама из себя не выпрыгнула от восторга!

С ним! Вдвоем! В театр! Я даже говорить не могла!

— Ну что, пойдешь? — усмехался он моей восторженности. — У меня как раз два билета есть.

— Я пойду! — прохрипела почему-то я и кивнула, закрепляя согласие.

— Тогда завтра, в полседьмого у театра встречаемся, — рассмеялся он.

Я почти не запомнила спектакль, который мы смотрели, меня просто душили чувства, эмоции, перехлестывающие через все возможные края!

Мой герой, мужчина всех моих девичьих грез, был так прекрасен!

Я увидела его, ждавшего меня у театра, в строгом костюме, потрясающе красивого, и просто задохнулась, и так и не смогла нормально дышать все остальное время потом, пока шел спектакль! Я очень старалась хорошо выглядеть — перемерила все, что было из одежды у меня, и половину вещей девчонок, соседок по комнате, — на это важное мероприятие меня собирали всем миром. Вышло очень даже классно!

— Отлично выглядишь! — оценил наши старания Сергей, когда я подлетела к нему, как резвая кобылка к любимому хозяину.

После спектакля мы пошли гулять!

И так это было потрясающе!!! Он показывал мне свою Москву, ту, которую знал и любил. Мы неторопливо прогуливались по каким-то улочкам центра, странным и порой причудливым образом изгибавшимся, перетекавшим друг в друга, делавшим резкие повороты, демонстрируя свои старинные дома, особняки. И, слушая рассказы Сергея, я очаровывалась, влюблялась в эти улицы и понимала, что этот город теперь навсегда войдет в мой мир, в мое сердце и душу вместе с переполнявшими меня чувствами восторга и любви к этому парню.

Он рассказал и о себе, что ему двадцать три года, что он коренной москвич в пятом поколении, что окончил Финансовый институт, теперь ставший Академией, и что уже на третьем курсе они втроем с друзьями, с теми самыми Алексеем и Димой, занялись бизнесом. Сначала просто мелкой торговлей, потом перешли на опт и что только не продавали и перепродавали! Поведал, что Дима гениальный программист, и они очень неслабо «поднялись» на торговле компьютерами и программным продуктом, который он делал. А на четвертом курсе они уже основали свою фирму, и все равно торгуют, но уже совсем иными объемами и на гораздо более высоком уровне, и подумывают о производстве...

Мне было жутко интересно, я слушала его голос, и мне казалось, я погружаюсь в океан под именем Сергей Берестов! К моменту, когда он сажал меня в такси, я уже твердо знала, что это мужчина всей моей жизни, и я люблю его больше всего, что существует на свете — больше неба и звезд и больше себя самой! И твердо решила, что непременно соблазню его в следующую нашу встречу.

Он не был писаным, классическим красавцем и Аполлоном тоже не был — симпатичным, очень харизматичным, по-мужски необычайно привлекательным, стройным, мускулистым, высоким был, в принципе, вполне обыкновенным парнем. Но мне, в моей безумной влюбленности он казался потрясающе, необыкновенно красивым!!!

Самым красивым мужчиной на свете!

Мы договорились встретиться в пятницу поздно вечером у метро, и я тщательно готовилась к этой встрече. Твердо решив расстаться со своей девственностью, я почему-то вообразила, что лучшего способа для исполнения задуманного, чем соблазнение мужчины, не найти. Я как-то упустила из виду тот момент, что для такого мероприятия, как соблазнение, не мешало бы иметь хоть какой-то мало-мальский опыт. Для начала было бы неплохо хотя бы поцеловаться серьезно раз в жизни с каким-нибудь мальчиком!

Вот чего не было, того не было! Ну и что? Я пошла другим путем!

Сергей несколько раз повторил, что мои увлечения байками, роком и металлом весьма необычны для провинциальной семнадцатилетней девочки, это и для москвичек-то эпатаж, а уж для барышни из глубинки так вообще за пределом воображения. Но ему мой образ нравился, веселил даже.

А раз так, то будем придерживаться роли отвязанной, немного стервозной роковой красотки. Но на пути к такому радикальному перевоплощению я столкнулась с одним моментиком, ранее никогда меня не волновавшим.... Как бы это поделикатнее объяснить?

Скажем так: мои нижние волосы, завиваясь веселыми кучеряшками, были прекрасного пепельно-белого цвета, что, согласитесь, с ролью роковой брюнетки никак не вязалось. И глупое дитя решило это недоразумение ликвидировать путем покраски.

Ощущения представили? Вот-вот! Повизжав минут с пяток, я сбрила всю эту так и не успевшую покраситься красоту на фиг! А порассматривав результат в зеркале, решила, что как-то слишком голо получилось, и сбегала в специальный магазин. К вечеру на моем бритом лобке красовалась временная накладная татуировочка в виде бабочки. По-моему, для выбранного мной образа в самый раз — нечто оригинальное!

И всю дорогу до места свидания я повторяла про себя, как мантру, чтобы не струсить в последний момент и что-нибудь не испортить: «Я роковая женщина, я роковая женщина, я сама решаю, с кем и когда заняться любовью!»

Он преподнес мне очень милый букетик из небольших розочек.

— Спасибо, — сказала я, чуть зарумянившись от неожиданности и удовольствия, и выпалила: — Поехали к тебе!

— Ого, вот так сразу! — усмехнулся Сергей и пошутил: — Славка, ты же еще маленькая! Тебе еще рано такими взрослыми делами заниматься!

— Была бы маленькая, ты бы со мной не встречался! — вполне резонно, между прочим, заметила я.

— Славка, Славка, — тягостно вздохнул он, перестав улыбаться, — и откуда ты свалилась на мою голову?

— Из ночного клуба, — напомнила со всей серьезностью я.

Бабочка на голом лобке привела мужчину в восторженное обалдение, а открытие, что я только что была девственницей, окончательно доконало.

— Почему ты мне не сказала! — орал Сергей, подскочив с ложа любви. — Если б я знал, ни за что не потащил бы тебя в кровать!

— Поэтому и не сказала, — призналась я, стыдливо прикрывая голую грудь одеялом.

— Твою ж мать! — бушевал он, от растерянности засунув обе ладони в волосы. — Ты так выглядишь, словно потеряла девственность лет в тринадцать, когда первый раз села на мотоцикл! Да еще эта бабочка!!! Ты же была в банде байкеров!

— Они никогда не были бандой! — заступилась я за своих. — И не нарушали ни одного закона! Это команда серьезных, настоящих людей, к тому же занимающихся благотворительностью!

— Охренеть! — посмотрев на меня, выдавил он.

Сходил на кухню, принес оттуда бутылку водки, налил себе рюмку и выпил, залив в себе, как я поняла, муки совести, обвинявшие его в растлении малолетних. Бушевал он недолго, резонно рассудив, что раз непоправимый урон уже нанесен, то и причитать нечего, и вернулся ко мне в кровать!

Мы провели вместе все выходные. Выбирались в город, гуляли по Патриаршим, по Волхонке и Арбату, заходили в кафе, и он угощал меня кофе и потрясающими пирожными, смеялись, шутили, целовались без конца, и Сергей все требовал, чтобы я рассказывала про свою банду, как он ее все равно продолжал называть.

Он невероятно много работал, я училась, но каждые выходные дни мы проводили друг с другом. Сергей заезжал за мной на стареньком, дребезжащем «БМВ» вечером в пятницу, иногда совсем поздно, и мы ехали в квартиру, которую он снимал. Порой не вылезали из кровати по два дня, не в состоянии оторваться друг от друга, а в понедельник утром я прямо оттуда уезжала в институт.

Я не интересовалась особо, чем он занимается, мне было все равно, даже если бы выяснилось, что он наемный убийца, но, к счастью, он избрал какой-то иной вид деятельности. Сергей постоянно куда-то ездил, в любое время суток — растамаживал какие-то вагоны, фуры, договаривался о складах и торговых площадях. Даже среди ночи звонил, жужжал и включался факс по нескольку раз, выплевывая из своего нутра какие-то документы. Он мог сорваться по звонку телефона в воскресенье утром и вернуться только ночью, уставший, посеревший лицом, вымотанный до предела. Я делала ему массаж, горячую ванну и кормила всякими вкусностями. Я очень здорово готовила — это тоже было одним из моих хобби. И мои кулинарные шедевры ему невероятно нравились, он даже глаза закатывал от восторга, когда пробовал. А уж я старалась изо всех сил!

Но, даже вымотанный и уставший выше всякого предела, он, оказавшись в постели, неизменно тянулся ко мне, и мы занимались сводящей меня с ума любовью.

Сергей легко, без опасений и каких-либо колебаний, без раздумий на тему «а надо ли», знакомил меня со своими друзьями, и мы часто ездили за город, на дачу к кому-нибудь из его приятелей и здорово проводили время, как правило, с гитарами, песнями и совсем малым количеством спиртного. Он и его друзья, Алексей и Дима, вообще мало пили, это я отметила сразу. Но, к моему сожалению, большую часть таких посиделок мужчины проводили в долгих разговорах о бизнесе, о политике, об экономической ситуации в стране и о возможных вариантах ее развития.

Я слушала очень внимательно, стараясь все понять и запомнить, но мне это не совсем удавалось. Да о чем там говорить! Кроме него, предмета моего обожания, меня вообще мало что интересовало, разве что только моя учеба.

Ради него я готова была абсолютно на все: хоть с башни сигануть, хоть босиком по раскаленным углям пройти. И стала гораздо меньше краситься по его просьбе, довольствуясь лишь легким макияжем, и перестала одеваться уж так прямолинейно по-рокерски, закинув куда-то подальше свою косуху и черные штаны, ограничиваясь джинсиками, свитерами и курткой вполне умеренного толка, ну чуть-чуть с уклоном в любимое байкерство. Но стрижку «графическое каре», черные волосы, корни которых подкрашивала каждую неделю, чтоб никто не догадывался об их истинном цвете, и бритый лобок с периодически восстанавливаемыми разными татушками оставила в прежнем виде. Последнее ему особенно нравилось и почему-то очень веселило.

Мы вместе встретили Новый год в компании его друзей в загородном доме, и ходили там по лесу на лыжах, и катались в санках с горки, и играли в снежки, и всей компанией лепили снежную бабу. А возвращаясь в дом, грелись у большой печки и тихими голосами пели под гитару и играли в «монополию», в которую господин Берестов выигрывал всегда, вызывая неизменное разочарование остальных и азартное желание отыграться.

И это было такое непередаваемое счастье!

Я летала! Обнаружилось, что у меня есть невидимые крылья! Я жила в раю, я дышала волшебным, пьянящим воздухом этого рая, и мне казалось, что так будет всю оставшуюся жизнь, потому что скорее все моря и океаны выйдут из берегов, чем сможет остыть моя любовь к нему, стать спокойнее, привычнее — стать иной! Всем накалом своей души, каждой клеткой я буду так же сильно любить его всю жизнь. А он меня!

В конце января Сергей заехал за мной в общежитие совсем поздно, часов в одиннадцать вечера. Я, счастливая, улыбающаяся, раскрасневшаяся от морозца и чувств, впорхнула в машину, поцеловала его в щеку и тут же перестала улыбаться, увидев, как он выглядит. От усталости и каких-то переживаний Сергей не просто осунулся, он почернел лицом, под глазами залегли темные круги, заострились скулы, впали небритые щеки, покрытые многодневной щетиной.

— Сережа, что-то случилось? — перепугалась я.

— Ничего, Славка, — хриплым, замученным голосом сказал он. — Просто устал, как собака, вымотался — проблемы рабочие навалились одна за другой. И есть хочу, — попытался улыбнуться он.

Это мимическое действие давалось ему с трудом, совсем не давалось, можно сказать, лишь обозначило морщины, которых у него до сих пор не наблюдалось, он словно постарел на несколько лет.

— Тогда поехали скорей домой! — поторопила я, прижавшись к его плечу. — Буду тебя кормить, жалеть и баловать, и ванну тебя расслабляющую сделаю!

— И песенку спою, — добавил он, поцеловав меня в лоб. — Поехали, мне такая программа нравится.

Целые сутки Сергей просто отлеживался. Выключив все телефоны, смотрел рассеянно телик, о чем-то думал все время, и тяжелая складка то и дело появлялась между его бровей. Что не мешало ему с удовольствием и с аппетитом съедать все, что я старалась приготовить. Обычно, когда я кулинарила, он находился со мной в кухне и помогал, выполняя работу «помощника шеф-повара», как он шутливо это называл, и мы болтали, смеялись, пока готовили, а потом

вместе мыли посуду.

В те сутки у него на это не было ни сил, ни желания, и я его жалела страшно и все старалась как-то побаловать, даже шампанское, позабытое в холодильнике после январских праздников, открыла, что он поддержал с энтузиазмом.

Всю ночь мы занимались такой потрясающей любовью, что мне казалось, у меня сердце разорвется, и он совсем не давал мне спать, начиная целовать, если я задремывала, и все шептал горячими губами:

— Не спи, Славочка, хочу, чтобы ты была со мной, потом поспим...

И я откликалась на этот зов, и отвечала на его ласки, и с ума сходила от его нежности, от его страстного напора, а он шептал мне какие-то слова о том, какая я необыкновенная, прекрасная и что-то еще, еще...

Я почти не слышала, что он говорил, все мое тело звенело каждой клеткой, в голове, оглушая, стучала набатом кровь, и я шептала что-то в ответ, и принимала, принимала эту его горячую неистовость...

А утром наступила моя смерть, и я умерла — меня не стало.

Когда я проснулась, он, полностью одетый и выбритый, сидел на краю кровати и смотрел на меня, наклонился, поцеловал коротко в губы, снова сел прямо и сказал:

— Славочка, сегодня я улетаю в Америку. Надолго. Навсегда. Жить.

— Как это?.. — совершенно и абсолютно не поняла я.

— На самолете, — даже без слабого намека на шутку ответил он.

— Но почему?! — тупила девочка Слава.

— Я это давно планировал, — начал объяснять он, отвернувшись от меня и глядя куда-то на старый хозяйский сервант. — Еще до встречи с тобой, и документы давно подал на выезд. У меня билет уже несколько месяцев как на руках, но до последнего момента, до позавчерашнего дня, было неизвестно, выпустят меня или нет.

— А позавчера стало известно? — прохрипела я вмиг осипшим голосом.

— Да, — кивнул он, — вещи свои я уже собрал и вывез отсюда, остались только мелочи, с техникой, квартирой и хозяином мужики разберутся. А сейчас нам надо собрать твои вещи и уезжать. Мне в аэропорт пора ехать, а для тебя я вызову такси. Вставай, Славочка, времени в обрез.

Он поднялся с кровати, постоял немного, посмотрел на меня непонятным, странным, пугающим взглядом и вышел из комнаты.

Нет, решила я, это какая-то шутка!

И пулей выскочила из постели. И, путаясь в рукавах, штанинах, дрожащими руками принялась торопливо одеваться и понеслась следом за ним. Сергея я нашла в ванной, он складывал в пакет мои вещи: шампунь, кремы, зубную щетку и пасту, парфюм, фен, подаренный им, что-то

еще и, не поворачиваясь, увидев мое отражение в зеркале, ровным голосом сообщил:

— Я купил тебе небольшую дорожную сумку, у тебя немного здесь вещей, вполне хватит.

— Это шутка такая, розыгрыш? — засмеялась я, не чувствуя и не замечая, как из моих глаз потоками катятся слезы, делая мокрыми щеки и горькими губы. — Ты меня проверяешь, что ли? Ну скажи, что ты пошутил! — взмолилась я.

— К сожалению, нет, — повернулся он ко мне лицом.

— Я не верю, — отрицательно затрясла я головой, отказываясь понимать, что происходит, и засмеялась снова: — Не может же так быть?! А я, как же я?!

— Славочка, — обнял он меня и прижал к себе, — так получилось, понимаешь. Я должен улететь, и с этим ничего нельзя поделать.

— Но я же люблю тебя! — отстранилась я от Сергея, заглянув ему в глаза, и весело улыбнулась, так и не чувствуя своих бесконечно текущих и текущих слез. — Я же без тебя не смогу! Я умру просто!

— Славка! — простонал он, снова прижал меня к своей груди и принялся тихонько покачивать. — Ты не умрешь, даже думать так не смей! Ты замечательная девочка, прекрасная, ты сильная и умная, ты справишься. Можешь обругать меня последними словами, можешь возненавидеть, но это пройдет. И любовь твоя пройдет. И ты встретишь другого парня, гораздо более достойного тебя, чем я. Не плачь, Славка, все пройдет.

— Не пройдет, это не может пройти! — прокричала я, вырываясь из его рук. — Это же не корь какая-то! Я люблю тебя и только тебя, мне никто, кроме тебя, не нужен! Мне вообще ничего без тебя не нужно!

И я выскочила из ванной, рванула в комнату и, схватив с кровати подушку, рухнула в кресло, уткнувшись в нее лицом и разрыдавшись. Он не пошел за мной, и у меня зародилась слабая надежда, что я еще могу уговорить его не уезжать, забыть про эту треклятую Америку и остаться со мной! И, отшвырнув подушку, я помчалась уговаривать!

Сергей был в кухне, сидел за столом и курил, поставив перед собой пепельницу на пустой стол, с которого успел все убрать, пока я спала. Он никогда не курил. Вообще никогда, я это точно знала — он мне сам не раз говорил.

— Не уезжай, — жалобно-умоляюще попросила я, стоя в дверном проеме.

— Я не могу остаться, — посмотрел он на меня, с силой вдавил сигарету в пепельницу, затушив ее, встал и, сдвинув меня с дороги, вышел.

А я застыла, как изваяние, и страшная, беспощадная действительность стала реальностью, парализовав мою волю, отключив сознание, замораживая арктическим холодом все тело: — ОН УЕЗЖАЕТ!!! Все! Больше ничего не будет!!! Вообще ничего!!!

Сколько я так простояла, не знаю, но очнулась, когда Сергей окликнул меня из прихожей:

— Слава, иди сюда!

Как под гипнозом я развернулась и пошла к нему. Он ждал меня у дверей, уже надев куртку и

ботинки, и возле его ног на полу стояли две небольшие дорожные сумки.

— Садись, — приказал он и, взяв меня за руку и усадив на пуфик, принялся надевать мне на ноги сапоги.

Затем поднял меня, снял с вешалки мой пуховик, надел и его на меня, застегнул, натянул мне на голову шапку, повязал шарф на шею.

— Нам пора, твое такси сейчас подъедет.

И полез во внутренний карман своей куртки, достал из него и протянул мне плотную, как тонкий кирпичик, пачку долларов, перетянутую обычной эластичной резинкой.

— Возьми, — распорядился он.

А я смотрела на эту плотненькую пачку в его руке, как на клубок гадюк, и чувствовала, что прямо сейчас у меня остановится сердце и взорвется мозг! Мне стало нестерпимо холодно в груди и больно-больно, словно уходила последняя капля жизни из тела, а в голове что-то колотило, как молотком. Я снова не замечала, что у меня текут слезы, и, оторвав свой взгляд от денег, посмотрела ему в глаза и засмеялась:

— Ты платишь мне, как проститутке? За четыре месяца, да? — И рассмеялась еще громче. — По-моему, ты переплатил! Ты правильно посчитал, сколько они там за час берут и сколько часов мы провели в постели?

Он резко шагнул ко мне и, схватив за плечи, сильно потряс, аж лицом побелел от злости.

— Что ты несешь! Тебе учиться еще четыре с половиной года и жить в общежитии, у тебя мать надрыгается, чтобы тебя содержать! Здесь двенадцать тысяч, если долларов по двести в месяц тратить, то, чтобы ни случилось с работой твоей мамы, ты сможешь хоть как-то продержаться и институт не бросить, хоть на еду деньги будут! Поняла?! Это все, что я могу сейчас для тебя сделать! К сожалению, только это! Понимаешь?!

— Не надо мне твоих денег! — заорала я и вырвалась из его рук. — Кроме тебя самого, мне ничего не надо: ни денег, ни благотворительности твоей! Убери их! Я их все равно выброшу! Я не хочу их видеть! Выкини их, если они тебе не нужны, а мне не надо!

— Хорошо! — устало согласился он и, рывком притянув меня к себе, сильно-сильно обнял и повторил: — Хорошо, я понял.

Мы постояли так: я, умирая, а он — начиная новую жизнь. Без меня. Он отстранил меня, заглянул мне в лицо и сказал:

— Иди, умойся, а то вся заплаканная, лицо замерзнет. — И, развернув, нежно подтолкнул в сторону ванной.

Я послушно выполнила указание. Я всегда его слушалась и делала все, что он говорил, он был мой гуру, мой король, мой герой, мой капитан, моя жизнь.

Теперь я останусь без своего героя и без самой жизни. Занавес.

Я не помнила, как мы выходили из дома, что он говорил или не говорил мне, не помнила, как он сажал меня в подъехавшее такси, как договаривался и расплачивался с таксистом, не

помнила, как доехала до общаги и оказалась в своей комнате — ничего этого моя память не зафиксировала. Я только запомнила, как развернулась на заднем сиденье и все смотрела, как, глядя вслед увозившему меня такси, закуривал сигарету дрожавшими руками никогда не куривший мужчина всей моей жизни...

Единственное, чего мне хотелось, это заползти в какую-нибудь нору, чтоб никто меня не видел и не трогал, и там умереть! Я все пыталась расстегнуть куртку, но почему-то никак не удавалось это сделать, что-то мешало все время, и только тогда обратила внимание, что до сих пор держу в руке эту растреклятую сумку с вещами, которую сунул мне водитель такси, помогая выйти из машины. Я швырнула ее на пол и так поддала ногой, что она улетела в самый дальний угол под моей кроватью! И наконец стащила с себя куртку, бросив ее тоже на пол, села, стянула с ног сапоги и, завалившись в кровать, свернулась клубком, отвернулась к стене и завывала.

Я проплакала несколько часов, пока не закончились все слезы, благо девчонки где-то гуляли, в комнате я была одна, и никто не мешал моей агонии. Я вспоминала каждые выходные, которые мы провели вместе, каждый совместно прожитый день, ту радость и безудержное счастье, которые я всегда испытывала, находясь рядом с ним, — от отчаяния, что все это навсегда потеряно, от сильной душевной боли хотелось кричать.

Однажды мы приехали на дачу к его друзьям, на день рождения. Гостей собралось так много, что хозяйева, смеясь, размещали всех на ночлег, кого куда удавалось пристроить, одного товарища даже на летней кухне уложили на полу, на матрасе. А нам с Сергеем досталось почти барское место — на застекленной летней веранде, на раздвижном полутора-спальном диване. Барское, потому что мы там были одни.

Середина октября. Пряно пахло осенней облетающей листвой, воздух был каким-то особо прозрачным и вкусным от этих горьковато-терпких ароматов увядания. Стояла звенящая ночная тишина, слегка нарушаемая едва слышными, доносящимися неизвестно откуда звуками ночного радио «Маяк», передающего одну за другой нежные, красивые композиции. Светила полная луна, и дробящие ее ветви деревьев и оставшиеся на них неопавшие листья делали ее фантастически огромной, и ветка какого-то дерева, росшего прямо у веранды, то и дело, от каждого дуновения легкого ветерка, просяще скреблась в окно.

Диван немилосердно скрипел, и мы, стараясь не издавать лишнего звука, осторожно и очень медленно занимались любовью, лежа на боку и прижимаясь друг к другу, и от этой вынужденной осторожности и медлительности все ощущения невероятно обострились, и я чувствовала такое непереносимое потрясение, что, казалось, у меня сейчас сердце остановится, не выдержав накала запредельных чувств...

А потом мы лежали, счастливо опустошенные, я прильнула спиной к Сергею, и он крепко обнимал меня, тесно прижимая к себе. И мы вдвоем зачарованно смотрели на эту огромную луну, которая светила прямо нам в лица через окно, слушали тихую, печальную мелодию, доносящуюся словно ниоткуда, не нарушающую звенящей первобытной тишины, и оба чувствовали нечто настолько высокое, непередаваемое, что старались медленнее и тише дышать.

И казалось, наши души переплелись, испытывая одинаковое чувство непереносимой высоты и красоты момента, и остро, щемяще переживали эти горячие, палевые и непередаваемо сладкие мгновения. словно мы попали в другой, нереальный мир, полный чуть печальной нежности и счастья, и чувствовали друг друга каждой клеточкой своих тел, и парили в этом

сказочном пространстве... И он прошептал мне в ухо, обдав горячим дыханием, вызвавшим сладкую дрожь во всем моем теле:

— Как будто мы плывем в раю...

И вот эту октябрьскую ночь, эту огромную луну и это наше плавание по раю он отдал за Америку? И я захлебывалась рыданиями, оплакивая свой потерянный рай!

А потом на меня снизошло спасительное странное состояние полузабытья, в котором я балансировала на грани потери сознания, не реагируя ни на что вокруг.

Вернувшиеся соседки по комнате перепугались насмерть этого моего неприсутствия в жизни и все пытались растормошить меня, проверяли температуру, пробовали напоить, накормить, задавали кучу вопросов — я не отвечала, молчала, полностью отрешившись от всего. Так и пролежала до следующего утра.

Больше никогда я не плакала. Никогда! Наверное, весь запас слез, положенный мне в этой жизни, я выплакала за те мучительные, долгие часы.

А утром меня начало выворачивать! Меня рвало несколько часов подряд, и, так как я ничего не ела и не пила целые сутки, это было настолько изматывающе, что у меня и стонать от бессилия не получалось. Девчонки давали мне воду, но, едва попав в желудок, она тут же выходила обратно. И мне казалось, что таким образом мое тело хочет избавиться от всех моих чувств и переживаний: от любви, от предательства — от любого воспоминания о бросившем меня мужчине.

Не зная, что еще предпринять, подруги вызвали «Скорую помощь». Приехавший врач долго меня осматривал, мерил давление, температуру, проверял пульс, задавал какие-то вопросы, на которые я не отвечала, и в конце вынес вердикт:

— Сильный стресс. Давление понижено, небольшое обезвоживание, потеря сил.

И распорядился, чтобы подруги на следующий день отвезли меня в поликлинику для сдачи анализов, что они и сделали, скинувшись на такси. Водили меня по кабинетам, заставляли совершать какие-то действия, а я продолжала быть безвольной, безучастной, слепо, как кукла, всему подчиняясь.

На следующий день сознание ко мне вернулось, и я, хоть и чувствовала себя разбитой старухой, все-таки встала с кровати, шатаясь, на дрожащих ногах сама дошкандыбала до туалета, и даже кое-как умылась, и что-то поела. Поживем еще!

Врач, на прием к которой я пришла еще через день, просмотрев мои анализы и кардиограмму, спросила:

— У вас что, горе случилось?

— Да, — подтвердила я ее предположение.

— Деточка, так нельзя, — мягко увещевала она. — Так и до беды себя довести недолго, а вам еще предстоит решить нелегкий вопрос.

— Какой? — без интереса спросила я.

— Как какой? — очень удивилась врач и разъяснила весьма подробно: — Вам семнадцать, вы живете в общежитии, студентка, не москвичка, и время сейчас страшное и тяжелое, а вы беременны. Вам надо решить: оставлять беременность или делать аборт.

— Я что?.. — не поняла я проблемы.

— Вы не знали? — пуще прежнего удивилась она. — Вы беременны. Когда у вас были последние месячные?

— Я не помню, — потрясенно призналась я и переспросила: — А это точно?

— К сожалению, да. Точно.

Врач еще долго что-то говорила, прописывала мне какие-то укрепляющие препараты и советовала немедленно рассказать все родителям и решать, что делать с беременностью.

В полной прострации я добралась до общаги, уселась за стол и тупо уставилась в окно, слушая, как в голове бьется одна и та же мысль, как в заевшей пластинке: «Я беременна, и с этим что-то надо делать».

И вдруг — через мое оцепенение, через затуманенные горем беспросветным мозги — ярко и четко пробилась одна мысль, за которую я ухватилась, как за якорь:

«Надо учиться! Надо очень хорошо учиться и ни о чем другом не думать!!!»

Наверное, от всех потрясений, свалившихся на меня, я пребывала на некой грани ненормальности и, как больной шизофреник, уцепилась за доминантную доктрину, отказываясь воспринимать пугающие факты и реальные обстоятельства жизни, с которыми необходимо что-то решать, чтобы знать, как действовать дальше.

«Надо учиться! Надо очень, очень хорошо учиться!!!» И все!

И я сдвинулась на этой мысли и уже на следующее утро встала до будильника, даже сделала какую-то зарядочку, плотно позавтракала, накормив и девчонок и напугав их не меньше прежнего, когда заговорила утром бодреньким, веселым голосом, посмеиваясь и чересчур явно радуясь жизни. Но они промолчали, резонно решив, что посмотрят на дальнейшее развитие событий, посчитав, что в дурку сдать меня всегда успеют.

А дальше продолжался все тот же шизоидный оптимизм, в котором я пробыла еще недели три. Я училась, как ненормальная, каковой на тот момент и была, засиживалась в библиотеке, изучала дополнительную литературу, строчила рефераты и доклады, записалась на несколько дополнительных программ сверх основных занятий. И постоянно находилась в приподнятом, возбужденном состоянии: улыбалась, смеялась не к месту, активно жестикулировала — едва не прыгала от лихорадочного переизбытка преувеличенно-радостных чувств и эмоций. И ни разу за все это время не вспомнила о своей беременности!

Даже тени ни одной захудавшей мыслишки на эту тему не возникло. Видимо, ждала, что рассосется как-то само собой. Коматоз какой-то!

Но однажды утром, совсем рано, еще и шести часов не было, я проснулась от того, что меня страшно мутит, и помчалась в туалет, и там, когда стояла над унитазом, в мою несчастную головушку вернулось в полном объеме покинувшее меня сознание.

— Господи, что со мной было?.. — поразилась я до глубины души своему затянувшемуся приступу умопомрачения. — Я что, с ума схожу?!

И я так перепугалась! Так сильно, что решила немедленно ехать к маме! Прямо сейчас! Вот прямо отсюда, из туалета, и напрямик домой, к маме! Ну а куда еще может кинуться ребенок спастись от всех своих невзгод и у кого еще искать утешения?!

Я бегом вернулась в комнату и стала суетливо собираться, подгоняемая желанием прямо сию минуту, сейчас же оказаться рядом с мамочкой! Торопливо, не разбирая, выхватывала из шкафа какое-то шмотье и кидала на кровать, не особо вникая, что и зачем беру, и тормознула лишь тогда, когда, достав с антресоли свою старенькую сумку, вспомнила, глядя на нее, что она совсем порвалась и в ней безнадежно и окончательно сломалась молния.

— Вер, — потрясла я за плечо спящую мирно и сладко подругу, — можно мне взять твою дорожную сумку?

— Зачем? — не открывая глаз, окончательно не просыпаясь, спросила она.

— Мне надо срочно уехать домой. К маме. А моя совсем порвалась.

— Так возьми свою другую, — пробормотала Вера, переворачиваясь на другой бок.

— Какую другую? — не поняла я.

— Ту, что у тебя под кроватью лежит, — снова отключаясь, еле ворочая языком, пояснила она. — Мы сколько раз просили, убери ты ее оттуда, а то, когда полы моем, мешает... — и она снова заснула.

Да, просили, было такое. Только я пропускала мимо ушей все эти просьбы, я даже видеть не хотела ту сумку, дотронуться боялась, словно она была заразной какой-то.

Может, и была. Заразная самыми страшными моими воспоминаниями.

Встав на колени, я дотянулась до сумки и извлекла ее из-под кровати, и смотрела на нее несколько минут, боясь открывать. Там были вещи из моей прошлой счастливой жизни, которой у меня никогда больше не будет. Очень хотелось плакать, но я не могла. И, обреченно вздохнув, открыла замок сумки. Все мои немудреные вещички были аккуратно сложены по пакетам, а сверху лежала та самая пачка долларов...

Первым моим побуждением было выкинуть их немедленно! Выбросить из комнаты, из своей жизни эту грязь! И я, подтянув стул к окну, принялась дергать за ручку форточку, пытаюсь ее открыть. Но мы с девчонками во время сильных морозов так доброту заклеили окно и даже форточку, что моих слабых силенок не хватало сейчас ее отворить.

— Что ты там шумишь! — возмутилась Надька. — Дай поспать!

С досадой я соскочила со стула и швырнула деньги в мусорную корзину, стоявшую возле кухонного столика, и уселась на кровать, чувствуя, как меня мелко поколачивает. Посидела, понемногу успокаиваясь, медленно повернула голову и устала на эту пачку в корзине.

Кому будет лучше, если я эти бабки выкину? И кому и что я этим докажу?

Берестов никогда не узнает, выбросила я их или оставила себе, да ему это и безразлично теперь. Намного лучше и веселее, предположительно, станет лишь тому, кто найдет эти доллары в сугробе под окном или в мусорном ящике.

«Я беременна, — сказала я себе, — и мне очень и очень скоро нужны будут деньги. Мне и моему ребенку!»

И я решительно встала, достала пачку из корзины и положила назад в сумку, и уже без всякой торопливости и суетливого нетерпения собрала остальные вещи, уложив их в сумку поверх тех, что находились там, — молчаливых свидетелей моего навсегда ушедшего счастья, так и не решившись извлечь их оттуда. Дома разобрать!

Я уехала первым же ближайшим поездом и всю дорогу тряслась от страха, что меня обворуют, и спала, положив под голову сумку вместо подушки, и в туалет боялась ходить. Я так торопилась уехать, что даже не позвонила и не предупредила маму о том, что еду, и всю дорогу повторяла про себя как заклинание: «Только бы она была дома!»

Мама была дома и перепугалась ужасно, когда открыла дверь и обнаружила там меня, и, схватившись за сердце, чуть не закричала на весь дом:

— Славочка, что-то случилось?!

— Нет... да, случилось, — переступила я порог родного дома и, увидев, как она мгновенно побледнела, тут же поправилась, — да ничего страшного!

И кинулась обниматься и прижалась к мамочке, находя у нее на груди спасение от всех своих бед, чувствуя ее любовь, защиту и понимание. А заплакать так и не смогла.

Она кормила меня, суетилась, не позволяя ей помочь, все что-то ставила на стол передо мной и сетовала, что я без звонка, а то бы она уж расстаралась, наготовила всего... пока я не остановила этот ее нервический, суматошный поток слов.

— Mam, сядь, мне надо многое тебе рассказать.

Не отводя встревоженного взгляда от моего лица, как-то тяжело, боком, она опустилась на стул, а я принялась рассказывать все с самого начала, ведь до сих пор, не знаю почему, я ей про любовь всей моей жизни так и не поведала. Занята была только этой любовью, забыв обо всем на свете и себя забыв.

Я рассказывала, как повстречалась с Сергеем и почему не приехала на этот Новый год к ней, и как любила его, и как он меня бросил, и про мой затянувшийся сдвиг по фазе... и про беременность.

— Славка-а-а... — протянула потрясенно-горестно мама, жестом отчаяния приложив ладонь к сердцу, и очень осторожно спросила: — И что ты думаешь делать?..

— Mam, от таких мужчин аборт не делают, — твердо и как-то совсем по-взрослому заявила я.

Это понимание пришло ко мне в поезде. Откуда-то из глубин сознания, из генетической памяти, передавшей мне мудрость бабушек и прабабушек, я вдруг четко услышала, поняла и

приняла эту мысль.

— Но он же тебя бросил? — напомнила мама.

— Ма, он очень красивый, высокий, стройный, не пьет, не курит, и он очень умный, очень, и у него умные родители, он мне сам рассказывал. У него нет никаких дурных наклонностей, он очень трудолюбивый и наверняка станет в этой сраной Америке богатым человеком. И он очень сильный, волевой человек и яркая личность, — вот так и выяснилось, что не прошла и никуда не делась моя безумная любовь и мое девичье восторженное восхищение им, и я повторила: — От таких мужчин не делают аборты. Хоть он меня и бросил.

— Какой у тебя срок? — тягостно вздохнула мама.

— Месяца три, я в поезде посчитала, скорее всего, случилось это где-то в середине ноября, — и добавила извечное подростковое «оправдание»: — Так получилось.

— Значит, рожать! — кивнула мама и, прихлопнув ладонью по столу, решительно встала со стула. — Ладно, Славка, будем рожать, справимся как-нибудь!

— Ма, есть еще кое-что... — и я быстро сгоняла в прихожую, вернулась и положила на стол пачку баксов.

И рассказала, откуда она взялась, когда и как я ее обнаружила и что хотела с ней сделать.

— Молодец, что не выбросила, — снова сев за стол, смотрела на этот «кирпичик» мама и вдруг огорошила меня. — Значит, этот твой Сергей не последняя сволочь, пытался как-то о тебе позаботиться. Другие просто бросают, и все! И, знаешь, Славка, ты его не сильно обвиняй, может, эта Америка — мечта всей его жизни. А от мечты сложно отказаться.

Я очень спокойно проходила всю беременность. Мы с моим ребенком находились в полной гармонии и взаимопонимании, он никогда не тревожил меня в течение занятий и ночью давал отдохнуть, а свои «забеги» и игры устраивал в другое время.

Я его ждала и ужасно любила и, начитавшись всякой правильной литературы, ела фрукты-овощи, и каждый день в любую погоду обязательно гуляла, и ходила почти каждое воскресенье на концерты классической музыки — пусть слушает и развивается! И постоянно разговаривала с ним, и читала вслух Пушкина и Шекспира.

В августе я родила здорового, прекрасного мальчика! Богатыря — четыре двести!

И не раздумывала, какое имя ему дать.

Я помнила, с какой большой любовью и искренним уважением Сергей рассказывал о своем дедушке. О том, как дед прошел всю войну, получив лишь легкие ранения и пару контузий, что женился поздно, когда ему уже было за сорок, и всю жизнь любил только свою жену. И что ему уже за восемьдесят лет, а он до сих пор жив и бодр, и обладает ясным умом и прекрасным чувством юмора, и читает философов, и делает едкие, острые замечания.

Я назвала своего сына Максимом в честь этого самого дедушки, надеясь, что с именем к нему перейдут и ум его прадеда, и его фарт, и везение, и счастье.

Только потому, что в квартире стояла полная тишина, я и расслышала мелодию моего

смартфона, доносившуюся из оставленной в прихожей сумки.

Мелодия, под которой звучал вызов от мужчины всей моей нынешней жизни, улыбнувшись, я поспешила к телефону.

— Привет! — улыбалась я, успев увидеть его смешное фото на экране перед тем, как нажать кнопку.

— Привет, мамуль! — радовался жизни мой сын. — Ты там не очень занята?

— Не очень...

— Слушай, у нас последний урок отменили, может, встретимся, пообедаем где-нибудь в кафе?

— Я не на работе. Дома, — оповестила я и призналась: — И у меня хандра.

— О-о!.. — рассмеялся сынок. — Так, может, мне у бабульки сегодня переночевать?

— Я еще не поняла, до какой степени хандра, так что смело можешь возвращаться домой, — порадовала я ребенка.

— Вернусь, только поздно, мы в кино собрались, сейчас поедем с пацанами где-нибудь и пойдем.

— Ладно, развлекайся. Позвони после кино.

— Договорились! А ты давай там, справляйся по-быстрому со своей хандрой!

— Попробую, — неопределенно пообещала я.

Последние года три с половиной, раз в год, иногда и два раза, у меня случается «хандра», как окрестила это мое состояние мама. И бывает эта клиническая картина разной степени фиговости: от близкой к депрессии до просто сильно накопившейся усталости, давящей на меня свинцовой своей тяжестью.

Но борюсь я с этой засадой всегда одинаково: задвигаю работу и полтора дня отсиживаюсь дома. Слоняюсь по квартире в уютных старых, растянутых вещах, ем всяческие непозволительные для фигуры, но целительные для нервов деликатесные вкусняшки, смотрю по видео любимые комедии и покрикиваю на близких, если они попадают мне на глаза. Вот почему Максим и старается в такие дни пожить у бабушки, им там весело и хорошо вдвоем.

Лет пять назад Макс «подсадил» бабульку на компьютер. В том смысле, что обучил ее пользоваться Интернетом да еще пристрастил ко всяческим играм, и моя маман теперь активный пользователь: вся в блогах, сайтах, чатах, «контактах», «одноклассниках» и скайпе, и постоянно рубится во что-нибудь захватывающее. Я дурею, когда прихожу к ней и вижу такую примерно картину: маменька, увлеченно играя в компьютерную игрушку, кричит мне, не отрывая напряженного взгляда от экрана:

— Подожди, я сейчас тут одну штуку достану, и от гада одного убегу, и освобожусь!

Представили? Обалдеть! «Барышне» пятьдесят четыре года, а она в компьютерные игры рубится! Я ухохатываюсь каждый раз, но потакаю, не могу удержаться! В прошлом году купила ей самый мощный процессор и какую-то невероятную видеокарту, еще целую кучу непонятной

мне фигни, которую заказал и сам же устанавливал ей Макс, а для полного их счастья и ему в квартире у бабушки поставили еще один комп. И это помимо того монстра, который находится у нас дома!

Словом, внучок с бабушкой в полной любви, уважухе и совпадении интересов.

И он с большим удовольствием зависает у нее в гостях по несколько дней, она ж его еще и балует, готовя ему всякие вкусности, не в пример слишком занятой матери.

Ладно, что-то я отвлеклась. Что же я упустила важное?..

Ах да! Не мешало бы мне поподробнее узнать, кем ты там таким значимым стал, Сергей Константинович Берестов, как утверждает с большой долей почтения в голосе Игорь!

Так, свой ноутбук я оставила в машине, тащиться за ним лень, включу комп Макса, к тому же он мощнее и оперативнее в несколько раз. Переодевшись в уютные одежечки, я налила себе чаю, прихватила пару шоколадных конфет из вазочки и удобно устроилась за компом.

Итак, что мы имеем?

Ого, и свой сайт у господина Берестова имеется, и блог!

Первое, что сильно зацепило мое сознание, когда я читала его краткую биографию, это информация о том, что в девяносто шестом году ни в какую Америку он не уезжал!

Значит, просто бросил меня! Руководствуясь какими-то своими интересами, просто взял и отделался от девочки-малолеточки!

Я тряхнула головой — наплевать! Что ты завелась? Все это было в другой жизни, с другой совсем девочкой, и давно забыто! И бог с ним!

Что там дальше?

Так, в девяносто седьмом и восьмом годах в качестве генерального директора поднял и вывел на высокий уровень известное предприятие легкой промышленности. И под его руководством предприятие выстояло практически без потерь дефолт. В принципе нехило. Параллельно с этой работой в девяносто седьмом защитил кандидатскую диссертацию. Ну, молодец!

В тот же период сотрудничал с известной международной консультационной фирмой. Ну, тоже хорошо, почему бы в те годы не посотрудничать с иностранцами.

А это вообще интересно! В девяносто девятом уехал-таки в свою Америку, где — ого, не хиллари! — учился в Гарварде на факультете управления бизнесом и получил диплом антикризисного управляющего. Надо же!

Год проработал в Америке по специальности в одной из самых известных фирм. В две тысячи втором вернулся в Россию.

Ничего себе — перечень предприятий и заводов, имена хозяев и директоров, нанимавших его спасать производство от полного или частичного развала, весьма внушительен, а заказчики настолько значимые и важные персоны, что только шепотом, с придыханием эти имена и произносить! Вон, даже по «просьбе» президента на одном из объединений «военки» поработал.

Ай да Берестов, ай да тот самый сын!

Так, что мы еще про тебя имеем, кроме официальнойщины? Посмотрим.

Ага, статейка на первой полосе самого известного и серьезного в стране экономического издания.

Тра-та-та-та... а, вот: «...и на сегодняшний день господин Берестов считается одним из самых удачливых, жестких и бескомпромиссных антикризисных управляющих, как в нашей стране, так и за ее пределами. За десять лет работы в России и в странах СНГ он не проиграл ни одной своей кампании, спасая предприятия не только от кризиса или банкротства, но и выводя их на качественно иной уровень деятельности и значимости в отрасли. Жесткий стиль работы руководимой им команды специалистов вызывает порой откровенное недоумение.

— Сергей Константинович, а зачем понадобились на металлургическом комбинате эти «маскишоу», больше напоминающие банальный рейдерский захват? — спросил наш корреспондент.

— Как правило, прежнее руководство, которое и довело своей экономической политикой предприятие до края, не желает признавать ошибки, недалковидность и провальность своих решений, обвиняя кого угодно — хозяев предприятия, страну, правительство. И не желает мириться с вынужденным увольнением, ну а поскольку коллективы таких производств складывались годами, десятилетиями, то и управленческий аппарат всегда на стороне бывшего начальника и боится перемен и вполне реально грозящего им увольнения. При таком раскладе желание во что бы то ни стало доказать, что бывшее руководство гораздо лучше нового, навязанного хозяевами и властью, выливается в откровенный саботаж, сокрытие важных финансовых документов, вплоть до выведения оборудования из строя. Мне приходилось сталкиваться с такими явлениями. А когда дело касается столь крупных стратегически важных объектов, то потеря даже, казалось бы, незначительного документа может повлечь за собой тяжелейшие последствия. Вот и приходится иногда прибегать к столь жестким мерам. Но крайне редко.

После такого объяснения, неправда ли, уже не кажется ужасным и вопиюще несправедливым захват административного здания ОМОНОм. И, отвечая таким образом на вопросы, господин Берестов развенчал все мифы о ненормально жестких методах работы своей команды. Бывшие директора и управленцы, которых пришлось уволить Берестову, называли его по-разному: и Черный Монах — за неожиданное появление, подобно привидению, из ниоткуда, за провалившиеся попытки соблазнить его взятками или хоть чем-то, и Черным Волком со своей стаей, но прижилось и закрепилось только одно — Торквемада. Его удостоили именем Первого Великого Инквизитора.

— Вы знаете, как вас называют за глаза? — спросил корреспондент.

— Знаю, — усмехнулся Берестов. — Если вспомнить, что Себастьян де Альмега, известный испанский хронист, называет Торквемаду «молотом еретиков, спасителем своей страны», то, согласитесь, в чем-то это перекликается с направленностью моей работы, к тому же не нужно забывать, что главной своей задачей Торквемада считал религиозное и политическое объединение Испании. Я, разумеется, на костер никого не посылаю, но увольнять людей и отнимать у них должности мне приходится постоянно. Так что меня такое сравнение не обижает.

Его боятся, его ненавидят, против него и его команды устраивают пикеты и митинги у стен предприятий, несколько раз на его жизнь откровенно покушались, а некоторые олигархи,

отзываясь о нем как о своем личном враге, не скрывают при этом и уважения к нему. В кругах высшего эшелона власти нашей страны Берестова считают единственным, кто может вытащить любое безнадежно убыточное предприятие из самой распоследней сами понимаете чего, да так, что оно, как новехонькая конфетка, еще и выстрелит на мировом рынке. Чтобы заполучить согласие Берестова на работу, стоят в очереди и соревнуются между собой руководители, чьи имена знает почти каждый гражданин в нашей стране.

Так кто же он — жестокий и циничный разрушитель старых традиций и устоев или управленец новой формации, который видит и чувствует будущие вызовы к переменам, требующие уже сегодня совершенно новых подходов и технологий?

Давайте обратимся к цифрам, которые, как известно, не врут...»

Далее шел долгий и нудный перечень сравнительных показателей, подсчет КПД, графики с кривыми, ну, понятное дело, это же экономический журнал. Но меня это уже мало интересует. Мне бы что-нибудь живенькое и желательно из первых рук.

Так, и что там у нас еще?

Статья самого Берестова: ...на-на-на... ну это неинтересно тоже, сплошной экономический анализ, что-то вроде научного реферата.

Я полистала еще всякие выкладки, ознакомилась с сайтом господина Берестова и его команды — также сплошное производство...

Значит, живенько и из первых рук, призадумалась я. А знаем мы, где эти первые руки найти! И пошла я за своим телефоном — звонить заместителю Игоря госпоже Невельской, она мне теперь по гроб жизни обязана за сегодняшний инцидент, случившийся по вине ее подчиненной.

— Мария Васильевна, — нежненько так, без нажима, начала я, — я бы хотела просмотреть дело Берестова. — И пошутила: — А то он обещался кляuzu на меня начальству накатать, и мне не помешало бы точно знать, что мы там имеем по его искам.

— Уже накатал, — вздохнула Невельская. — Прислал полчаса назад с курьером.

— Тем более, — строже подчеркнула я.

— Игорь Романович сказал, что вы сегодня дома работаете, Мирослава Витальевна, я тут недалеко от вас была на встрече, могу подъехать минут через десять — дело у меня с собой.

— Приезжайте, — распорядилась я.

Совсем хорошо и очень удачно! Побеседуем в неформальной обстановке. Мнению Невельской я доверяю, она специалист очень высокого уровня и всегда внимательна к любым мелочам, не пропускает даже сплетни о клиентах. Вы удивитесь, но и это в нашей работе играет не последнюю роль.

И я пошла переодеваться, чтобы встретиться с подчиненной в более достойном виде. Затем успела сервировать стол для кофе, разложить на тарелках легкую закусочку и вскипятить чайник, когда раздался звонок домофона.

— Проходите, Мария Васильевна, — встречая коллегу у двери, пригласила я. Подождала, пока она, скинув пальто, пристроит его на вешалке, и повторила приглашение жестом руки: — Кофе будете или чай?

— Кофе, с удовольствием, Мирослава Витальевна, день сегодня просто сумасшедший, измоталась вся, — говорила она по дороге в гостиную, устраиваясь затем на диване за столиком.

Я отправилась варить кофе, а так как между гостиной и кухней в моей квартире не было стены, лишь барная стойка делила эти два помещения на зоны, я кивком головы показала, что внимательно слушаю.

— Игорь Романович устроил такой разнос всему отделу! — жаловалась Невельская. — Грозился уволить половину сотрудников и меня в первую очередь. Ну, вы знаете, какой он бывает, когда гневается.

Да, знаю. Он не кричит, не машет руками и не топает ногами, Игорь в гневе говорит тихо, четко, но так неотвратимо страшно, что лучше бы кричал! И, как правило, не дает пустых обещаний, и если чем-то пригрозил, то исполняет сказанное. Я понимаю, почему Невельская всерьез испугалась.

— Вас Игорь не тронет, вы же знаете, Мария Васильевна, — вернувшись из кухни с полным кофейником, успокоила я ее, разлила напиток по чашкам, сев напротив гостьи в кресло, подвинула к ней тарелки с закусками: — Угощайтесь, пожалуйста. Да, так вот, вас он не тронет, а вот отдел сильно перетрясет, сами понимаете, такой ляп непростительный получился.

— Да уж, — совсем загрустила она, — Леночку он уволил, мало того, предупредил, что собирается подавать на лишение ее адвокатских прав. Даже жалко девчонку. Не слишком ли жестко, как вы думаете, Мирослава Витальевна? Ну, дурочка молодая, решила, что если начальник на нее глаз положил, то и работать можно спустя рукава.

— Ничего, — подбодрила я, — мы обязательно разберемся и что-нибудь придумаем. С Игорем я поговорю. Вы ешьте, не стесняйтесь, вы с работы, устали. И параллельно расскажите мне, для начала в общих чертах, что там за дело у Берестова, а документы я потом посмотрю.

Дело господина Берестова оказалось, в общем-то, самым банальным, как у большинства простых смертных, разве что за исключением сумм, фигурировавших в нем.

Сергей Константинович не просто один из самых известных и востребованных антикризисных управляющих в нашей стране, но и самый высокооплачиваемый. И приводились в его декларациях о доходах суммы весьма серьезные, с длинным рядом нулей после столь же уважительных цифр. К тому же он имеет достойный портфель акций нескольких промышленных объединений, а также нехилый процент с прибылей, получаемых различными предприятиями, где он работал в качестве генерального директора.

То есть является человеком обеспеченным и гораздо более свободным и независимым, чем любой хозяин фирмы, и сам выбирает, с кем и как работать, и сам диктует свои условия и правила, прежде чем соглашаться на трудовую деятельность.

И его действительно боялись, и слава о нем бежала впереди него, и за то, чтобы его заполнить, действительно боролись весьма известные личности. Хотя сам себя в своей статье

он называет простым наемным управленцем, которому дается чуть больше власти и намного больше ответственности, чем остальным. Скромняга.

Так вот. Пять лет назад этот «скромник» изволил жениться в первый раз, в свои тридцать пять лет, и привез жену аж из города Красноярска.

— При его-то возможностях, — не скрывала удивления Невельская, — он же находился в списке самых завидных холостяков страны, за ним девушки охотились, как за Неуловимым Джо апачи.

— Правда, у него свой имидж, — перейдя к основному блюду под названием «сплетни», рассказывала она. — Никаких светских тусовок он не посещает вообще, принципиально, кроме благотворительных концертов. Как-то в одном интервью объяснил свою позицию, удовлетворяя любопытство журналистов по этому поводу: «Это неэтично — выпивать и дружески общаться с людьми, которые, быть может, завтра наймут меня на работу, а вместе со мной получат и огромную кучу тяжелых, неприятных решений, которые им придется принимать. А исключений и послаблений я не делаю никому, даже своим нанимателям». Вот такой. Не зря его зовут Торквемада. Но не суть. Вы же понимаете, что наши девицы-охотницы любого интересующего их мужика везде найдут и достанут. И Берестова доставали. Светская хроника и «желтая» пресса то с балериной известной его снимет и статейку про любовь тиснет, то с певицей известной, то со светской львицей. Да на ком только его не женили! Он, разумеется, не олигарх, миллиардов не имеет, зато имеет такой вес и влияние, какие не у каждого олигарха и есть, да к тому же очень интересный мужчина, и камеры его любят, да и вообще, с моей точки зрения, красавец.

Так вот, наш красавец почему-то отверг всех известных и малоизвестных столичных красоток и привез себе совершенно никому не ведомую жену из города Красноярска. И у барышни снесло крышу от такой везухи! И как понеслась она тратить его денежки и отрываться не по-детски в московских тусовках, что господин Берестов ради спасения собственного имиджа схватил ее под мышку и уволок на полтора года в Казахстан, где по «просьбе» президента этой страны выводил из кризиса огромное известное предприятие. Вернулись супруги в Москву, а девонька к любимым занятиям — тратить его деньги и отрываться на VIP-мероприятиях. Через полгода Берестов уехал во Владивосток, не забыв прихватить с собой жену, где проработал еще два года.

А когда они вернулись назад, месяца через четыре подал на развод, и их быстренько и без шумихи развели. Мадам Берестова пожила месячишка три в новом качестве, поняла, что ее перестали приглашать и пускать на любые светские мероприятия, потому как теперь она никто и звать ее никак, и подала иск о своих материальных требованиях к мужу.

Смешно.

— Это и делом-то не назовешь, — усмехнулась Мария Васильевна. — Берестов настолько тертый и грамотный мужик, что в суде ничего доказывать не придется, только вердикт выслушать.

У него зафиксированы все траты, делавшиеся с его счетов, все суммы, чеки и накладные, все проходило по его бухгалтерии специального личного отдела. К тому же его бывшая жена нигде не работала за время их совместного проживания и никаких доходов не имела. А из нажитого ею за жизнь «имущества», кроме мамы-продавщицы да папы-работяги с завода, живущих в панельной двушке в городе Красноярске, и брата алкоголика, ничего более не числилось. Правда, в арсенале у дамы имелось высшее гуманитарное образование и два года работы

корреспондентом в местной газете. Но это на «совместный доход» никак не тянуло.

После развода Берестов купил ей однокомнатную квартиру в Москве, оставил машину, на которой она ездила, а также отдал все ее вещи, шубы, драгоценности, между прочим, на очень нехилую сумму тянувшие, пожалуй, еще на одну квартирку в Москве и побольше той, на которую он оформил ей дарственную. Да, и еще — положил ей на банковскую карточку сто тысяч долларов.

Все, целую, свободна! Так это называется.

Вот кем никогда Берестов не был, так это жлобом. За это уважаю.

Вы знаете, как разводятся олигархи и богатые люди нашей страны со своими женами? Я вам лучше даже рассказывать не стану! Это такой позор и дешевое жлобство самой низкой пробы, что теряешь всякое уважение к этим мужчинам! Так что девочке из Красноярска повезло необычайно, так повезло, что ей и не снилось, на ее месте другие в церковь бы каждый день ходили и свечки за здоровье бывшего мужа ставили.

Но, по всей видимости, с головушкой она не дружит, и даме такой исход дела показался несправедливым, и она подала в суд иск о разделе всего совместно нажитого имущества за пять лет брака. Понятное дело, что он за эти пять лет нажил будоражащие ее воображение денежки, но всю недвижимость, которую имеет господин Берестов, он приобрел до женитьбы, строительство и отделку дома производили только с его счета так же, как ремонт и отделку квартиры в Москве.

Ее претензии были настолько смехотворны и необоснованны, что, пожалуй, ей могли присудить вернуть ему долги — при надлежащей подаче дела. Но Сергей Константинович от такого предложения адвоката отказался, желая только спокойствия душевного и никогда более не видеть свою бывшую жену.

— Да, и на старуху бывает... вернее, на Торквемаду, — заметила философски я. — Как же это он так прокололся с выбором жены?

— Сие никому, кроме него, не известно, — пожала плечами Невельская.

— Может, красавица такая необыкновенная или любовь большая? — предположила я.

— Ну, она хороша, это точно: холеная такая, изысканная, но красавицей, прямо такой, что невозможно глаз отвести, не назову. А насчет любви — сомневаюсь. Даже неожиданную беременность не заподозришь, потому что детей у них нет.

— Ну хорошо, — закруглила я беседу, вставая, — вы, Мария Васильевна, пейте кофе, ешьте, если хотите, можете телевизор посмотреть, а я в кабинете ознакомлюсь с документами дела.

Ничего нового, сверх того, что уже рассказала мне Невельская, я в деле не обнаружила, да в общем-то мне и не надо было так подробно в него вникать, основное я уже поняла и успела прикинуть, как нам с Игорем разбираться с жалобой Берестова без последствий для нашей конторы.

Проводив Марию Васильевну, я снова переделалась в домашние вещички, произвела изыскательские работы в недрах своего огромного холодильника, обнаружила котлетки, приготовленные нашей любимой домработницей Шурой Петровной, а также большие южные

помидоры. Навалила себе на тарелку целую гору маленьких котлеток, порезала помидоры и отправилась дальше лежать на диване под девизом психологической борьбы с хандрой.

Посмотреть, что ли, фильмец какой? Отвлечься.

Включив телик, я пробежалась по каналам, задержалась на каком-то фильме, пытаюсь уловить суть интриги, вроде актеры неплохие, может, и фильм ничего окажется.

Но день сегодня явно не мой! И везде поджидали засады!

В сюжет и интригу я так и не успела врубиться: на моменте, когда одну из героинь фильма мама спрашивает: «Как ты с ребенком учиться-то будешь?» — мое сознание зацепилось за эту фразу и потащило, потащило в прошлое, как в омут, глубоко наплевав на все мои попытки избежать этих воспоминаний и откровенно их проигнорировав...

— Институт бросать нельзя! — решительно заявила мне мама за месяц до рождения Максимки.

Отлично сдав сессию, я проводила лето дома с мамой, которая активно готовилась к рождению внука и втайне от меня закупала у своих товарок на рынке всяческие детские вещички и о чем-то постоянно с кем-то договаривалась, тщательно скрывая свои планы. И вот объявила о проведенной кампании.

— Если возьмешь академку, то твоя учеба растянется еще на сколько лет, а вытянем ли мы с тобой эти годы, неизвестно! — посадив меня напротив за стол, с видом полководца объясняла она свою тактику и стратегию. — В Москву поедем вместе, снимем жилье поближе к твоему институту, я найду какую-нибудь работу, так, чтобы днем оставаться с ребенком, пока ты учишься.

— Мам, это же дорого: снимать квартиру, да и какую работу ты там можешь найти? — засомневалась я.

— Ничего! — оптимистично уверила мама. — Я продала девочкам свой бизнес, все вещи и место на рынке, потеряла, конечно, немного в деньгах, но самую малость. И квартиру нашу уже договорилась, что сдам, с ними же. Вот родишь, потихоньку все ценные вещи к Валюше перевезем, с ней мы уже все обговорили: они с Вадимом будут за нашей квартирой присматривать и деньги с жильцов получать, и нам с тобой в Москву отправлять. Не такие уж, конечно, и деньги большие, а все ж подспорье. Ничего, дочь, все у нас получится.

Я не спорила. Да и о чем? С мамой-то вдвоем всегда лучше, чем одной! К тому же она уже все решила и запустила «механизм» исполнения в действие. Да и права она — учебу лучше не бросать.

Мы переехали в Москву в конце сентября, о чем я честно уведомила декана, пообещав, что наверстаю пропущенные занятия. Мама съездила сначала без меня, недели за три до нашего окончательного переезда, нашла и сняла нам комнату в большой коммунальной квартире, совсем рядом с моим институтом, очень удачно.

У нас вообще сначала все очень удачно сложилось.

Коммуналка, в которой мы жили, располагалась в старинном доме, с высокими потолками, огромными окнами, большущей кухней, даже туалета в ней было два на шесть комнат. Кстати,

ни в одной из этих комнат не жили сами хозяева — все так же, как и наша, сдавались жильцам. И соседями по коммуналке оказались сплошь молодые россияне, одна пара тоже с ребенком, правда, постарше Максимки, годика на два.

Жили мы коммунальным коллективом дружно, очень редко возникали какие-то недоразумения и конфликты, в основном кухонные, но так, без особых страстей и ругани, все ведь работали, кроме Инги, матери двухлетнего Вовки, и днем еще оставалась дома моя мама, а так до позднего вечера никого больше не было.

Еще очень удачно получилось, что наша с мамой и Максимкой комната располагалась в самом конце длинного широкого коридора, напротив входной двери, и планировка квартиры была такой, что перед дверью нашей комнаты образовалось довольно большое пространство, метров девять квадратных, куда не выходили другие двери, что-то вроде открытой прихожей. Туда мы поставили коляску и большую сушилку для белья, не мешая соседям и не загромождая комнату. Можно сказать, просто повезло, иначе в комнатушке нашей было бы не развернуться совсем.

— Деньги, что от Сергея твоего, и те, что я собрала от бизнеса и квартиры, мы с тобой, Славка, будем экономить и придерживать на черный день, мало ли что, — делилась своими решениями мама. — Из них будем только за комнату платить, а на жизнь я заработаю.

И моя бедная мамочка нашла две работы! Первая, приносящая основной доход, — уборщицей в офисе, совсем рядом с нашим домом, а вторая, дополнительная, тоже уборщицей в небольшом магазинчике, расположенном в полуподвале нашего дома. Ужас! Моя мамочка, человек с высшим образованием, молодая и красивая, мыла полы в общественных местах...

Мы очень быстро втянулись в распорядок и режим нашей жизни.

Вставали обе в пять утра, мама шла на работу, а я сцеживала молоко, кормила Максимку, готовила еду для нас на весь день, стирала пеленки до того, как соседи, часам к восьми, расходились на работу. Возвращалась мама, я передавала ей «вахту» и бежала в институт, до которого было двенадцать минут пешком. Мамуля кормила внука, а потом они вместе спали, а в мою большую перемену она приносила его мне на кормление, после чего они гуляли по институтскому парку. Я возвращалась с учебы, мы вместе ужинали, и мама отправлялась на свою вторую работу.

В десять часов вечера мы просто вырубались обе.

В выходные высыпались целую субботу, а в воскресенье обязательно куда-нибудь ездили гулять, в парк или просто по центру города, если не было больших морозов или сильных дождей. Недели летели от выходных до выходных настолько стремительно, что только шелкали календарные даты, мы и не заметили, как наступило лето, и я сдала с отличием сессию, в основном досрочно, и нашла себе подработку в одной нотариальной конторе на весь сезон.

И лето как прошло, не заметили. Старались только в выходные дни уехать куда-нибудь за город, к водоему, чтобы ребенок дышал свежим воздухом.

А ребенок у нас был такой молодчина! Просто золотце!

Он никогда не орал истошно, лишь хныкал, когда резались зубки и случались младенческие колики, развивался быстрее своих сверстников, рано начал держать головку и пошел в девять

месяцев, поразив и нас, и врачей. Максимушка рос спокойным мальчишкой, был сосредоточен на познании мира и самого себя, мог долго, внимательно рассматривать игрушку, после чего принимался, сопя от усердия, обязательно ее раскурочивать, периодически пожеывая, пробуя на язык, и делал это до того умильно, что мы умирали со смеху от его гримасок и ужимок. Молока у меня было много, и он хорошо и много ел, спокойно спал ночами и давал спать нам; Инга, соседка, все вздыхала завистливо:

— Какой у вас пацан спокойный! А мой орал первый год, не переставая, думала, с ума сойду.

Само собой, не обошлось без легких простуд, но мы их как-то ровно перенесли: без ужасов всяческих и без запредельных температур с вызовом «Скорой помощи».

Мне казалось, что мы справляемся, и так у нас дружно и здорово все получается, что вот еще немного потерпеть, пару лет, а там я закончу институт, найду себе хорошую работу, мы снимем отдельную квартиру, и еще много о чем мечталось, немало что планировалось и ожидалось мной от жизни....

Но если в дурной деревне постоянно кричат: «Волки! волки!», пугаясь каждого шелудивого пса, то рано или поздно накличат эту беду: волки явятся и перережут всю скотину! Так случилось и с нами. Мама так часто повторяла про «черный» день: на мое предложение купить ей классный пуховик, который я присмотрела в магазине, отвечала:

— Незачем тратиться, придержим деньги на «черный» день.

Когда я просила ее взять отпуск и съездить к морю отдохнуть, тоже категорически отказывалась, выдвигая прежний аргумент; в общем, по поводу любой моей «радухи» по улучшению нашей жизни вспоминала про этот самый треклятый день.

И он не преминул прийти — не заставив себя долго ждать!

Мама потеряла сознание на работе. Ее коллега, тетя Ксения, с которой они вместе убрали офис, позвонила мне домой и сообщила, что маму увезла «Скорая».

Она надорвалась, став челночницей, таская неподъемные тюки с вещами, и жесткий, тяжелый режим нашей жизни в Москве усугубил ее состояние, обострив все заболевания. Врачи обнаружили у нее целый букет болезней: острый панкреатит, грыжу и гинекологические проблемы, и нелады с сердцем...

Мы перевозили маму из больницы в больницу, переводили из одного отделения в другое; она совершенно ослабла так, что почти не могла двигаться, не улучшало мамино состояние и то, что она постоянно порывалась встать, помочь мне и изводила себя чувством вины; и не наступало никакого улучшения — одно лечили, другое всплывало. И эти больницы, войдя в нашу жизнь, задержались в ней на долгие месяцы.

Стремительно, как в омут, ухнули, ушли на мамино лечение все наши «заначенные» и оберегаемые от трат деньги. Платить требовалось за все! За койко-место в больнице, за медикаменты, за перевозку из одного стационара в другой, а также врачам, медсестрам, санитаркам, приглашенным консультантам, и кормить больную надо было тоже самим!

Чтобы не потерять мамину работу, я заняла ее место и ходила по утрам убирать офис вместе с тетей Ксенией. Вставать теперь приходилось на час раньше, в четыре, чтобы приготовить еду на весь день для нас с Максом и отдельно для мамы в больницу, а также успеть постирать, пока

соседи спят и ванна свободна, погладить, переделать домашние дела, сложить с собой провизию и все необходимое в большие сумки.

Я купила «кенгурушку», в которую усаживала сына, устраивая у себя на груди, — мне не с кем было оставить Максимку, а место в яслях получить было так же реально, как слетать на Луну, вот и приходилось таскать его везде с собой.

Мы с тетей Ксенией придумали для него что-то вроде большого манежа: в ксероксной комнате, пустой, если не считать самих аппаратов, до основных кнопок которых он не мог пока дотянуться. Убирали ее в первую очередь, перегораживали распахнутую дверь картоном, даже музыку ему включали — там почему-то осталась радиоточка — и принимались за работу.

Там же, на работе, я кормила сына, завтракала сама, сажала его в постромки и бежала в институт. В первый раз, когда я явилась на занятия с Максимкой, меня тут же вызвали в деканат, растолковать, что это запрещено, но я объяснила свою ситуацию и пообещала клятвенно, что он не будет никому мешать. Поскольку я являлась одной из лучших учениц, деканат пошел мне навстречу и позволил приходиться на занятия с ребенком.

Он действительно не мешал. В лекционных аудиториях я садилась на самый последний ряд, за которым имелась небольшая площадка, на ней и стелила теплое одеяльце, перегораживала проход к ступенькам рюкзаком и портфелями мальчишек, наваливала сыну кучу игрушек, и он преспокойненько занимался своими играми и там же засыпал, не мешая, давая маме возможность учиться. И в классных аудиториях повторяла этот трюк.

Мальчишки наши с энтузиазмом помогали мне его таскать из аудитории в аудиторию, парень у меня был тяжеленький, и к концу дня у меня просто руки отваливались и спину ломило невыносимо, и могли повозиться с ним, пока мне надо было сгонять в туалет.

После института я неслась в больницу к маме, кормила ее, меняла белье, успокаивала, как могла. Оттуда бегом домой — кормить Макса, делать домашние задания и уроки, укладывать его спать и, оставляя дверь в комнату открытой, чтобы за ним присматривали соседи, которые сами это и предложили в виде помощи, бежать в магазин мыть полы. В выходные мы с Максом гуляли на детской площадке и в парке, а остальное время проводили у мамы в больнице.

Мы совершенно обеднели.

Присылаемых за нашу квартиру денег хватало только на то, чтобы оплатить эту комнату, а на жизнь оставались только те копейки, которые я зарабатывала. Я научилась экономить на всем, в первую очередь на себе. Научилась готовить «кашу из топора», стирать только хозяйственным мылом и использовать самый дешевый отбеливатель, штопать носки и поднимать петли на колготках, перешивать вещи для себя и сына, я перестала покупать памперсы, заменив их простыми пеленками из ветоши, по ночам делала за деньги курсовые работы для нерадивых студентов. А в выходные ездила на оптовые овощные базы, разумеется, с Максом на пузе, где из куч гниющих, списанных овощей я и такие же малоимущие выбирали целое и пригодное в пищу. Я таскала на себе сына впереди, сзади тяжелый рюкзак с его одеяльцем, одежками, игрушками, контейнерами с едой, в руке портфель с учебными причиндалами.

За полгода такой жизни я постарела на десять лет, спина от непрерывного ношения тяжестей болела постоянно, я похудела, ужасно осунулась и жила только ожиданием скорого лета, когда, сдав сессию, наконец смогу хоть немного отдохнуть и прийти в себя.

Но этой каторге не видно было конца, и я все отчетливей понимала, что не вытащу маму! Не

справлюсь! Для этого нужны большие деньги, чтобы была возможность покупать дорогие новые лекарства (которые к тому же требовалось доставать!) и лечиться у хороших врачей, что тоже немаловажно.

И я не знала, не знала, что делать!!! Мне ребенка не на что было кормить, порой на яблоко ему денег не хватало! От морального и физического истощения, когда я падала от усталости на кровать, чтобы поспать три-четыре часа, я каждый раз боялась, что не проснусь вообще. Больше всего я боялась за сына! Если я не справлюсь, если я сдохну тут вообще, что будет с ним?!

Я передумала и перебрала все, какие могла, варианты: взять, наконец, академку, забрать маму из больницы и вернуться домой. Найду там работу, да и тетя Валя с Вадимом помогут и остальные родственники. Но отвергала эту возможность — весна девяносто восьмого года, если где и есть хорошие врачи, то это в Москве, и как я маму в наш город перевезу вообще, если она еле передвигается?! Да и оттого, что мы вернемся домой, денег у нас не прибавится, а богатых родственников мы отродясь не имели.

Бросить институт и найти хорошую работу на целый день? А куда деть Макса? Да и где же найти такую распрекрасную работу, чтобы заработать необходимые деньги? Я пыталась и искала, но с маленьким ребенком на руках, учебой и больной мамой меня никуда не брали. А кому такое добро надо? Вот именно!

Однажды в пятницу, после последней пары, когда я уже мысленно представляла, как отработаю сегодня вечером, а завтра спать, спать, преподаватель, который вел у нас «Международное право», самый любимый мой предмет, обратился ко мне, когда все уже выходили из аудитории:

— Огнева, зайдите ко мне в кабинет, прямо сейчас.

У меня вспыхнула робкая надежда, а вдруг мне какую-нибудь материальную помощь предложат? Один раз деканат выделил мне небольшую сумму, и ребята моей группы скидывались пару раз, за что им великое спасибо.

Но преподаватель хотел поговорить о другом, хотя к материальной помощи предмет нашего разговора условно и можно было отнести. Он был профессор, и ему полагался отдельный кабинет. Я здесь бывала уже пару раз по учебным делам, и этот кабинет мне очень нравился, навевал ассоциации с английским клубом.

— Садитесь, Огнева, — указал он мне на посетительский стул с другой стороны своего стола и, дождавшись, когда я сяду, сложу возле ножки стула весь свой багаж и получше устрою в «кенгурятнике» заснувшего Макса, спросил: — Как вы это все на себе таскаете?

— Приходится, — пожала я плечами.

— М-да... — заметил неопределенно он. — Собственно, в какой-то степени именно об этом я и хотел с вами поговорить. Вы, надеюсь, понимаете, что кафедра сделала для вас исключение, разрешив посещать занятия с ребенком?

— Да, конечно, — заспешила уверить я, — но это временно, пока мама в больнице.

— И это длится уже полгода, — напомнил он мне и спросил: — Что с вашей мамой, какой у нее диагноз?

Я принялась перечислять ее диагнозы и прогнозы, которые давали врачи, и добавила к сказанному свою веру и надежду на ее скорейшее выздоровление.

— А если она так и не поправится, что вы намерены делать? — не впечатлился он моим необоснованным оптимизмом. — Ну, с горем пополам дотянете вы до конца этого учебного года и даже сдадите, как всегда, великолепно сессию, осталось-то всего два месяца, а что вы собираетесь делать на следующий год?

— Я не знаю, — честно призналась я. — Что-нибудь придумаю.

— Отец вашего ребенка наш студент? — неожиданно спросил он.

— Нет, он заканчивал другой институт.

— Он вам не помогает?

— Он эмигрировал за границу и живет там. И нет, не помогает, он не знает о существовании Максима.

— Очень хорошо. — И поправился: — Вернее, плохо для вас и сына. Мирослава, — почти официально обратился он ко мне, — я хотел сделать вам некое предложение, и, надеюсь, вы его внимательно выслушаете и воспримете со всей серьезностью.

— Я постараюсь, — хорошей ученицей пообещала я.

— Я давно к вам присматриваюсь, — начал, видимо, вступительную часть он. — Вы очень одаренная, я бы сказал, талантливая девушка. При надлежащем руководстве вы далеко пойдете и достигнете самого высокого уровня профессионализма. Мне импонирует ваша целеустремленность и сила духа, и еще вы мне нравитесь как женщина. Поэтому, тщательно взвесив все «за» и «против», я решил предложить вам стать моей женой.

— Что-о-о?.. — от удивления я даже рот раскрыла.

— Почему вас это так удивляет? — немного напрягся он.

— Ну-у-у... — быстренько опомнилась я и поспешила косвенно уверить, что не подвергла сомнениям его внешние мужские достоинства. — У нас в институте очень много умных и красивых девушек, гораздо более красивых, чем я, да к тому же без ребенка.

— Да, это так, — подтвердил он спокойно. — Но, видите ли, дело в том, что, на мой взгляд, вы самая лучшая ученица, с большим будущим и перспективами. У вас образ мышления выстроен таким образом, что совершенно идеально подходит для профессии юриста. К тому же я обратил внимание, что вы не по возрасту мудры житейски и очень преданы своим родным и близким. — На этом месте он улыбнулся легкой, чуть надменной улыбкой:

— И вы мне нравитесь как женщина, и меня влечет именно к вам, а не к другим девушкам.

— Спасибо, — почему-то поблагодарила я, — но...

— Да, я понимаю вашу растерянность, — перебил он меня. — И понимаю, что вам надо как-то осмыслить столь неожиданное предложение. Но, поверьте, это не порыв, а обдуманное и взвешенное мной со всех сторон решение. И чтобы прояснить все вопросы до конца, с тем, чтобы в дальнейшем не возникало непонимания, я составил некий список моих пожеланий и

требований.

— Список? — совсем обалдела я от такого закручивания сюжета.

— Да, — ничуть не смутился он. — Я хотел бы, чтобы вы четко и ясно понимали, что я вам предлагаю и что вам ожидать в случае вашего согласия на брак со мной. Итак.

Он взял со стола несколько исписанных его четким почерком листов, и до меня начало доходить, что он не шутит и действительно тщательно готовился к этому разговору — даже изложил на бумаге свои мысли, предварительно положив «документ» на самое видное место, чтобы был под рукой.

— Первое, — начал он и посмотрел на меня. — Я молодой и абсолютно здоровый во всех отношениях мужчина, мне сорок семь лет, и у меня есть естественные, нормальные потребности, поэтому первым пунктом я обозначил супружеские интимные отношения. Они у нас должны быть в обязательном порядке, и я заранее предупреждаю, что никаких уловок и попыток избежать постельных отношений я не приемлю. Я не садист, не маньяк, у меня нет никаких извращенных наклонностей и пристрастий, поэтому гарантирую, что ничего плохого или ужасного в нашей спальне происходить не будет. Но вы никогда не будете отвергать мои притязания, и секс у нас будет происходить всегда: когда, где и сколько я захочу. Не пугайтесь, я интеллигентный человек и в общественных местах не собираюсь вас домогаться, я подразумеваю все то, что будет происходить между нами за закрытыми дверями. Надеюсь, этот пункт вам полностью понятен?

— Да, — кивнула я, стараясь изо всех сил не рассмеяться.

— Хорошо, — кивнул он в свою очередь, посмотрел на записи и продолжил: — Второе. У меня есть взрослый сын, и больше детей я не хочу иметь. Надеюсь, это не станет слишком неприятным для вас требованием, поскольку у вас уже есть ребенок, и бездетной вы не останетесь. Я настаиваю на соблюдении этого условия, но следить за исполнением этого пункта предстоит вам и предпринимать необходимые меры контрацепции.

Я слегка зарделась от такой прямолинейности, но качнула головой, что поняла и усвоила информацию.

— Третье, — продолжил он лекторским тоном. — Я не стану усыновлять вашего сына, и он останется на вашей фамилии, хотя вы в обязательном порядке возьмете мою, но я оформлю совместное с вами опекунство над ним. Я гарантирую полное содержание и заботу о вашем ребенке. Он ни в чем не будет нуждаться, впрочем, как и вы. И здесь мы подходим к основным, так сказать, юридически-материальным пунктам. Я полностью беру на себя ваше с сыном содержание, и, поверьте, оно будет весьма щедрым, я не скуп, насколько вам известно, и не привык экономить на себе и на своих близких. Вы будете вполне обеспеченной женщиной. Также я беру на себя решение проблем вашей матушки: мы переведем ее в самую лучшую больницу, найдем для нее самых лучших специалистов и доставим все, какие потребуются, лекарства, даже те, которых нет в России. После того как она встанет на ноги и окрепнет, я намерен снять для нее достойное жилье рядом с нами и выплачивать ей ежемесячно определенное содержание. Видите ли, я считаю, что ребенку лучше всего, когда им занимаются любящие родные, а не чужие люди, и хочу предложить вашей матушке взять эту заботу на себя. Разумеется, если понадобится, мы найдем и няню ей в помощь. Потому что вам, Мирослава, предстоит очень много заниматься и работать, я намерен сделать из вас специалиста самой высокой пробы.

Становилось все интереснее, словно мне вслух читали увлекательный роман, приглашая вступить в его обсуждение после прочтения.

— Четвертое, — как с кафедры, произнес он. — Все мое имущество как движимое, так и недвижимое, и все, что я еще приобрету за время нашего супружества, никогда и ни при каких условиях не будет принадлежать вам, и даже та его доля, что положена по закону. И вы никогда не будете и не сможете на него претендовать, ни в случае нашего развода, ни в случае моей смерти. Все это отойдет к моему единственному сыну. Также, помимо драгоценностей и дорогих вещей, которые я намерен вам дарить, я не приобрету для вас ни машин, ни квартир, ни чего бы то ни было, что можно отнести к недвижимому имуществу. Но я никогда не буду претендовать на ваши заработки — все, что заработаете вы сами, всецело будет принадлежать только вам, и распоряжаться им вы будете по своему усмотрению. Чтобы было совершенно точно понятно, повторюсь: траты на проживание, на ведение нашего общего хозяйства, на вашего сына, словом, все потребности и нужды нашей семьи я беру на себя, и содержать нашу семью буду я. Ваши заработки останутся только в вашем распоряжении.

— И, пожалуй, последнее из основного, — он отложил на стол листки и посмотрел на меня в упор. — Я намерен руководить вами, учить вас и помогать вам развиваться как личности и как специалисту, и надеюсь, вы не станете против этого возражать и будете неизменно прислушиваться к моему мнению и моим советам. Я не деспот и не тиран, и вы, учась у меня не первый год, знаете, что я довольно демократичен и отношусь с вниманием к мнению окружающих, даже моих студентов, если это действительно толковые суждения. Я намного старше вас, и у меня сложились свои бытовые привычки, свой комфортный мир и свои правила. Надеюсь, вы к ним адаптируетесь и быстро привыкнете. Я не намерен требовать от вас безоговорочного подчинения, и муштровать, и тиранить вас не собираюсь, как и не собираюсь узурпировать вашу яркую личность. Уверен, мы прекрасно уживемся вместе, и для нас обоих этот союз будет взаимовыгоден. Подумайте о моем предложении. — Он наклонился вперед, взял со стола и протянул мне листы с перечнем его требований:

— Перечитайте это, там есть еще несколько мелочей, которые я дописал позже. Изучите. И вот еще что, Мирослава, не рассказывайте пока никому о моем предложении, кроме, разумеется, вашей матушки. Хоть сейчас и не советское время, но личные связи со студентками у нас все равно не приветствуются.

— Хорошо, — кивнула я, засовывая листы в портфель, и, понимая, что аудиенция закончена, встала со стула и принялась натягивать на себя рюкзак. — Я пойду, мне пора, — пролепетала я.

— Идите, Огнева, — разрешил он. — И не задерживайтесь с ответом. Думаю, два дня вам хватит, чтобы все обдумать и принять решение.

— Хватит, — решила я и, кивнув еще раз, направилась к двери, но когда уже взялась за ручку, меня пробила, как острой иглой, одна мысль, и я медленно повернулась к нему: — А почему свое предложение вы сделали именно сейчас?

— Огнева, — усмехнулся он и откинулся на спинку кресла с весьма довольным видом, — вы самая умная и перспективная студентка на факультете, что думаете вы по этому поводу?

— Думаю, — внимательно разглядывая выражение его лица, ответила я, — вы специально дождались момента, когда мне станет совсем трудно.

— Молодец! — похвалил он меня, как за блестящий ответ на экзамене. — Ответьте мне, Огнева,

если б я предложил вам выйти замуж в прошлом году, вы бы как отреагировали?

— Отказала бы! — почти сразу ответила я.

— Правильно. А если бы ваша мама не заболела и у вас все оставалось в относительном порядке, вы бы согласились?

— Нет, — покачала я головой.

Он был уважаемым преподавателем, который никогда не соблазнял студенток и намеков грязных не делал, и не гнобил никого в своих интересах, да ему и не надо было, за ним и без того девицы табунами бегали. Он видел, что я не интересуюсь им как мужчиной, и не стал бы никогда навязываться и чего-то добиваться от меня, и наверняка, практически на сто процентов, стал бы моим дипломным руководителем и даже помог бы устроиться на приличную работу. Уверена. Он бы не опустился до того, чтобы ухаживать за девушкой, которая не проявляет к нему интереса. Но когда обстоятельства жизни изменились так, что мне срочно понадобилась помощь и я оказалась в тяжелейшей безвыходной ситуации...

— Вы правильно все поняли, — кивнул он, прочитав все эти размышления на моем лице. — Еще совсем недавно в ваших глазах была решимость и готовность к борьбе, но вот уже две недели, как в них стало появляться отчаяние. И, зная вас, я уверен, что вы искали какие-то возможные варианты выхода из своей непростой ситуации и передумали обо всем, что можно попытаться предпринять. И не нашли выход. А я вас давно хочу, вы мне идеально подходите, можно сказать, я в вас влюблен. За вас стоило побороться любыми методами.

— Я поняла, — сказала я.

И вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

«Сукин сын!» — с большой долей восторга и уважения подумала я.

Профи до кончиков пальцев, и, как юрист наивысшего пилотажа, он нашел один-единственный шанс из тысячи, дававший ему возможность выиграть дело! Он не кинулся сразу помогать мне, он выждал момент, когда обстоятельства припрут так, что мне уже некуда будет деваться.

И это был мой преподаватель, которым я всегда восхищалась как специалистом, профессор Роман Олегович Русаков, старше меня на двадцать семь лет.

Конечно, я тут же все рассказала маме, приехав к ней в больницу.

— Он тебе нравится? — спросила она, забирая у меня Макса из рук.

— Навися? — повторил внук за ней.

— Конечно! — с энтузиазмом уверила я. — Он известный юрист, он один из первых, кто открыл свою частную юридическую контору! Он знаешь какие дела вел, на всю страну гремели!

— Я спрашиваю тебя не об этом, — устало пояснила мама. — Я спрашиваю, нравится ли он тебе как мужчина.

— Не знаю, — пожала я плечами, — я о нем в таком разрезе не думала. Он интересный мужчина, молодежавый, подтянутый, элегантный, даже изысканный, можно сказать. Эстет. За ним полинститута девиц бегают и от любви умирают.

— Славочка, не надо за него выходить. Жить с женщиной, которого не любишь и который тебя даже не возбуждает, это каторга! Да к тому же он старше тебя, он даже меня старше на семь лет! Мы что-нибудь придумаем. Может, действительно тебе на следующий год взять академотпуск и вернемся домой? Я встану на ноги — дома и стены помогают — и все у нас наладится.

— И что у нас наладится? — почувствовав резкий упадок и настроения, и сил, спросила с отчаянием я. — Как я доведу тебя домой, где найду врачей и высокооплачиваемую работу? Без образования, без опыта работы на что я могу претендовать? На секретаршу в нотариальной конторе в лучшем случае? Я уже все обдумала, мама, я голову сломала, пытаюсь найти выход из нашей ситуации. Я Максус яблоко и апельсины купить не могу, это дорого для нас!

— Писин? — спросил ребенок.

— Вот именно, — подтвердила его мать и, решительно вздохнув, постановила: — Я выйду за него замуж!

Ради мамы и ради того, чтобы мой ребенок жил спокойной, обеспеченной жизнью, ни в чем не нуждаясь, я готова была абсолютно на все! Я вытерплю все, что угодно, и вынесу все, что потребуется, я сильная, но мой сын больше не будет ходить в рваных ботиночках, и апельсинов у него будет — завались!

Я озвучила свое согласие Роману Олеговичу уже на следующий день и думала, что свадьба произойдет в самое ближайшее время и будет быстрой, скромной, и вообще это мероприятие скорее формальность, чем торжество. Ошиблась.

Для начала меня пригласили на ужин, на следующий день после моего официального согласия, обсудить в кругу семьи грядущее событие. Оказалось, что под «семейным кругом» подразумевалось присутствие только одного человека кроме нас двоих — сына Романа Олеговича Игоря Русакова, настроенного по отношению ко мне заранее негативно и язвительно-отрицательно.

— А не молода ли невеста? — спросил он отца, когда домработница подавала на сервированный по всем правилам этикета старинным фарфором и серебром стол закуски.

— Это очень быстро проходит, — усмехнулся Роман Олегович, откидываясь на спинку стула. — Тебе не о чем беспокоиться, Игорь. На мое имущество как на уже приобретенное, так и на то, что я приобрету в будущем, Мирослава не претендует. Мало того, я составил документы, в которых это положение отражено, и составил таким образом, что они будут иметь юридическую силу даже в нашем суде. И она их сегодня подписала. Да и детей заводить мы с Мирославой не собираемся.

— Тогда зачем тебе, девочка, этот брак? — недобро усмехнулся Игорь. — Раз тебе ничего не обломится? Я что-то не заметил, что у вас большая любовь, а?..

— Наши чувства тебя, Игорь, не касаются! — отрезал Роман Олегович. — И твой тон непозволителен, ты оскорбляешь и меня, и Мирославу.

— Да, извините, — быстро пошел на попятную Игорь Романович. — Но ты поставил меня перед фактом, и, согласись, я имею право на сомнения.

— Имеешь, — кивнул Русаков-старший, — и я надеюсь, что они вызваны заботой обо мне, а не

ревностью или страхом потерять что-то из наследства.

— И этим тоже, отец, — честно признался Игорь. — Ты слишком много работал, чтобы достичь того, что имеешь, да и квартира эта, и антиквариат в ней, и наш загородный дом — это результат не только твоего огромного труда, но и труда моего деда. И очень не хотелось бы, чтобы какая-нибудь расчетливая девица прибрала и тебя, и твое состояние к рукам, да еще испортила при этом твою безупречную репутацию.

Вообще он молодец, я даже зауважала мужика! Прямым текстом выложил все, о чем большинство людей в такой ситуации постарались бы говорить намеками, язвительными подколками, про себя подозревая отца в сексуальной озабоченности, лишившей его разума.

— Твои опасения понятны, сын, и вполне обоснованны, — давая отмашку домработнице на смену блюд, спокойно ответил Роман Олегович. — Но в случае с Мирославой все обстоит несколько иначе. Она не расчетливая охотница за обеспеченными мужчинами, а весьма умная и талантливая девушка, которая сделает великолепную карьеру. И со временем сама станет зарабатывать настолько достойные деньги, что не будет нуждаться ни в чьих состояниях.

— А что-то, отец, твоя умная и талантливая девушка все молчит, может, ты переоценил ее способности, — саркастически улыбнулся Игорь.

— Я молчу, Игорь Романович, — подала, наконец, голос и я, спокойный и ровный голос, — потому что хорошо понимаю, что бы я сейчас ни сказала, все будет расцениваться вами как игра или притворство или желание понравиться вам и вашему отцу в каких-то одной мне ведомых корыстных целях. Единственное, что я могу предложить на данный момент: давайте проживем, а там увидим, что из этого выйдет. Никаким иным способом вывести меня на чистую воду у вас не получится.

— Я же сказал, — усмехнулся Роман Олегович, — она очень умная девочка.

Уже на следующий день после этого «семейного» обеда мою маму перевели в ЦКБ, ее обследовали самые лучшие врачи на самой лучшей для того времени диагностической аппаратуре, и назначено было новое лечение, и некоторые медикаменты доставлялись специально по просьбе Русакова его знакомыми из Европы.

Всеми свадебными приготовлениями занимался Роман Олегович, я к этой подготовительной суете имела номинальное отношение — примерки и только.

Выяснилось, что свадьба такой личности не может пройти незамеченной и ограничиться скромной церемонией. Вернее, по меркам тех слоев общества, в которых вращался Роман Олегович, она и была скромной. Тридцать человек гостей со стороны жениха, людей весьма известных и влиятельных в разных областях. И ни одного гостя со стороны невесты, если не считать нанятой няни, заботам которой был поручен Максим.

Платье для меня было куплено в крутом бутике и стоило столько, что нам бы троим, с мамой и Максом, хватило на полгода беспечной жизни, не говоря о салоне красоты, визажисте, подаренном мне обручальном кольце с бриллиантом и дорогушем нижнем белье.

Отмечали наше бракосочетание в самом дорогом и пафосном ресторане того времени. Никаких призывов «горько» и разухабистого гулянья: все чинно, благородно — политес, эстетика, тосты, как речь министра на полчаса, и баснословно дорогие подарки.

А в свою первую брачную ночь я абсолютно точно поняла, какая жизнь меня ждет впереди! Я даже не могла заплакать, как мне ни жалко стало себя и страшно от того, на что я согласилась!

Мне помогли выбраться из подвенечного платья домработница и еще какая-то женщина, я не запомнила кто, по-моему, дальняя родственница моего теперь уже мужа. Меня переодели в невесомую шелковую рубашку, накинули сверху пеньюар, и, пожелав счастья в семейной жизни, обе дамы удалились, а я так и осталась стоять у кровати, не зная, что делать дальше.

А дальше зашел в комнату Роман Олегович. И я мимолетно подумала, что эта сцена напоминает какой-то готический роман из жизни английских аристократов, когда муж приходит из своей комнаты в спальню жены, отпустив камердинера, который помог хозяину разоблачиться, принять ванну и надеть халат. Я чуть не хихикнула истерически.

— Разденься, дорогая, я хочу на тебя посмотреть, — попросил Роман Олегович, и это тоже сильно напоминало женский роман, что-то про дворянскую жизнь восемнадцатого века.

Я смущалась ужасно, но просьбу выполнила и даже повернулась спиной, чтобы он смог рассмотреть все, что приобрел.

Он не обманул меня и действительно не был извращенцем каким-нибудь, не имел никаких ненормальных наклонностей и больных желаний, но когда он лег рядом со мной на кровать и принялся меня поглаживать, и поцеловал, я поняла, насколько мама была права!

Господи, но почему мамы всегда правы, а мы, идиотки, их не слушаем?!

Роман Олегович — здоровый мужчина, спортивный, подтянутый, ни одного грамма жира, только мышцы, прекрасное зрелое тело, очень интересная внешность, достойное мужское хозяйство... — и он абсолютно, то есть совершенно меня не возбуждал!!!

Мне не нравились его прикосновения, его поцелуи, его запах — все, что он делал со мной! Я его НЕ ХО-ТЕ-ЛА!!!

Но оказалось, что его это мало задевает и еще меньше волнует. В сексе Роман Олегович предпочитал несколько классических поз и никакого новаторства, экспериментов из Камасутры и не ожидал от меня подыгрывания и имитации страсти и оргазма, в основном был занят своими чувствами, эмоциями и ощущениями, хотя и старался сделать мне приятно, по крайней мере, хоть как-то возбудить.

И все бы ничего, и вполне можно было бы как-то с этим жить и приспособиться, раз уж так получилось. Но, оглашая первый пункт своих требований в профессорском кабинете, Роман Олегович забыл предупредить будущую жену, что обладает повышенным сексуальным аппетитом и выносливостью. В первую брачную ночь он взял меня шесть раз!

Шесть! Я думала, помру!

Последний раз утром, после которого, отдышавшись, удовлетворенный, он нежно поцеловал меня в лоб и поблагодарил:

— Спасибо, дорогая, это было великолепно, — и, поцеловав еще раз, добавил: — Я предполагал и знал, что будет хорошо, но не мог и представить, что будет так прекрасно! Спасибо.

И, встав с кровати, облачился в свой дорогой парчовый английский халат и вышел из комнаты,

не забыв предупредить:

— Завтрак через двадцать минут, не опаздывай.

Что могло быть хорошо и великолепно? Я не поняла. Большую часть времени, пока он там что-то со мной делал, я лежала, как дерево, только иногда, для собственного удобства, обнимая его, и лишь ойкала изредка, когда мне было особенно неприятно.

Я лежала, смотрела на закрывшуюся за ним дверь и четко осознавала, что, если не хочу, чтобы моя жизнь превратилась в ад и сплошной кошмар, я должна срочно что-то придумать и предпринять. В тот момент я еще наивно предполагала, что шесть раз за ночь — это только в нашу первую брачную ночь и лишь потому, что он меня давно хотел. А знаете — нет!

Он хотел меня постоянно, и самое страшное — мог осуществлять это желание в любое время дня и ночи! И просто, уж извините за мой грубый натурализм, «запилил» меня, и уже через месяц я начала его тихо ненавидеть, а вместе с ним и этот бесконечный акт совокупления. Несколько раз за ночь и обязательно днем в кабинете, в рабочем или домашнем, там ему особенно нравилось заниматься со мной любовью на своем столе, а если мы оказывались дома одни, то везде, где застало его желание!

Однажды за ужином мы разговаривали о том, как дела у моей мамы и как быстро она идет на поправку, и тут он неожиданно вспомнил о своей бывшей жене.

— Елена, моя бывшая жена, мать Игоря, умерла молодой, сгорела за несколько месяцев, а диагноз ей так и не смогли поставить.

«Да ты ее просто затрахал! Сначала заморозил своей отстраненностью, а потом затрахал!» — с ненавистью подумала я и, внезапно ощутив в себе это чувство, похолодела, оцепенев от пугающего понимания происходящего.

Что я делаю?! Я же погибну от этой ненависти, она переполнит меня, и я утону в ней, разрушу себя как личность! От необходимости терпеть и ненавидеть, все больше и больше ненавидеть, я превращу свою жизнь в ад! И потащу за собой и маму, и Макса, неизбежно заражая и их своей ненавистью, погружая и их в этот кошмар! И превращу то, ради чего я согласилась на этот брак, — спасение своей семьи — в ее гибель и душевное разрушение!

Надо срочно что-то с этим делать!

Я ни с кем не делилась своими проблемами, и с мамой в первую очередь, боясь нарушить ее покой, а кроме нее, ни подруг близких, ни приятелей у меня не оказалось после замужества, по настойчивой просьбе Романа Олеговича мне пришлось дистанцироваться от всех друзей, которые у меня были. Да я бы никому и не рассказала о своей интимной жизни, уважая себя и Романа Олеговича.

И я решила пойти к сексологу. Мне повезло, я попала к очень толковому специалисту, верней, специалистке, которая многое мне объяснила, показала несколько физических упражнений, которые помогут мне расслабиться, и другие важные секретикки раскрыла. И долго беседовала со мной, разясняя суть моей проблемы.

— Скорее всего, Мирослава, пережив тяжелый шок от предательства любимого, вы подсознательно связали и ваши сексуальные ощущения с этим предательством. И еще, как бы определенные специалисты ни отрицали это, но существует такое понятие, как

несовместимость мужчины и женщины, и иногда она бывает частичной, как в вашем случае. То есть вам мужчина не подходит, а вы его вполне прекрасно устраиваете.

Я прошла у нее десять сеансов, и моя сексуальная жизнь постепенно перестала быть кошмарным кошмаром, а стала вполне терпимой, переносимой без неприятных ощущений, я даже начала, по совету специалиста, ответно дарить ласки своему мужу. Хотя количество этой сексуальной жизни меня по-прежнему и напрягало, но теперь я перестала, по крайней мере, ненавидеть мужа и спокойно воспринимала его потребности, всегда отвечая на его желания. Как мы и договаривались, как я ему и обещала.

Но никогда, за всю нашу семейную жизнь, я не испытала ни оргазма, ни удовлетворения, ни ничтожно малого приятного ощущения. Терпела.

Мне вообще первое время было очень трудно.

Ну, во-первых, Роман Олегович все еще оставался моим преподавателем и человеком настолько выше меня по всем жизненным статусам и показателям, что некое преклонение перед учителем и наставником мешало мне воспринимать его как мужа. А во-вторых, Русаков был человеком закрытым, холодноватым и отстраненным, немного надменным и высокомерным, знавшим себе цену и четко соблюдавшим свой статус в обществе. Но все эти черты характера не зашкаливали, не мешали ему быть и человечным, и где-то даже добрым. Но мне понадобилось время, чтобы понять это и приспособиться к его характеру, перестать обращать внимание на его отстраненность и холодность в отношениях с окружающими.

В доме у нас царил культ Романа Олеговича: его кабинет священен, его покой священен, его работа священна, заведенные им порядки священны! Неукоснительно соблюдались установленные им правила: четкий распорядок дня, почасовой и поминутный, обязательное присутствие за полностью сервированным столом за завтраком и ужином. Но все это было не так уж страшно.

Квартира профессорская, находившаяся в старинном особняке в центре Москвы и принадлежавшая еще его папеньке, академику и известному советскому юристу-международнику, была огромна. Поэтому мы легко «терялись» в этих просторах, и в своей комнате Максимка мог орать хоть во все горло, а я спокойно отбивать чечетку, и стоять на голове, и включать на всю катушку любимый рок, если бы мне такое вдруг взбрело в голову.

Кухня находилась полностью в распоряжении домработницы, перешедшей Роману Олеговичу «по наследству» еще от его родителей, вполне крепкой и боевой пожилой женщины Маргариты Валентиновны. Мое появление в ее владениях первое время не приветствовалось и даже всячески пресекалось. Но постепенно я отвоевала это пространство, когда хотела что-то приготовить особенное или просто чайку с сыном и мамой попить без выкрутасов с сервировкой в столовой.

Каждый день на помощь домработнице приходила и уборщица, которая принялась обращаться ко мне как к хозяйке: а окна когда мыть будем, а шторы стирать, а ковры не пора ли в химчистку сдавать... и так далее, демонстративно игнорируя Маргариту Валентиновну, до моего появления в доме решавшую все эти вопросы.

Подозреваю, что между дамами шла своя, неизвестная мне война. Но мне это было только на руку и помогло постепенно взять все хозяйство в свои руки. И разобраться с каждой мелочью, что я и сделала не без некой хитрости, задвигая на задние ряды властную домработницу, не желавшую так легко и просто сдавать мне свои позиции и признавать меня хозяйкой. Я

«подмазывалась» к Роману Олеговичу:

— А как это было принято в вашей семье, а как ты больше любишь, а как делала твоя мама...

Ему нравилось мое желание сохранить традиции семьи и сделать что-то приятное ему, он это поощрял, хвалил меня и всегда с удовольствием отвечал на мои вопросы.

Да, обращалась я к нему на «ты», но всегда и неизменно по имени-отчеству. Постепенно, став полноправной хозяйкой нашего дома, я освоилась и свыклась с заведенными порядками и привычками моего мужа.

К Максиму Роман Олегович был совершенно равнодушен и старался его не замечать, несколько раз поначалу делал нам с мамой замечания, чтобы мы уводили ребенка, когда он возвращается с работы и отдыхает.

Мамочка моя быстро встала на ноги, уже через два месяца после вмешательства Русакова ее выписали из больницы, и она поселилась рядом с нами, через два дома, в двухкомнатной квартире, снятой для нее Романом Олеговичем. И постепенно, восстанавливая силы и здоровье, взяла все заботы о Максимке на себя, отказавшись от услуг дополнительной няни, — они с Маргаритой Валентиновной вполне справлялись с ребенком вдвоем.

Тут надо бы с улыбкой отметить, что грозная домработница полюбила нашего ребенка, как родная бабушка, как только может до самой глубины души полюбить женщина, никогда не имевшая своих детей и семью. Первое время она, правда, тщательно скрывала от нас эту любовь, но вскоре начала открыто проявлять свои чувства.

А с отчуждением и холодностью Романа Олеговича мой сынок справился самостоятельно, протоптав своими маленькими, но плотненькими мужскими ножками-лапотошками дорожку в его сердце и вызвав уважение большого человека.

Началось все с одного эпизода, когда Роман Олегович неожиданно заехал днем домой за документами и обнаружил в большой гостиной на ковре играющих в кубики Макса и маму.

— Надежда Владимировна, а почему вы не в детской с ребенком играете? — строго спросил хозяин дома.

— Здесь светлее, и ковер теплее, Роман Олегович, — оправдывалась мама. — И мы развивающей игрой заняты — не испортим ничего, не ломаем и не испачкаем.

— И что это за игра? — внезапно заинтересовался он.

— Кубики с буквами, — пояснила мама. — Мы так алфавит учим и складывать слоги и слова.

— Но ему же всего три года? — удивился Роман Олегович.

— Он у нас очень умный мальчик и во многом опережает своих сверстников, — улыбалась мама и предложила: — А вот посмотрите. — И обратилась к ребенку: — Максим, покажи, где буква «А», а теперь найди, какую букву к ней можно приставить?

Максимка, солидно выпятив губку от усердия, нашел букву «А» и кубики с буквами «П» и «М», поковырялся среди раскиданных кубиков и нашел еще несколько таких же букв и сложил из них «МАМ» и «ПАП».

— Удивительно, — дал сдержанный комментарий Русаков и удалился по своим делам.

Через полгода Максимка научился читать и однажды поразил всех нас.

Когда он успел обратить внимание на привычку Романа Олеговича устраиваться у себя в кабинете и читать периодику, сидя в кресле за столом, если не работал в это время с документами, так и осталось для нас с мамой загадкой, но умненький мальчик не только заметил это, но и запомнил.

И вот как-то раз, держа в одной руке любимую книжку, другой волоча за собой свой маленький стульчик, он подошел к приоткрытой двери хозяйского кабинета, сопя от натуги, распахнул пошире дверь и пошагал к столу, за которым в кресле сидел Русаков. Роман Олегович молча, но с большим удивлением наблюдал за действиями ребенка. Максимка дотащил стульчик до его кресла, поставил рядом, сел, устроившись поудобнее, посмотрел на профессора, открыл свою книжку и, приняв такую же позу, как у старшего, — нога на ногу, принялся читать. Он водил пальчиком по буквам и шепотом, себе под носик, произносил слова.

Роман Олегович никак не прокомментировал это вторжение на свою территорию и продолжил свои занятия как ни в чем не бывало. Нам с мамой он тоже ничего не сказал, хотя мы и ожидали с неким замиранием его реакции на действия ребенка.

На следующий день, в выходной, Максимка повторил все в точности, как в прошлый раз, и около часа двое мужчин читали свои печатные издания, сидя рядом.

К сожалению, мы с мужем часто возвращались домой очень поздно и подобное совместное мероприятие возможно было только по выходным, когда мы оставались дома. Но каждый раз, когда Роман Олегович находился днем в кабинете, Максимка тащил свой стульчик и усаживался рядом. Это было так умильно!

Однажды ребенок не присоединился к профессору, Русаков нашел меня в моей комнате и с недоумением спросил:

— А где Максим, у нас час чтения?

Я еле удержалась, чтобы не расхохотаться в голос. Это звучало так, словно английский лорд спрашивает у распорядителя закрытого мужского клуба, а где это граф такой-то, у нас подошел час просмотра газет, курения сигар и обсуждения политической ситуации в мире.

— Они с бабушкой поехали в зоопарк, — разочаровала я его.

И что бы вы думали он ответил?

— Это можно было сделать и после нашего чтения! — по-моему, он даже обиделся.

Точно так же Макс предложил сам себя Роману Олеговичу в соучастники по всем серьезным мужским занятиям. Лет в пять он взял в руку его теннисную ракетку и заявил профессору, когда тот собирался в спортклуб на теннис, который посещал два раза в неделю:

— И я!

И Русаков в тот же день выяснил у тренеров, с какого возраста можно начинать заниматься, и купил все необходимое обмундирование и инвентарь для ребенка, и уже в следующий раз они уехали на тренировку вдвоем, правда, в сопровождении заботливой бабушки.

Так же получилось и с плаванием, на которое ездил Роман Олегович. Собираясь, он заметил Максима, внимательно следившего за его сборами, и спросил:

— И ты?..

— Да, Максим с тобой! — кивнул ребенок.

Теперь их трио — Роман Олегович, Максим и бабушка — ездило еще и в бассейн.

А когда у Максимки начался период «почемучки», Роман Олегович с особым удовольствием, как преподаватель с большим стажем, любивший вещать на аудиторию, отвечал на все его «почему», правда, иногда слишком расширенно, и Макс терял интерес к теме, но по большей части весьма доступно для ребенка такого возраста. У них сложилось нечто вроде мужской дружбы, и меня это и радовало, и поражало всегда.

А что касается меня, то я была Галатеей Русакова, неким извлеченным из кимберлитовой трубки алмазом, весьма невзрачным, мутным от налипшей породы, который он с усердием принялся отчищать и огранивать, вытачивая из камня великолепный бриллиант. Он находил в этом особое творческое удовлетворение, некую самореализацию.

Для начала, сразу после свадьбы, я стала учиться еще усерднее, чем прежде, заучивая и штудировав в два раза больше материала специальной литературы, чем требовалось по программе. Русаков настоял, чтобы я в кратчайшие сроки выучила в совершенстве английский язык, и сам меня постоянно проверял и контролировал.

Языки мне давались сложнее всего, вот не было чего-то в мозгу такого, что помогало бы легко и просто стать полиглотом. Приходилось буквально упорно упорно упорно заниматься над этими занятиями, но я упорно занималась и зубрила, зубрила.

В летние каникулы, между моим четвертым и пятым курсами, он вывез меня в Англию в первый раз. У Романа Олеговича проходила там международная научная конференция, меня же он положил в известную клинику пластической хирургии, где мне раз и навсегда удалили шрамы на лице, изведя даже память о них. А потом он показывал мне Лондон, мы много гуляли, и я искренне полюбила этот город.

На пятом курсе я начала работать в его «Адвокатской конторе «Русаков», и вкалывать мне там пришлось — ого-го! И причем работать рядом с Игорем, который являлся первым заместителем отца и вторым главным лицом фирмы, преодолевая его так и не прошедшую неприязнь и недоверие ко мне. И все это было так трудно, что порой мне казалось, что проще умереть. А выть и плакать я не могла себе позволить, так же как и жаловаться кому-нибудь.

Некому было жаловаться на судьбу!

Роман Олегович научил меня разбираться в элитной жизни. Там же, пока мы находились в Лондоне, он отправил меня в школу известного визажиста в качестве частной ученицы, где для меня подобрали и разработали мой собственный стиль во всем — в прическе, в манере держаться, в выборе одежды, парфюмерии и макияже, — что делало меня изысканной и утонченной женщиной.

Русаков развивал мой вкус, научив разбираться в одежде, фирмах с именем, мехах, ювелирных украшениях, марках вин, машинах, научил на глаз отличать подделку от оригинала. Научил разбираться в людях и в следующий наш приезд в Англию даже отправил учиться на курсы, где

обучали по мимике и жестам человека распознавать его мысли и чувства: когда он лжет, когда говорит правду, когда боится, когда радуется. Смотрели известный сериал «Обмани меня»? — вот нечто подобное, но без художественной фантастики. Он делал из меня изысканную, утонченную даму света и одновременно крутого, хищного, беспощадного и холодного профессионала.

Он гранил, отделывал свой бриллиант. С особым тщанием и большими надеждами на него.

Надеюсь, я оправдала все его надежды.

Сразу после моей защиты диплома и окончания института Русаков подписал контракт с известным во всем мире лондонским университетом на проведение двухгодичного курса лекций, и мы уехали всей семьей, вместе с мамой, Максом и домработницей, жить в Лондон.

Не подлежало обсуждению, что я буду учиться в этом университете и осваивать юриспруденцию европейских стран. Он просто сказал: «Ты будешь учиться». Что я и сделала, получив по окончании диплом с отличием, дававший мне право заниматься юридической практикой в странах Европы и определивший меня как специалиста по юридическому законодательству европейских стран.

А также пришлось за эти два года выучить французский и немецкий языки. Я чуть не померла там от этой учебы, думала, эти языки меня доконают! Но рядом были сын и мама, и это сильно скрашивало мою бесконечную и беспросветную зубрежку.

Роман Олегович все эти два года общался со мной только на английском.

Представляете? Даже в постели!!! Правда, там он практически никогда не разговаривал, ограничиваясь короткими просьбами в виде мягкого приказа. Кстати, мой четырехлетний сын уже через три месяца после нашего приезда в Англию начал хорошо понимать этот язык, а вскоре стал свободно говорить по-английски.

Все-таки языкам надо учить в детстве — никаких проблем: понимать и говорить дети учатся сразу, а письмо и чтение потом как-нибудь освоят.

Но по возвращении в Россию мои мытарства не закончились. Роман Олегович потребовал, чтобы я срочно села писать кандидатскую диссертацию. Я написала и через год с блеском защитилась.

И работала, работала, работала.

Раньше в «Адвокатской конторе «Русаков» отдельного направления международного права не было как такового, Роман Олегович сам, лично, вел все дела, имевшие отношение к международному законодательству, но после моей защиты, посадив нас с Игорем за стол переговоров, предложил выделить это производство в один отдел и поставить меня руководить им.

— Я, как и раньше, буду вести самые сложные дела, как этого направления, так и наши, внутри страны, так сказать, — начал он излагать свое решение. — Но у меня еще и кафедра, лекции, и ученики, а руководство отделом требует не только работы с клиентом, но и множество организационной рутины. А реалии обстановки в стране таковы, что клиенты станут еще больше приобретать недвижимость за рубежом и открывать там свой бизнес, и наши услуги будут неизменно востребованы от самых незначительных сделок до миллионных. Поэтому считаю, что Мирослава должна возглавить новый отдел и подобрать себе штат.

И Мирослава исполнила все поставленные перед ней задачи. Да, он называл меня только Мирослава, никогда не сокращая мое имя, и требовал того же от окружающих, ото всех, кроме мамы, смирившись с ее привычкой звать меня Слава.

А Максимка звал Русакова папа Ромолег. Первое время Роман Олегович постоянно напоминал и настаивал, чтобы мы объяснили ребенку, что он ему не папа, но ребенок сам всегда решал, что и как ему делать, поэтому глубоко имел в виду все взрослые требования и объяснения и продолжал звать так, как ему было удобней.

Да и поздно было меняться, Максимка уже заслужил и уважение Русакова, и его любовь, старательно скрываемую ото всех.

Когда я провела свое первое большое дело и получила первый гонорар, я никак не могла осознать, что вот все эти деньги мои! Мои, и я их честно заработала!

Первое, что я сделала, это купила настоящий, именной платиновый «Паркер» и преподнесла мужу, а также пригласила все семейство, в том числе и Игоря Романовича с семьей — женой Мариной и двумя детьми, девочкой Аглаей и мальчиком Потапом — в дорогой, пафосный до необычайности ресторан отметить это событие.

А потом сделки, клиенты, суды и разбирательства повалили как ком с горы, пришлось нанимать больше работников, распределять нагрузку и обязанности, и я настолько вошла в работу и свою новую жизнь, что мне казалось, так было всегда и никогда не было иначе. На первые действительно солидные деньги я купила квартиру маме.

Хотела сразу же приобрести однокомнатную, но Роман Олегович отговорил.

— Зачем, Мирослава? Это нерационально. Во-первых, однокомнатные по метражу стоят больше, а во-вторых, у Надежды Владимировны должна быть комфортная жизнь с отдельной спальней и гостиной, где она сможет принимать гостей и где есть дополнительное место для сна, если, скажем, у нее Макс останется ночевать. Да и потом, не забывай, что рано или поздно эта квартира отойдет Максиму.

Пришлось умерить свое нетерпение, еще немного подкопить, продать нашу старую квартиру в родном городе и потом еще немного подкопить, потому что я вдруг решила, что если уж покупать, то рядом с нами, в центре и, желательно, в старом фонде с высокими потолками и огромной кухней. Но я ее купила!

И именно тогда, когда я вошла в уже купленную мной квартиру, я осознала себя состоятельной женщиной. Первый раз в жизни!

Почему-то ни тогда, когда выходила в свет со своим мужем в великолепной шубе запредельной стоимости и в платье от кутюр, сверкая бриллиантами, ни тогда, когда мы с ним вдвоем путешествовали по Европе, ни тогда, когда в самом известном ювелирном магазине он выбирал для меня в подарок изумруды под цвет моих глаз, я не чувствовала себя богатой женщиной.

А именно тогда, когда я! я сама! заработала деньги и купила эту квартиру.

И именно в тот момент я поняла, почему он заставил меня подписать те соглашения и отказаться от любых притязаний на все, чем он владеет и приобретет в будущем, — чтобы я точно знала, что всего в этой жизни добилась сама и все, что я имею, я заработала сама! И стремилась к этому, и училась каторжно, и так много и тяжело вкалывала, для того чтобы все в

своей жизни заработать самой и жить с этим знанием! И когда через несколько лет я покупала квартиру для себя, к этому решению подвел меня тоже он и помог с недостающей суммой.

Я как-то и не задумывалась о необходимости собственного жилья, да и вообще на такие мысли у меня времени не хватало — я невероятно много работала и была полностью погружена в дела. Но однажды вечером Роман Олегович вернулся поздно с работы и позвал меня к себе в кабинет.

— Присаживайся, Мирослава, — указал он мне на стул, устраиваясь сам в своем кресле. — Мне тут сделали заманчивое предложение по приобретению одной недвижимости.

— Где? — по-деловому поинтересовалась я, естественно, предположив, что разговор идет о зарубежной недвижимости.

— В Москве. Один мой клиент вынужден срочно продавать квартиру. Весьма приличную квартиру, в центре. А поскольку из-за срочности цена этого жилья значительно меньше рыночной, то я подумал, что тебе необходимо ее приобрести.

— Мне? — удивилась я неожиданному повороту.

— Тебе, — спокойно повторил он и объяснил: — Я, разумеется, не собираюсь в ближайшее время умирать, но, увы, все мы не вечны. А эта квартира принадлежит Игорю, и жить в ней вы с Максимом не сможете. И не будем забывать, что он быстро растет и через несколько лет мальчику понадобится отдельное жилье, без нас и без бабушки. А такие предложения делаются крайне редко, и решать это необходимо прямо сейчас и уже завтра начинать процедуру покупки.

— Но у меня нет таких денег, — напомнила я о своем материальном состоянии.

— Я тебе займу. И этот заем мы оформим по всем правилам, — и улыбнулся. — А проценты, дорогая, я с тебя сниму, естественно, гораздо меньшие, чем любой банк.

Вот таким образом я и приобрела свою квартиру. А также первую машину, на покупку которой он же меня и сподвиг, и заставил пройти полный курс вождения.

Деньги я ему вернула. С процентами, как и положено.

Пусть у меня никогда не было женского счастья, и пусть я не знаю, что это такое, и не любила, как желанного мужчину, своего мужа, и близости душевной у меня с ним никогда не было. И пусть всю нашу совместную жизнь я чувствовала себя рядом с ним как студентка, сдающая вечный экзамен своему преподавателю. И пусть я никогда не могла расслабиться, всегда оставалась напряженной, как струна, боясь разочаровать его чем-то или подвести, и держала спину, и строго придерживалась всех его правил, и даже дома всегда была с прической, макияжем, на невысоких каблуках и в домашней, но элегантной одежде. И пусть я не могла быть открытой до конца ни с кем, теперь уже даже с мамой, и никогда не могла позволить себе быть самой собой, пряча свои мысли и эмоции.

Но я ему бесконечно благодарна за все, что он для меня сделал!!!

За маму, которую благодаря только его вмешательству и, по большому счету, заботе удалось вылечить и полностью поставить на ноги. За Максимку, который вырос не безотцовщиной заброшенным, в нищете, с матерью, надрывающейся изо всех сил в тщетных попытках

добиться материального благополучия. За то, что он стал ему пусть не отцом, но близким другом, наставником, уважающим мальчика за его характер и силу духа. И за то, что мой сын вырос рядом с воспитавшим его мужчиной, занимался вместе с ним спортом, получал ответы на свои мальчишечьи вопросы, формировался как личность, мужал, умел и очень многому у него научился. И что никогда Роман Олегович не давил на ребенка, не пытался сломать его характер, переделав под себя.

Я бесконечно благодарна ему за то, какой он меня сделал, что я представляю собой на сегодняшний день, за то, что помог получить самое лучшее образование и невероятно многому научил, за то, что создал из невзрачной серой гусеницы настоящую бабочку, за то, что ограничил свой бриллиант!

Я не знаю, кем бы я стала и чего достигла бы без его помощи, руководства и протектирования. Я, разумеется, сделала бы все возможное и невозможное, чтобы чего-то добиться и поднять сына, дав ему достойную жизнь и образование, все бы жила из себя вытянула, но сделала бы! Но уж точно не за такой короткий срок, не достигнув так быстро столь высокого профессионального уровня и статуса. А если бы мама не поднялась и умерла, вообще не знаю, как бы я вытянула. Справилась бы я, сильная и упорная, но с такими жизненными, физическими и духовными потерями, что на саму жизнь у меня бы сил не осталось. Я не собираюсь мусолить все эти «если» и перебирать варианты, как сложилась бы моя жизнь, — я точно знаю, что без него я бы таких успехов не достигла.

Но каждый день своих одиннадцати лет замужества я платила за эту сделку и за тот расчет, по которому вышла замуж! Каждый день. Все справедливо!

В начале две тысячи девятого Роман Олегович внезапно заболел.

У него обнаружили скоротечный рак поджелудочной железы. Это было не просто шоком для всех нас, это казалось настолько невозможным, что мы не могли поверить! Он всегда внимательно следил за своим здоровьем, занимался спортом, никогда не курил, никогда не злоупотреблял алкоголем, лишь на торжествах и официальных мероприятиях, и порой мог выпить граммов пятьдесят хорошего дорогого конька после тяжелого дня. Он вел здоровый образ жизни и правильно питался: практически не ел жареного, острого и соленого, включал в рацион много свежих овощей, фруктов, свежевыжатых соков и предпочитал мясу рыбу. Он был идеально здоров, бодр, молод — ему было всего пятьдесят восемь лет!

Роману Олеговичу стало плохо во время лекции, коллеги вызвали «Скорую», его срочно госпитализировали, и к тому моменту, когда я примчалась в больницу, врачи уже успели сделать предварительное обследование и поставить диагноз.

— Рак поджелудочной, — скорбным голосом сообщил мне доктор.

— Этого не может быть! — отказалась верить я и принялась объяснять: — Он следит за своим здоровьем, раз в полгода проходит обследование, ведет очень здоровый образ жизни. Может, вы перепутали что-то?

— Мирослава Витальевна, вы же знаете, я Романа знаю давно и дружу с ним, я перепроверил все дважды. Для меня это тоже полнейший шок!

— Что надо делать, Виктор Михайлович? — тут же собралась я.

— Ничего, — развел он руками, чуть не плача. — Рак скоротечный, уже неоперабельный, ему

осталось несколько месяцев.

— Нет! — покрутила я отрицательно головой, отступая и от врача, и от страшного диагноза, и повторила: — Нет! Я отвезу его в Германию, в Израиль, скажите куда!

— К сожалению, ему и там не помогут...

Черной тучей безысходности на меня опустилось понимание, что это конец, и отчаяние от невозможности что-то изменить, исправить, помочь...

Последние четыре месяца его жизни были ужасом и кошмаром для всех нас, оставшихся без надежды на выздоровление Романа Олеговича, вынужденных видеть его мучения и стремительное угасание.

Я ушла с работы, отказавшись от всех дел и клиентов, назначив на свое место заместителя, уведомила Игоря о своем решении и осталась с мужем. Роман Олегович настоял, чтобы его поместили в дорогой хоспис, где в палате поставили кровать и для меня, чтобы была возможность постоянно находиться рядом.

Мама и Маргарита Валентиновна приезжали каждый день, возили нам еду, сменную одежду и все необходимое для меня — я практически не покидала госпиталь и отлучалась всего два раза за эти месяцы на короткое время, передоверив заботу о муже Маргарите Валентиновне.

Максим навещал нас чуть ли не каждый день. И первое время, пока Роман Олегович еще мог нормально общаться, они много и долго о чем-то разговаривали, выставляя меня из палаты, играли в шахматы, и Максимка стойко держался, стараясь не показывать, насколько испуган этой бедой. А потом я запретила ему приезжать, не хотела, чтобы он видел папу Ромолега обессиленным, в состоянии полного неотвратимого угасания.

Игорь почернел весь от беды. Я и не предполагала, что он был так привязан к отцу и так его любил, что Роман Олегович так много для него значил.

— Он не был демонстрирующим свою любовь отцом, — откровенничал со мной Игорь, когда Роман Олегович заснул, и, оставив присматривать за ним санитарку, мы пошли пройтись по госпитальному парку, — он был суровым, требовательным, отстраненным и холодным. И когда мама умерла, он даже не заплакал, и я долго обвинял его в этом. Порой мне казалось, что я его ненавижу. Но это прошло, просто однажды я понял, что он не говорит о своей отцовской любви и не выражает ее эмоционально, а проявляет ее делами и поступками. Понял, что всю жизнь отец вел, направлял меня, помогал постоянно и очень много для меня сделал.

Игорь так до конца и не верил, что я искренне уважаю и ценю его отца, и все одиннадцать лет нашей супружеской жизни все пытался уличить меня в корысти и при каждой встрече на семейных ли мероприятиях, на работе ли обращался ко мне со скрытой язвительностью.

Но один раз он неожиданно приехал в хоспис и застал тяжелую для зрелища картину, как мы с нянечкой занимаемся помывкой больного после желудочного «сброса» — это уже под самый конец Романа Олеговича было. Мы с мужем не хотели, чтобы кто-нибудь видел его в таком состоянии, и я пускала посетителей только тогда, когда Роман Олегович был помыт, побрит, причесан, с небольшим макияжем, делавшим его похожим на прежнего, ухоженного и элегантного.

Но Игорь, всегда открыто игнорировавший любые мои бытовые и житейские решения, просто вошел без стука в палату, постоял в полном шоке несколько минут и тихо вышел. И мы оба

сделали вид, что этого его появления не было.

За несколько недель до смерти Роман Олегович взял меня за руку и измученным голосом, обессиленным уже шепотом сказал:

— Я так благодарен тебе, Мирослава, за нашу жизнь. Я был очень счастлив с тобой как мужчина, как муж и как твой наставник. Ты моя гордость учителя, и ты моя самая прекрасная любовница в жизни. Я знаю, я был сухарь и эгоист в сексе, но мне всегда хотелось именно такой близости, а женщины ждали и требовали от меня совсем иного, мне повезло только с тобой.

И попросил срочно пригласить Игоря, а когда тот приехал, потребовал оставить их наедине. О чем они говорили, не знаю, но, выйдя из палаты и осторожно притворив за собой дверь, Игорь подошел ко мне, молча взял мою руку, наклонился к ней и поцеловал долгим благодарным поцелуем. И ушел.

На похоронах собралось очень много народа. И вылились они в светское мероприятие с огромными венками и букетами цветов от бывших клиентов и друзей Романа Олеговича, известных и власть имущих людей, которых снимало телевидение.

Мама с Маргаритой Валентиновной, обнявшись, рыдали, Макс тихо плакал, Игорь украдкой вытирал одну за другой бежавшие слезы, и только я так и не смогла заплакать. Стояла у гроба, держала его за руку и смотрела на его лицо, и не могла отойти, пока меня кто-то осторожно не отвел, высвободив его иссохшую холодную кисть из моей руки.

На сороковинах, которые мы отмечали в кафе, заказанном полностью для нас и закрытом для иных посетителей на этот день, я отвела в сторонку Русакова-младшего, теперь ставшего старшим.

— Игорь, через две недели мы съедем из квартиры, вы с семьей можете туда въезжать, я уже поговорила с Мариной.

— Это совершенно необязательно, Слава, — он называл меня так с самого начала, скорее в пику отцу, и чтобы лишний раз подчеркнуть мою незначительность для него, ну а потом привык, наверное. — Мы же не на улице, ей-богу. Маринка с детьми вообще в нашем русаковском доме живут, а я мотаюсь между московской квартирой и загородом.

— Нет, Игорь, — настаивала я на своем решении. — Во-первых, я дала слово Роману Олеговичу, и ты знаешь — никогда не претендовала на эту квартиру, во-вторых, ты его наследник и должен жить там, в вашем родовом гнезде, и, в-третьих, мне это тяжело, там все напоминает о нем, и без него я там жить не могу.

— Я тебе так благодарен, Славка, — вдруг обняв меня, со слезой в голосе сказал он. — За все! За то, кем ты была для отца, за то, что сделала для него, за твою любовь к нему, за то, что была с ним до конца и помогала сохранить самоуважение и внешний пристойный вид, ведь это так много значило для него. И за то, что благодаря тебе за последние годы наша контора вышла на более высокий уровень и стала в три раза больше прежней. И вот за это: «Его наследник должен жить в своем родовом гнезде».

Это было его первое признание меня и для меня со дня нашего знакомства.

А через два дня выяснилось, что Роман Олегович настоял, чтобы «Адвокатскую контору «Русаков» возглавили мы оба, став партнерами и хозяевами, причем ровно в пополаме,

никаких пятьдесят один процент, ровно пятьдесят у каждого, аргументировав это цифрами, которые отображали картину последних лет, ясно демонстрирующую, что основные доходы принесла моя работа. Ну, это понятно — я не разводами занимаюсь и не дележом имущества, а сопровождением международных сделок и тяжб. А это, скажем так, несколько иные суммы.

— Я с отцом согласился полностью, — пояснил Игорь. — И еще до его смерти мы оформили все бумаги. Теперь ты фиг уйдешь куда-нибудь, и мы вместе будем богатеть.

— Давай будем богатеть, — согласилась и я.

За эти три с половиной года через что только мы с ним не прошли и из каких только ситуаций нам вместе не приходилось выпутываться, я имею в виду и рабочие моменты, и житейские — не имеет смысла перечислять. Но странным образом мы стали пусть не родными, но близкими людьми, единственными друг для друга, на кого можно полностью положиться и кто поддержит в любой ситуации. Хотя мы старательно это скрываем и немного играем в конкуренцию авторитетов, характеров и немножко в «кто в доме хозяин?». Я делаю вид, что уступаю ему, а он с удовольствием подыгрывает. И все довольны.

Я вдовствую уже четвертый год и ни разу не завела романа, не встречалась с мужчинами и не приняла ни одного предложения различной степени «тяжести» от банального разового секса до замужества. Игорь это знает, что он там себе думает на эту тему, бог ведает, а мне неинтересно, но, кажется, он решил, что это от большой любви к его отцу.

Пусть себе думает что угодно. Но у меня такое ощущение, что того перебора секса, который был у меня с мужем, мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

От непростых воспоминаний и дальнейшего бултыхания в прошлом меня спас звонок Олега, который с ходу пожаловался наигранным, с ужасом, тоном:

— Ну, Мирослава Витальевна, все пропало, очередной раз!

Вообще-то Олег устроился к нам в контору по серьезной рекомендации помощником адвоката сразу после окончания института. И, заметьте, не моим помощником, а одного из адвокатов моего подразделения, но несколько раз, приходя по поручению от своего непосредственного начальства ко мне в кабинет, он, понаблюдав за работой моей новой секретарши, которую я взяла на испытательный срок, как-то не выдержал и принялся так ее отчитывать, что на их крики мне пришлось выйти из кабинета и поинтересоваться, что происходит.

— Вы знаете, что она с документами делает?! — разошелся Олег. — Черт-те куда их засовывает, секретные бумаги сверху папок кидает, где все могут увидеть, и вообще тут такой бардак развела!

— И что вы можете предложить, молодой человек? — строго поинтересовалась я.

— Да лучше я сам тут порядок наведу, чем такое видеть! — бушевал парень.

— Ну наведите, а я проверю, — позволила я и уволила девочку, от которой собиралась избавиться еще вчера именно за то, что ей инкриминировал молодой человек.

И как сел Олег на это место, так я уже год как не нарадуюсь и не знаю, как бога за него благодарить, — очень довольна работой своего помощника, поощряю и исполняю все его пожелания: от нового мощного компа и стола до полного переоборудования секретарского

кабинета.

Олег невероятный педант, и у него все на своих местах, все в таком идеальном порядке, что я сама порой боюсь без его ведома искать что-то в папках, чтобы не нарушить этот образцовый порядок. Разумеется, при его образовании и рекомендациях секретарское место не для него, и я сделала его своим помощником без необходимости оперативной деятельности и наделила большими полномочиями в офисной работе, то есть конечной, когда другие мои помощники передают ему собранную информацию и документы, а он их сортирует и готовит для меня. Ну и секретариат ведет заодно.

Игорь называет Олега моим ручным Аполлоном или Цербером в зависимости от настроения, наши девицы в него влюблены все без исключения: мальчик-то красавец, на немца немного похож, блондин накачанный; ну и вся контора подозревает нас в интимной связи. А мы никого не стараемся в этом разубеждать.

У нас с ним сложились прекрасные отношения и полное взаимопонимание. Олег к тому же обладает хорошим чувством юмора и старается оберегать меня в рамках дозволенного — ровно настолько, насколько позволяю ему это я.

— Что, французы приняли новый закон о национализации? — усмехнулась я, мысленно благодаря его за своевременный звонок, прогнавший тени прошлого.

— Все гораздо хуже! — интриговал Олег. — Красельников требует срочной встречи с вами. Он снова поругался с адвокатами жены.

Красельников — это моя головная боль! Знаете, бывают такие люди, которые сами себе создают постоянные неприятности из-за своего мерзкого характера, а попадая в них, требуют, чтобы все их принимались срочно героически спасать.

Данный господин имел неосторожность по большой страсти жениться на француженке и, пребывая в дурной влюбленности, закупить во Франции и Австрии недвижимость, оформив ее на двоих, подразумевая «вить гнездо», но передумал, дал «заднюю» и решил вернуть в единоличную собственность все накупленное. И потяну-у-улась цепь законных процедур!

Разводиться при этом он не собирается, а отдавать добро не горит желанием его жена. Они ругаются на три страны хором и матом на двух языках, потом страстно мирятся в постели и ругаются уже со своими адвокатами, потом снова друг с другом, и тянется эта фигня больше года и достала уже, как и сам Красельников, по самые гланды. Но послать его я не могу, ибо мужик он непростой и занимает высокое кресло, что б ему там плохо сиделось, и известен мордой своего лица большей половине страны!

— Требует немедленной встречи с вами, собирается очередной раз каяться и обещать, что больше так не будет, — докладывал Олег, — и надеется, что вы его успокоите и уверите, что все наладится.

— С французами связался? — уже включилась я в работу, вставая с дивана.

— Обижаете, Мирослава Витальевна, — немного пожурил он. — Они излагают свою версию так...

И Олег подробно описал, что именно наговорил Красельников французским адвокатам, в каких тонах и что пообещал. Ну, все не так страшно, в прошлый раз, например, он пригрозил пересажать их всех на хрен и вообще аннексировать половину территории Франции,

аргументируя сию государственную претензию тем, что «давно заслужили, и надо было активнее немцам в Отечественную войну сопротивляться» — ну, понесло мужика по пьяни, бывает.

— Ладно, где и когда он намерен каяться? — уточнила я.

— В семь часов, в своем любимом ресторане, — тяжело вздохнул Олег, зная, как я не люблю проводить деловые встречи в ресторанах.

— Ничего не поделаешь, оповести клиента, что я приеду.

Звонок сына застал меня, когда я садилась в машину.

— Мамуль, как хандра?

— Временно притихла, еду на деловую встречу, — отрапортовала я и спросила в свою очередь: — Как фильм?

— Ничего, но не шедевр, — поделился впечатлениями сынок. — Ты когда дома-то будешь?

— Зависит от клиента, надеюсь, что максимум через час.

— Ну, удачи, целую! Не грузись там сильно чужими проблемами! — подбодрил Максим.

Золотой у меня сын. Шестнадцать лет! Высокий, уже на голову меня выше, крепкий такой, красавец и большой умница — первый ученик в школе, в маму пошел! Хотя, бог знает, может, и в папу — тоже, как выяснилось, чересчур умный и, как сам утверждает, с генетикой у него все в полном порядке, а то и лучше, чем в порядке. С генетикой — это здорово!

ТЬфу ты! И чего я про него опять вспомнила?!

А вот не надо было поминать-то к ночи! Вот говорят же умные люди: не накличь!

Нет, ну не день, а сплошное минное поле, а я сегодня за нерадивого сапера выступаю! Вот тебе и очередная мина — господин Берестов собственной персоной, в компании двух мужчин за столиком по соседству с тем, за которым расположился мой клиент, к которому и подвел меня метрдотель. И, естественно, Сергей Константинович меня заметил и даже изволил эдак головкой приветственно кивнуть. Хорошо, хоть Красельников сидел к их столику лицом, а я устроилась напротив него, соответственно, спиной к берестовской компании.

Процедура покаяния и требования от меня немедленного ответа, как нам быть, повторялась уже столько раз, что стала почти ритуальной, иногда мне хотелось так врезать этому притырку по лысой башке, чтобы у него в глазах потемнело. Но приходилось ровным и уверенным тоном успокаивать, объяснять, какие мы должны предпринять шаги, уговаривать и бла-бла-бла свое адвокатское.

Клиенту понадобилось посетить туалетную комнату после моего выговора, и он, извинившись, встал и временно меня покинул. А я позволила себе немного расслабиться, за что и была сразу же наказана, потому что на освободившееся место уселся господин Берестов.

— Неужели это ваш покровитель? — с легкой усмешкой спросил он.

— Нет, это клиент нашей конторы, и я здесь на работе, — строго ответила я.

— Что вы такая неугомонная, Мирослава Витальевна, все работаете и работаете: то голым клиентам бумаги по утрам возите, то с неадекватными политиками ужинаете? — ерничал он.

Надо же, он запомнил мое имя-отчество, а мне показалось, так разозлился, что и внимания не обратил на «курьершу», правда, кляuzu таки настрочить не забыл!

— А вы жалобу напишите, что вас нервирует моя слишком большая занятость, может, начальство и пересмотрит мой график работы.

— О, да вы еще и кусаться умеете, — усмехнулся он, изобразив большое удивление. — А утром все сбежать пытались и такой пугливой девушкой казались.

Шел бы ты, что пристал, очень хотелось сказать, и нервничала я в его присутствии, напрягалась. И как-то все это было неудобно, как в одежду меньшего размера влезла: жало, терло и раздражало до невероятности! И почему-то путало.

Это меня-то! Меня, которая на встрече с криминальной группировкой была спокойна, как норвежская рыба, меня, которая выстаивала без дрожи душевной против наездов и предупреждений такого уровня личностей, что только по стойке смирно! И чего я испугалась? Что он меня узнает? Да ладно! Что ему меня помнить? Себя испугалась, прошлого, которое полезло из меня сегодня, как из фоновой трубы? Или тех чувств, которые он во мне сегодня вызвал? А каких чувств?..

Вот этого я не знала, не понимала и не могла себе ответить на этот вопрос!

— Вы, кажется, снова испугались, — примирительным тоном сказал он. — Ладно, работайте, не буду вам мешать.

Заметив двигавшегося к столику Красельникова, господин Берестов поднялся, слегка наклонил голову прощальным жестом и вернулся на свое место.

Все оставшееся время, пока длилась моя встреча с клиентом, я нагревающейся спиной чувствовала присутствие Берестова сзади и его взгляд, прожигавший дырку между моими лопатками. Нет, ну вот дался ты мне! Ну почему я так попала-то?

Я постаралась завершить как можно быстрее наш разговор с Красельниковым и торопливо покинула ресторан, ни разу не взглянув более в сторону Сергея Константиновича.

И не спала полночи, ворочаясь с боку на бок, вздыхая, уговаривая себя успокоиться, ну что за дела такие?! И все думала и думала о нем, прокручивая в голове весь вчерашний день и свое больное прошлое, мусоля повывлазившие застарелые обиды и претензии к жизни.

Просто извелась вся! Ну зачем мне это, ну что он мне теперь-то?..

На следующий день дома я не усидела, да и хандра незаметно для меня каким-то образом преобразовалась в злость и недовольство собой и миром, вот и поехала в родную контору, правда, позволив себе поспать подольше, часам к одиннадцати. И отправилась сразу к Игорю.

— Привет! — вошла я к нему в кабинет, мы встретились на полдороге к его столу, поцеловались в щечки по-родственному — Ну, что там с жалобой Берестова? — спросила я, усаживаясь на стул.

— Меры предпринял, — возвращаясь в свое кресло, тягостно вздохнул он. — Зинчук уволил, с предупреждением о распространении информации, Невельской навалаял и поручил ей реорганизацию отдела. Ну и официальный ответ вон подготовил, — Игорь указал кивком головы на документ, лежавший перед ним на столе.

— А давай я его сама отвезу? — выпалила я, и только произнеся это, поняла, что я предложила.

— Да на фига? — не понял Игорь. — Тебе не по статусу, да и это мой прокол и моих сотрудников.

— Понимаешь, он принял меня за рядовую сотрудницу, которой поручили передачу документов, — принялась объяснять я свое предложение скорее самой себе, чем ему.

— Ты что, не представилась? — поразился он.

— Представилась, — скривилась я и призналась: — Но «забыла» упомянуть свою фамилию.

— С чего бы? — недоумевал Игорь.

— А черт знает! — частично честно ответила я. — От растерянности, что ли. Ну представь: все двери нараспашку, на звонки и мои громкие призывы никто не отзывается, полная тишина в доме, я уж труп в хозяйской спальне ожидала найти, а тут вдруг выходит голый мужик...

— Который офигительно выглядит, — закончил за меня предложение он и рассмеялся.

— Не знаю, с перепугу я и не рассмотрела толком, — с кристально чистой совестью соврала я от всей души.

— Ну и что, опять-таки это не твоя вина, это Леночка «поработала», чего тебе перед ним извиняться? — продолжал недоумевать Игорь Романович.

— Да я за свои действия извиняться не собираюсь. Просто надо устранить это недоразумение, а то осерчает клиент твой пуще прежнего, да и проявить излишнее уважение не помешает, повинившись за наш промах.

— Ну, если хочешь, езжай, — пожал он плечами и передал мне документы: оригинал жалобы и официальный ответ на гербовой бумаге с печатями и его личной подписью, — хотя, уверен, это лишнее.

— Ну, будем считать, что я делаю тебе личное одолжение, — приняв бумаги и поднимаясь с места, предложила я такой вариант.

— Я и так тебе уже задолжал неизвестно сколько, — пробурчал Игорь.

— Как и я тебе, — улыбнулась я ему.

И всю дорогу до офиса господина Берестова я откровенно недоумевала: куда меня понесло? И вот на кой черт мне понадобилось к нему тащиться лично?

Игорь абсолютно прав — это промахи и проблемы его отдела, не имеющие ко мне отношения, и только он и обязан с ними разбираться и разруливать эти вопросы! Мне что, своих не хватает? Или острых ощущений захотелось?

Но нечто неумолимое, непонятное и неподвластное разуму толкало меня на эту авантюру, вызывая странное желание увидеть его растерянность, когда он узнает, кто я на самом деле, переиграть, что ли, сбив с господина Берестова налет высокомерного снисхождения. Нечто вроде непреодолимого желания, когда собираешься потрогать спящего тигра, пересиливая свой страх, потакаая азарту и глупому порыву, забыв подумать, чем это может закончиться. Остается только надеяться, что тот, кто трогает, умеет хорошо бегать. Насчет своих способностей в данном виде спорта я как-то сильно сомневалась.

Но я уже приехала к месту назначения и вошла в двери здания, и представилась охранникам, предъявив документы, и поднялась в лифте, чувствуя нечто вроде возбужденной дрожи, привычно оставаясь совершенно невозмутимой внешне.

— Сергей Константинович, — обратилась по селекторной связи к начальнику молодая, весьма интересная секретарша, — к вам Мирослава Витальевна из «Адвокатской конторы «Русаков».

— Пригласите, — после нескольких секунд заминки распорядился он.

— Проходите, пожалуйста, — мило улыбнувшись и встав с места, открыла передо мной двери начальственного кабинета барышня.

— Добрый день, Мирослава Витальевна, — официальным тоном поздоровался господин Берестов, вставая из-за стола и направляясь мне навстречу. — Чем обязан вашему визиту?

— Видите ли, — профессионально-отстраненно улыбалась я в ответ, — вы написали совершенно обоснованную жалобу на недопустимую ошибку нашего сотрудника. И так как я являюсь одним из владельцев, и, соответственно, одним из руководителей «Адвокатской конторы «Русаков», то сочла своим долгом лично принести извинения от лица нашей фирмы и ознакомить вас с официальным ответом о принятых нами мерах по вашей жалобе.

— А какое отношение вы имеете к семье Русаковых? — выказал он сомнения моему столь весомому утверждению.

— Господин Русаков был моим мужем, — скромненько ответствовала я.

— Игорь Романович? — сильно подивился Сергей Константинович.

— Нет. Роман Олегович, его отец, — разъяснила я.

— Понятно, — заметил он и недобро посмотрел на меня. — Представляю, как вы веселились, когда я настойчиво принимал вас за простую сотрудницу конторы.

— Не веселилась, Сергей Константинович, — уверила я и попыталась сказать что-то еще в свое оправдание, но...

Он внезапно шагнул ко мне и еще более внезапно ухватил ладонью за шею, притянул к себе и сильно поцеловал! Я настолько растерялась, что не успела ничего сообразить и как-то отреагировать! А уже через пару секунд реагировать стало поздно! Я ухнула в этот насильственный, но такой чувственный поцелуй, как в пропасть! Словно все нервные окончания моего тела сосредоточились на моих губах и во рту и окатывали волнами кипятка с головы до ног.

Это помешательство какое-то! Мое тело, мой организм, мое сознание забыли, что могут реагировать так на поцелуй мужчины, что такие поцелуи вообще существуют в жизни! Он не

был нежен, не был медлителен — скорее наказующий, желающий подчинить и показать, кто здесь главный! Но это было так сладко, что я где-то потерялась в этой сладости, и тело стало безвольным, податливым, и подогнулись колени, и я не заметила, как ответила на этот стремительный напор, и обняла мужчину за шею, и, кажется, даже застонала...

Остановил это безумие и спас меня зуммер селектора и голос секретарши, звонко и как-то неожиданно резко прозвучавший из него:

— Сергей Константинович, к вам представители «Кара-Групп».

Не отпуская меня, прижимая к себе одной рукой, он перегнулся через стол, нажал кнопку ответа и распорядился:

— Попроси подождать несколько минут.

И, выпрямившись, посмотрел на меня, и отпустил, и сделал шаг назад, и засунул руки в карманы брюк, что не помогло скрыть его эрекции, и продолжал смотреть на меня непонятным, но далеко не добрым взглядом.

— Кто бы мог подумать, что под личиной холодного, строгого, неприступного адвоката прячется столь страстная женщина, — очень недобро заметил он и чуть ли не брезгливо добавил, сделав разъяряющий жест пальцем вокруг своих губ: — Вам надо вытереть помаду.

— Вам тоже, — холодно сообщила я.

— Вот черт! — выругался он, даже головой крутнул от досады и заявил обвинительным тоном: — Вы странно на меня действуете, вот уже второй раз выводите из равновесия.

— Так, что вам хочется меня наказать! — добавила я, понимая кивнув головой, и холодно спросила: — Где я могу привести себя в порядок?

— Вон там, — прихватив меня за локоток, резко сделал он пару шагов по кабинету к невидимой, замаскированной в декоративных панелях двери, открыл ее, и моему взору предстала большая, стильная туалетная комната.

Я закрыла за собой дверь перед его носом и подошла к зеркалу. О боже!!!

Мало того, что помада размазалась вокруг губ и растрепались волосы, собранные в элегантный пучок под затылком и идеально гладко стянутые на голове, но и пиджак оказался расстегнутым, и почти до пупа расстегнутой и распахнутой шелковая блуза под ним, открывавшая прозрачный бюстгальтер, практически ничего не скрывавший от взора.

Я даже не заметила и не почувствовала, когда он все это успел расстегнуть!

О господи, вполне реально я могла сейчас отдаться этому мужчине прямо на длинном столе переговоров в его кабинете и ничего не заметить вокруг!

И меня бы ничего не остановило, я была вообще не в себе! Бред!

Маразм! Помутнение рассудка! Полная шизофрения! Что со мной такое?!

Но рассуждать было некогда. Я быстро привела себя в порядок, восстановив идеальный макияж, пригладив растрепавшиеся волосы, поправила одежду и вернулась в кабинет. Он стоял и разговаривал с кем-то по телефону. Следы моей помады господин Берестов успел

тщательно вытереть со своего лица. Услышав легкий скрип двери туалетной комнаты, быстро попрощался, положил трубку на аппарат и вопросительно посмотрел на меня.

А я подошла к своему портфелю, стоявшему на одном из стульев, спешно достала из него тонкую папочку с документами и объяснила официальным, холодным до заморозков голосом:

— После рассмотрения вашей жалобы нами были предприняты определенные шаги: сотрудница, допустившая эту ошибку, уволена, ее руководитель соответственно наказана как материально, так и административно, все это отражено в документе...

— Дайте сюда! — перебив меня, недовольно потребовал он.

Я протянула ему бумаги, которые Берестов резким движением выхватил из моих рук и порвал их, не читая, пополам и еще раз пополам.

— Забудьте! — и бросил обрывки в урну. — Я пожалел о своей кляузе через пять минут после того, как отправил. И уже разобрался с этой неприятностью: сменил замки и дал указание охране, чтобы мою бывшую жену больше не пускали в поселок. Давно надо было это сделать. Ну, а в тот момент я сильно разозлился на нее и на ее выходку, а вы подвернулись под руку. И писал я эту жалобу на вас, а не на какую-то там вашу сотрудницу.

— Если я правильно поняла, таким образом, у вас к нашей адвокатской конторе больше нет претензий? — уточнила я профессиональным тоном.

— К конторе — нет, а к вам лично есть, — усмехнулся он.

— Боюсь, что в данном вопросе я ничем не могу вам помочь, Сергей Константинович, — уведомила я тем же официально-холодным тоном.

— Ну почему же, — не согласился он, продолжая саркастически улыбаться, — как раз наоборот, именно вы и можете удовлетворить все эти претензии.

— Всего доброго, Сергей Константинович, — попрощалась я и, подхватив портфель, шустро направилась к выходу.

А он поспешил за мной и даже успел перехватить у самой двери и, распахивая ее передо мной, уверенно сказал, так что слышали все находящиеся в приемной, лишив меня таким образом возможности достойно ответить:

— Думаю, Мирослава Витальевна, мы еще вернемся к нашему разговору.

— Всего доброго, — только и смогла повторить я.

Я сидела в машине, позабыв ее завести, и меня колотило так явно, что подрагивали пальцы рук, лежавших на руле, и в голове царил полная сумятица.

Я что, именно для этого и хотела встретиться с ним? Вот для этого?! Чтобы он меня поцеловал и далее по сценарию? Я что, ополоумела? Я же откровенно его провоцировала, даже не понимая этого, не отдавая себе отчета, — всеми своими словами, интонациями, действиями — я провоцировала его!

Зачем?!

Что я хотела доказать и чего хотела добиться? Сделать ему неприятно, ткнуть носом в его недалёковидность и ошибку? Показать, какая я крутая на самом деле, подчеркнуть свой статус? Как-то расшевелить мужчину?

Зачем?! Почему?!

Честно: я не знаю? Я сама себя не понимаю. В одном графстве Англии в ходу такая старинная поговорка: «Если ты тыкаешь медведя пальцем в глаз, то вряд ли можешь рассчитывать, что он обрадуется и все обойдется».

Вот я и тыкнула Берестова в глаз, и теперь точно не обойдется без последствий, и как избежать этих последствий и каковы они будут, я понятия не имею.

Тряхнув головой, я постаралась выкинуть эти навязчивые мысли из головы, завела машину и поехала назад в родную контору. Работать.

В следующие три дня работы навалилось столько, что мне и дух перевести не удавалось, не то что вспоминать о странном инциденте с господином Берестовым, — два многочасовых судебных заседания, несколько апелляций в международный суд и встречных исков, переговоры с французскими и швейцарскими юристами, встречи с капризными и нервными клиентами. Я приходила домой ближе к десяти вечера совершенно измотанная, и Максим кормил меня ужином и старался как-то расшевелить, рассказывая смешные истории из своей школьной жизни.

А сегодня выяснилось, что они с классом вечером уезжают на все выходные на экскурсию по нескольким городам «Золотого кольца». У них в школе преподавательский состав был сплошь из молодых и активных учителей, креативных, легких на подъем и постоянно что-то придумывающих: поездки, походы, летние пикники, соревнования. А их историк так вообще молодец: вывозил ребят, разумеется, с согласия родителей и под присмотром других педагогов и охранников в известные исторические места и там, на месте, проводил уроки. Ребятам нравилось, мне, например, тоже.

Но в этот раз я немного загрустила. Я-то подумывала завтра, субботним утром, выспавшись, без пробок, поехать всей семьей к Игорю, в великолепный дом Русаковых за городом; у них там природа потрясающая, погулять, отдохнуть, подышать терпким осенним воздухом, поиграть в футбол — мы это очень уважали в семье, покататься на лодочке по реке, посидеть за столом на воздухе. Да и Игорь с Мариной звали и настаивали. Придется ехать без Максимки. Жаль.

Пятница, вечер, все сотрудники торопятся побыстрее слить с работы, я даже Олега отпустила, хотя он и разрывался между желанием остаться, пока я не закончу дела, и ждущими его с нетерпением друзьями, с которыми они собрались в спортивный бар посмотреть какой-то там матч, а я засиделась.

— Иди, иди, — отпустила я его, — я уже заканчиваю, мне твоя опека не понадобится.

Но с «заканчиваю» — это я погорячилась, продолжая подготавливать документы и заполнять формуляры к делам, которые намечены на утро понедельника. Дверь между кабинетом и приемной осталась открытой, и мне казалось, что каждый звук из-за этого становится громче и объемней, даже скрип ручки был слышен. В какой-то момент я, уловив некий посторонний звук, оторвалась от документов, подняла голову и встретилась взглядом со спокойными светлыми глазами господина Берестова, стоявшего в дверном проеме и наблюдавшего за мной.

— Проезжал мимо вашей конторы и подумал, а не закончить ли нам то, что так хорошо начиналось и что так грубо прервали, на самом интересном месте, Мирослава Витальевна?

«Нет!!! — заорало мое сознание. — Это какой-то идиотизм! За кого он вообще себя принимает?! Что он себе вообразил?! Нет! Ни за что, и никогда, и ни при каких обстоятельствах! Бред! Ни-за-что!!! Да как он вообще посмел такое предложить?!»

Пальцам руки стало больно, так сильно я сжала ручку, и тело звенело от напряжения, словно сковавшего все мышцы, и, не успев сообразить и понять, что я говорю, глядя прямо ему в глаза, я произнесла:

— К себе не приглашу, а в ваш дом не поеду!

Разжижение мозгов! Альцгеймер разбушевался!

В психиатрическом диспансере для меня освободилось место!

— У меня здесь рядом квартира, если вы помните из материалов дела, — очень серьезно ответил он, неотрывно глядя мне в глаза. А я, как под гипнозом, поднялась из кресла и, не понимая себя и того, что я творю, чуть ли не приказала:

— Тогда очень быстро, пока я не пришла в себя! В любую секунду я могу передумать!

И, схватив сумочку, практически побежала к выходу, на ходу успев сдернуть пальто с вешалки, выключить свет и, пропустив его вперед, быстро запереть замок кабинета. Немного опомнилась лишь в машине, когда мы уже ехали, — он на своем «Ровере» впереди, показывая дорогу, я за ним.

— Что ты творишь, Слава?! — воззвала я к себе в полный голос. — Ты всерьез собралась заняться с ним любовью?! Ты представляешь последствия?! Зачем тебе эта головная боль?

«Да, — спокойно ответило мое подсознание, — я собираюсь заняться с ним любовью и наконец вспомнить, что это такое! Наконец почувствовать себя женщиной, а не резиновой куклой для удовлетворения мужских потребностей! Да, я хочу вспомнить, что такое заниматься сексом с мужчиной, который меня возбуждает, которого я хочу и от одного поцелуя с которым я чуть не отдалась ему прямо в кабинете, а оттого, что не отдалась, тело потом ныло полдня! И заткнись! Заткнись со всей своей правильностью и заумностью! Заткнись, потом расплачусь, и хрен с ним как!»

И я ехала за его машиной, понимая, как в принципе все это пошло, прямолинейно выглядит и как в его глазах выгляжу я, но мне было уже совершенно безразлично, кто там и как выглядит и что он подумает обо мне, и искренне наплевать на любые доводы разума!

И как последняя возможность опомниться, передумать и избежать того, на что я решилась, прозвучал звонок от мамы.

— Славочка, ну мы как завтра, едем? — спросила она про мои планы.

— Не знаю, мам, я вот только выехала с работы, — правда, хоть и не вся, — завтра точно выспаться буду, — и опять не соврала: судя по тому, как мы начали с господином Берестовым, выспаться мне завтра надо будет обязательно. — Мам, ты позвони сейчас Игорю, он сегодня в Москве остается, а домой завтра поедет, он вас с Маргаритой Валентиновной с удовольствием отвезет. А я посмотрю, как настроение, может, и не приеду — лениться буду.

— Конечно, отдыхай, Славочка! — поспешила поддержать такой план мама.

Квартира и в самом деле находилась недалеко, и уже через пятнадцать минут, умудрившись не попасть ни в одну пробку и пролетев практически под все зеленые светофоры по пути, мы заезжали на подземную парковку его дома.

А в лифте разошлись по разным углам и, не произнеся ни одного слова, доехали до нужного этажа, и так же молча, напряженно, он открыл дверь ключами, и мы вошли в квартиру.

— Я редко тут бываю и не очень помню, что у меня здесь есть, но, по-моему, шампанское должно быть, — не раздеваясь, сразу прошел он вперед, в гостиную, условно отделенную от большой прихожей выступом стены.

— Неудобный момент, — чуть с хрипотцой в голосе от напряжения заметила я и предупредила:
— Как-то захотелось сбежать.

Он развернулся, шагнул ко мне, обнял за талию под полами моего распахнутого пальто и мягко, почти нежно отверг мой слабый порыв:

— Нет, нет, какое бежать, — прижал он меня к себе, приподнял, отрывая от пола, и, заглянув в мои глаза, добавил, — побег мы отменяем и пресекаем на самом корню.

И поцеловал. Бежать я передумала сразу и вообще забыла и о побеге, и обо всем остальном на свете, кроме поцелуя этого мужчины. Его губы, руки, запах кожи, дыхание — все в этом мужчине сводило меня с ума!

Я не помнила, как это у нас с ним было почти семнадцать лет назад, в памяти остались только какие-то особо острые и яркие моменты. Мы стали совсем другими, нас изменила жизнь, в нас изменилось восприятие мира, изменился возраст и состав крови — мы изменились настолько, что сравнивать с теми, прежними, было бы смешно, да и невозможно.

В нас стала иной сила восприятий и ощущений, и этот его поцелуй явился ошеломлением и открытием для меня — в нем было столько страсти чувственного мужчины, а не мальчика, столько эротики и обещания, что от тех чувств, которые я переживала, прижимаясь к нему и возвращая поцелуй, мне казалось, я потеряю сознание! По крайней мере, разум меня покинул окончательно и более своим заумничанием не тревожил!

— Где кровать? — прохрипела я, когда он наконец прервал этот затянувшийся поцелуй.

— Мы туда идем, — усмехнулся Берестов.

А я только теперь сообразила, что он и на самом деле куда-то торопливо движется и несет меня, так и не выпустив из кольца своих рук. Рассматривать обстановку спальни и саму кровать мне было некогда, я лишь с радостью отметила про себя, что она широкая.

И неожиданно в голове словно выстрелила предательская мысль: «Если он мне сейчас скажет «раздевайся», я сразу передумаю, остыну и уйду! Сразу!»

«Раздевайся, дорогая», — говорил мне Роман Олегович в спальне и смотрел, как я это делаю. «Освободи грудь и сними трусики, — говорил он мне, закрывая дверь кабинета. «Раздевайся, дорогая», — говорил он, когда мы оставались в доме одни, и ему хотелось взять меня на столе в гостиной или где угодно. Он никогда сам не расстегнул на мне ни одной пуговицы, ни одного

замка и не сдергивал с меня в нетерпении одежду, он всегда просил тоном мягкого приказа: «Раздевайся, дорогая!»

— Я помогу! — охрипшим от желания голосом сказал Берестов, заметив, что я застряла рукой в рукаве пальто.

И спешно принялся стаскивать с меня и пальто, и остальную одежду, а я пыталась проделывать то же самое с ним, забыв о своем мимолетном страхе. Это оказался самый сложный момент в нашем стремлении соединиться — мы путались в вещах, мешали друг другу, при этом принимались целоваться, забыв разоблачаться, снова судорожно начинали стаскивать одежду друг с друга — и наконец! — слава тебе, боже, упали на кровать, скидывая последние остатки шмотья с себя.

Я его так торопила, что отказалась от малейшего промедления на предварительные ласки, хотя он и пытался, но я потащила его на себя, и, сдавшись без сопротивления, Берестов вошел в меня одним мощным движением и замер, а я выгнулась дугой ему навстречу, и непонятный, не то всхлип, не то крик радости вылетел из моей груди.

— О боже! — простонал Берестов и уперся лбом и мой лоб. — Я сделал тебе больно?

— Нет, нет! — подгоняла я его. — Не останавливайся, только не останавливайся!

— Ни за что! — со всей серьезностью пообещал он.

И мы понеслись вперед, поддерживая друг друга, подстегивая, что-то шепча, спрашивая-отвечая, двигаясь телами в унисон и совпадая, совпадая! Совпадая во всем!

И я испытала свой первый за все эти семнадцать лет ошеломляющий оргазм!

Во сто крат сильнее и во столько же раз прекрасней, чем сохранилось у меня в потускневших воспоминаниях! Посредством Сергея Константиновича Берестова только что выяснилось, что я могу хотеть мужчину, могу хотеть близости с ним и могу испытывать радость от секса и переживать оргазм и что я все еще женщина! А мне казалось, что ничего этого во мне уже нет.

— Охренеть! — просипел он где-то у меня над головой в районе подушки, в которую упирался лбом, и повторил: — Охренеть!

Он медленно скатился с меня, перевернулся на спину и, притянув меня к себе одной рукой, другую закинул за голову.

— Я даже вспомнить не могу, когда у меня было нечто подобное! — и усмехнулся. — Да, госпожа адвокат, вы полны сюрпризов! Это прямо как из ролевых игр: блестящая, чопорная, изысканная, холодная и недоступная адвокатша в костюме-мундире и такая горячая сексуальная женщина, спрятанная за этим фасадом.

А я тут же окаменела от этих его слов.

Наверняка любая другая женщина только легко бы посмеялась в ответ и что-то промурлыкала из разряда: «Ах, ты разгадал мой маленький секрет» или «У меня такая работа, необходимо соблюдать дресс-код».

Но в том-то и дело, что я не нормальная женщина!

Я прожила одиннадцать лет в браке с человеком старше меня на двадцать семь лет, который, занимаясь сексом, был озабочен только своими ощущениями и чувствами, а я просто выполняла свой долг, ничего не испытывая при этом, кроме, порой, неприятных ощущений. Да, я понимала, что это не совсем нормально, но это были единственные семейные отношения, которые я знала и к которым приспособилась.

Наверное, давно надо было обратиться к психологу и вывести из себя все накопившиеся комплексы и связанные с ними проблемы, но меня нисколько не пугала, не влияя на качество жизни, эта моя холодность к мужчинам и нежелание вступать с ними в интимные отношения, а даже, наоборот, и чем-то помогало — при моей-то работе.

Но сейчас произнесенные Берестовым слова настолько меня задели, словно кто-то провел наждаком по оголенным нервам.

Он сразу же почувствовал мое напряжение и, перевернувшись на бок, заглянув мне в лицо, спросил:

— Ты чего?

— Все в порядке, — уверила я и принялась выбираться и из его объятий, и из кровати.

— Эй, ты куда? — остановил он меня, ухватив руками за талию. — Я не хотел тебя обидеть, наоборот. Это был комплимент, если ты не поняла.

— Берестов, — спокойно объяснила я, — ты хотел меня обидеть и задеть, тебе вновь привиделось, что я тебя переиграла и обманула в чем-то.

— Вот, черт! — ругнулся он и повалил меня на кровать. — Говорил мне дедушка, не связывайся с умными женщинами, головной боли не оберешься.

— С глупыми девушками, Сергей Константинович, у вас тоже как-то не очень хорошо получается, — напомнила я о его разводе, отчего-то развеселившись.

— Да уж! — скорбно согласился он и перешел на интимные интонации: — Зато у нас с тобой великолепно получается в постели, надо бы повторить и закрепить это великолепие.

И он поцеловал меня очень медленно и до ужаса эротично. Думаю, объяснять уже лишне, что я тут же обо всем забыла и ответила на этот поцелуй, и нас обоих вновь захватили ощущения, и мы занялись куда как более продуктивным делом, чем разговоры.

На сей раз я не останавливала медленной, пьянящей прелюдии, сводящей меня с ума, и отвечала ему тем же, и мы так завели друг друга, что только не рычали, когда соединились и понеслись к нашей следующей фантастической вершине. И на сей раз уже орала оба: я — в полный голос, а он рыча утробно, запрокинув голову, так, что его кадык ходил по шее быстрыми, резкими движениями...

Я словно провалилась куда-то и никак не могла отдышаться, и двигаться не могла, и только чувствовала, что вместе с успокаивающимся дыханием погружаюсь в сладкий для меня, в полном смысле слова, сон.

— Не засыпай, — затормозил меня Берестов и спросил: — Есть хочешь?

— Хочу, — сонно отозвалась я.

— Пошли, пороемся в закромах, понятия не имею, что у меня здесь есть.

— А может, ну их, закрома, — нехотя сбрасывая с себя сонливость, двинула я встречное предложение. — Давай закажем еду в ближайшем ресторане.

— Дельное предложение, — похвалил он, поднимаясь и поднимая меня, — но я бы и закрома проверил, пока нам что-то доставят.

Ужин мы заказали, найдя в Интернете самый достойный, на наш взгляд, ресторан из находящихся поблизости. И «закрома» проверили, обнаружив богатства всякие в виде бутылки настоящего шампанского, фуа-гра, немецких галет, коробки конфет, вяленых помидоров, а от остального добра я отказалась.

Он облачился в домашние джинсы и легкую рубашку, а мне предложил подаренную кем-то из знакомых футболку с номером известного футболиста, гигантских размеров, которая мне сошла за платье с рукавами и подолом ниже колен. Рукава пришлось закатывать, они мешались и соскакивали с локтей.

Мы обсуждали что-то совершенно отстраненное типа погоды и московских пробок и в четыре руки делали маленькие канапе из того, что нашли. И вдруг, как вспышка, возникло у меня перед глазами яркое воспоминание! Он сидит в кухне за столом, режет капусту для пирога, который я затеяла, и рассказывает что-то смешное, жестикулируя рукой, державшей нож, а я раскатываю тесто, и умираю со смеху от его потешного рассказа, и все вытираю тыльной стороной кисти выступившие слезы, и снова прыскаю от смеха, и мы оба в муке, разлетавшейся по кухне, и я чувствую себя совершенно счастливой. До неба!

Я замерла изваянием и смотрела на него во все глаза, через призму тех далеких и таких неожиданно ярких воспоминаний.

— Что? — удивился он моему странному состоянию.

И, лопнув мыльным пузырем, яркая картинка прошлого в момент исчезла из моего мысленного взора, и, чтобы хоть что-то сказать, я спросила, не успев подумать:

— Как тебя угораздило так неудачно жениться?

— Ну-у, — неопределенно протянул он, пожав плечами, не выказав радости от моего любопытства, наверное, неуместного.

— Да ладно, адвокаты, как священники, им положено принимать исповеди, — пошутила я, подталкивая его к разговору.

— Хотя ты и не адвокат, ведущий мое дело, уверен, что ты постаралась разузнать обо мне как можно больше и частностями поинтересоваться, — убежденно сказал Берестов, и это прозвучало как вступление к объяснению.

— Естественно, — не стала отрицать я очевидного, но не смогла не уточнить: — Впрочем, как и ты обо мне.

— Да, — усмехнулся он, — правда, с большим опозданием, лишь после того, как ты обрисовала свои регалии и назвала фамилию.

Хлопнула пробка шампанского, которое он открывал в процессе разговора. Мы сидели на

диване у журнального столика, на который уже успели выставить тарелку с закулочными канапушками, нами сооруженными; Берестов разлил по бокалам шампанское, мы чокнулись, не произнося тоста, и отпили по глотку.

— Ну, так вот, — продолжил он, закинув в рот канапе, — значит, ты немного представляешь, что у меня за профессия. Первые годы, когда вернулся в Россию и начал работать, я в Москве находился не больше двух-трех месяцев. Год, полтора, иногда два работал в разных городах и странах, порой в таких местах, что чем дальше в лес, тем больше партизан. Практически каждый раз, когда начинается новое дело, первые несколько месяцев приходится проводить в постоянном аврале, добираясь до гостиницы глубоко за полночь, а то и вовсе оставаясь в конторе. Слава богу, мне повезло, и у меня есть мой секретарь, — он хитро стрельнул на меня глазами. — Не та девонька, что ты видела в приемной, эта только в московском офисе работает, а на выездах со мной всегда Ольга Николаевна. Боевой товарищ, ей под шестьдесят, и она зорко следит за моим здоровьем и благополучием, кормит тем, что сама готовит в заводской столовой лично для меня, заставляет делать перерывы и прогуливаться, хотя бы по цехам. К тому же она специалист потрясающий. Это я к тому, что у меня времени на сон остается часа четыре-пять, не больше, так что потребности в жене с точки зрения заботы обо мне я не испытываю. А что касается секса, то в это время даже желания не возникает, настолько много приходится работать. Ну а потом, когда процесс начинает выравниваться, я, как правило, обращаю внимание на девушек, всегда в большом количестве околачивающихся возле самой дорогой гостиницы и ресторана города, но не путан, разумеется. И честно предупреждаю при этом, что нахожусь в этом городе временно и не планирую серьезных отношений. Практически всегда находится женщина, которую такой расклад устраивает, к нашему обоюдному удовольствию.

— Про твои романы с известными женщинами ходят легенды, ты любимый персонаж СМИ — завидный жених. Они даже пари заключали, на ком и когда женится Торквемада, — напомнила я.

— Да все это такая хрень! — отмахнулся он, чуть скривившись. — Уж кто-кто, а ты должна знать об этом больше всех, по специфике своей работы. Вон про твоего клиента, с которым ты в ресторане встречалась, что только не пишут!

— И практически все правда! — засмеялась я. — Они и половины его подвигов не знают! Но насчет кого-то поженить — это у наших журналюг болезнь какая-то, в этом ты прав. Но дыма без огня не бывает, и думаю, отношения с этими известными барышнями у тебя были.

— Ну, думать — это твоя работа, — усмехнулся он.

Наш разговор перебил звонок в домофон. Берестов встал и пошел открывать, принимать заказ, а я отправилась переодеваться. Насколько для меня стало теперь чуждым расхаживать в подобном виде, что мне это сильно мешало расслабиться. Я надела белье и юбку с блузкой, решив ограничиться этим, и сразу почувствовала себя увереннее. Поправила перед зеркалом растрепавшиеся волосы, я их даже распустить не успела, так мы спешили!

— О, куда это ты собралась? — подняв удивленно брови, поинтересовался Берестов, выставлявший принесенные яства на стол.

— Никуда, мне так удобнее, и у нас подразумевается ужин, насколько я понимаю.

— Тогда ладно, — кивнул он. — Тем более раздевать тебя одно удовольствие.

— Итак, на чем мы остановились? — спросила я, когда мы снова устроились за столом,

чокнулись, отпили по глотку и приступили к трапезе.

— На том, что специфика моей работы не располагает к поискам жены.

— Но среди тех барышень, с которыми ты встречался, ты вполне мог найти достойную женщину, — предположила я.

— Не мог бы, — возразил он, отправляя в рот кусочек рыбы, тщательно прожевал и пояснил: — В большинстве своем все эти девочки ищут себе богатого мужа или любовника и страстно мечтают выйти замуж за обеспеченного мужика. Разумеется, я знакомился и с очень интересными женщинами, но, в конечном итоге, выяснялось, что и у них та же цель-идея. Я все понимаю и про их жизнь, и про их желания, но быть вторым после своего кошелька мне как-то всегда претило.

— А москвички тебя не устраивали?

— Москвички не поедут на два года черт знает куда, в захудалый с их точки зрения городишко, чтобы сидеть сутками в гостинице и ждать, когда появится муж, который может появиться и раз в неделю, и то только для того, чтобы поспать. Это реалии моей работы.

— Ну хорошо, я поняла, что это трудно, но ты же все-таки женился. Уверена, что бы ты ни говорил, выбор прекрасных, замечательных женщин у тебя был. Может, влюбился? — предположила я осторожно.

— Давай-ка выпьем, — бодро предложил Берестов.

Мы сделали еще пару глотков, никто из нас не торопился пить, да и не нуждался в допинге, вот и цедили понемногу, скорее для поддержания ритуала и разговора.

— Мирослава Витальевна, а ты в курсе, что это тяжелый моветон: в присутствии одной женщины, с которой вступил в интимные отношения, рассказывать о другой, — предпринял он слабую попытку соскочить с темы.

— Ну и что? — отмахнулась я и лукаво призналась: — Мне ужасно интересно! Как это такого Торквемаду увертливого поймали в силки?

— Бывает, — развел руками в стороны он и стал вдруг серьезным, посмотрел куда-то над моей головой, наверное, в прошлое. — Инга работала корреспондентом в местной газете, и ей ужасно хотелось как-то отличиться, прославиться, вот она по своей инициативе и подстерегла меня в ресторане, чтобы взять интервью у человека, о котором шумел весь город, чтобы начальство зашло от восторга и отметило ее, как прекрасного работника. Она показалась мне такой забавной, естественной и неиспорченной, чистой, что ли, и напомнила мне одну девочку из моей молодости.

— Девочку? — насторожилась я. — Первую школьную любовь?

— Не школьную, — как-то даже печально ответил он, — я уже тогда год как институт закончил.

— А поподробней? — нажала слеганца я.

— Это совсем другая история! — резковато ответил Берестов.

— Но она сыграла важную роль в твоей женитьбе, как я понимаю, раз ты сравнил Ингу с той

девушкой? — настаивала я.

Он посмотрел на меня задумчиво, что-то там решая и прикидывая про себя.

А с какого перепуга он должен передо мной здесь откровенничать? Я ему никто, он меня не знает, а два великолепных оргазма еще не повод для доверия и душевных излияний. Понятно. Но я уже не могла остановиться! И понимала, если он сейчас уйдет от этой темы, закроется, другой возможности что-то узнать мне уже не представится.

Разве что самой признаться, что я Слава Огнева, если он, конечно, меня вспомнит, и речь сейчас идет именно обо мне. А делать этого я не собиралась! Меня более чем устраивало, что он меня так и не узнал. Аминь!

И я предприняла другой обходной маневр:

— Или эта похожесть не была столь значима и заметна и не сыграла определяющей роли в твоих намерениях насчет Инги?

— Как раз наоборот, — подумав немного, решился он все-таки ответить.

Видно было, что колебался и сомневался, но решился.

Подозреваю, что Сергею Константиновичу Берестову еще не приходило в голову проанализировать свой провальный брак и попытаться докопаться до истины, почему так произошло, и он сейчас объясняет обстоятельства своего супружества скорее себе, чем мне.

— Инга была на нее потрясающе похожа и не только внешне, хотя я и не очень детально помню лицо той девушки, только в общих чертах, у меня не сохранилось ни одной ее фотографии. Но она тоже была брюнеткой и носила ту же прическу, такое строгое, четкое каре, и овал лица такой же, и чем-то еще неуловимым была похожа на Славку. Но не в этом дело.

Он отвернулся от меня, взял в руку бокал, откинулся на спинку дивана, закинув на нее свободную руку, и смотрел рассеянным взглядом вдаль, в прошлое. А я замерла, даже дышать боялась, чтобы ничем не спугнуть эти откровения.

— Ей было семнадцать лет, и она только приехала в Москву, и поступила в институт, и одевалась ужасающе, — Берестов улыбнулся воспоминаниям, — такой стиль — байк, рок и металл в одном флаконе, и, между прочим, и была байкершей в своем городе, и гоняла на мотоциклах, и носила мужское имя. Но это не мешало ей быть невероятно умной и первой прилежной ученицей. Славка была такая забавная и такая необыкновенная, неординарная, и обладала замечательным чувством юмора, и так много знала всяких интересных фактов, историй, оказывается, она в детстве прочитала половину Большой энциклопедии как художественную литературу, а память у нее была просто потрясающая. Я запал на нее сразу, как только увидел, даже не знаю почему. Мы встречались четыре месяца, все выходные проводили вместе, и мне было с ней так здорово, во всех отношениях. А потом...

Он отпил шампанского, посмотрел задумчиво в глубину бокала:

— Мы тогда с моими друзьями держали фирму, которую открыли еще на четвертом курсе. Занимались обычным для того время бизнесом: куплей, продажей-перепродажей, компьютерами и программным продуктом. Но по глупости, по мальчишеской беспечности и от желания переиграть всех, от азарта урвать побольше влезли в одно дело с автозапчастями,

которое, как оказалось, контролировали совсем отмороженные братки, и это было их личным бизнесом. Честно говоря, нас откровенно и специально подставили под эту бригаду. Ну, это мутная тема. Главное, что на нас наехали по самой плохой программе, как просто тупо не отстрелили — большой вопрос, думаю, от жадности, предполагали они, что с нас можно много снять. Нам с парнями пришлось тогда за сутки эвакуировать родителей и родственников в разные города и страны, где их не смогли бы достать, и в такой конспирации, что мы и сами не знали, где именно находятся наши родные. Ну, а Славке мне пришлось сказать, что я эмигрирую в Америку, и срочно заметать любые следы нашего с ней знакомства. Это было жестко, но, если бы братки узнали про нее, а они узнали бы в самое ближайшее время, счет шел на часы — у них разведка работала, как в КГБ, они бы достали меня через нее, ну это хрен бы с ним, но Славку бы покалечили — это в лучшем случае, а в худшем я и думать не хочу, что бы с ней сделали. Вот так мы и расстались. И больше я ее никогда не видел.

Я одним махом выпила все шампанское, которое оставалось у меня в бокале. Такое было ощущение, что меня ударили, наотмашь. Очень сильно.

— Да-а, — протянул он и тоже допил свое шампанское, — времена были крутые. Хреновые были времена. Знаешь, я далеко не ангел и делал в жизни много того, что хотелось бы забыть и за что бывает стыдно, и с женщинами, бывало, поступал некрасиво, обижал. Большинство этих женщин я и не помню. Но почему-то яснее всего запомнил ту девочку Славу и то чувство вины, которое испытывал тогда по отношению к ней. Хотя, если вдуматься, я сделал все правильно и защитил ее, но вот почему-то героем себя не чувствовал.

Он вдруг посмотрел на меня с явным недовольством по отношению к себе и с некоторым удивлением спросил:

— Не знаешь, зачем я все это тебе рассказываю?

— Может, потому, что ты этого никогда не рассказывал? — предположила я, стараясь не выдать себя севшим голосом, преодолевая перехвативший горло спазм. — Или тебе просто некому было это рассказать? Даже самому себе?.. — И поторопила: — И что дальше?..

Он резко выпрямился, поставил свой бокал на столик, взял бутылку, показал мне вопросительно, даже не заметив моего потрясенного вида, я кивнула, стараясь протолкнуть внутрь застрявший в горле ком. Берестов налил нам вина, снова, взяв в руку бокал, откинулся на спинку дивана, сделала пару глотков и другим, более спокойным тоном продолжил рассказ:

— А дальше. Я встречаю девочку, которой двадцать четыре, а мне тридцать пять, и она так похожа на Славку: та же прическа, та же манера одеваться, даже косуха на ней была похожая — и такую же открытую, чистую и искреннюю. Меня повело сразу. Я не затащил ее в койку, а стал ухаживать, встречаться, разговаривать, и она действительно была умненькой, неспорченной, славной девочкой, и уже через месяц я точно знал, что женюсь на ней. И пока я работал и жил в Красноярске, все у нас складывалось отлично, но стоило приехать в Москву, а мне вернуться к моему столичному образу и уровню жизни, как все изменилось. Буквально за пару месяцев. Знаешь, есть такие люди, у которых, в прямом смысле, не выдерживает и ломается психика, когда на них неожиданно сваливаются большие деньги и возможности. С Ингой произошло именно это, ей просто башню снесло, когда она осознала в полной мере, сколько я зарабатываю и какое положение занимаю. Ей требовалось постоянно тусить, что-то покупать на невероятные суммы, все время крутиться среди известных людей, давать интервью — и все в этом ключе. И тут я сообразил, что меня реально можно достать через жену, схватил ее в охапку и уехал на полтора года в командировку. Там ее тоже несло, но не так сильно: во-первых, бомонд был не тот, не столичный, а во-вторых, я сильно ужал ее в деньгах. А когда мы

вернулись домой, все началось по прежней программе. Я быстро уехал в другую длительную командировку, разумеется, вместе с ней. Там она даже как-то притихла. Мы снимали квартиру, и Инга стала вести хозяйство, заботиться обо мне, я даже подумал, что ее психоз прошел. Настаивал на детях, но она постоянно отговаривалась, придумала какую-то болезнь у себя женскую и делала вид, что лечится. Я только потом, при разводе, узнал, что она втайне от меня сделала аборт. Мне казалось, что вот у нас и семья, и отношения налаживаются, но она просто ждала, когда мы вернемся в Москву. Ну, а когда вернулись... А дальше ты знаешь.

— Но она, кажется, блондинка, а не брюнетка? — уточнила я некое расхождение в фактах.

— Да, — усмехнулся почти весело Берестов, — я как-то неосторожно сказал, что она мне напоминает одну девушку, тоже брюнетку, у которой была такая же прическа, и на следующий день она перекрасилась в блондинку и остается ею до сих пор.

Я позволила себе лишь слегка улыбнуться, изо всех сил стараясь не рассмеяться вовсе, настолько это показалось мне глупым и комичным одновременно: я красилась в брюнетку, чтобы выглядеть старше и, как мне тогда казалось, сексуальней, а дамочка перекрасилась в блондинку, чтобы не быть похожей на меня.

Прямо комедия положений! Житейский идиотизм. А может, и драма.

Я очень осторожно, медленно поставила бокал на столик и бросилась к нему, и принялась целовать его с таким энтузиазмом и напором, покрывая все лицо поцелуями и не давая ему опомниться, что сама себе поражалась со странным чувством какого-то будоражащего, брызжущего из меня во все стороны восторга.

— И что случилось? — смеялся он, пытаясь говорить, как-то умудрившись, не выпуская меня из рук, извернуться и поставить бокал на столик. — Это ты... мне... так посочувствовала... что ли?

Но говорить и рассуждать я ему не дала, закрыв рот страстным поцелуем. Но он перехватил инициативу, опрокинул меня на спину на диван, задрал подол моей юбки, как-то стянул с меня трусики и, расстегнув свои джинсы, резким рывком вошел в меня на всю длину, до конца, а я, выгнув спину, приняла его всего и прохрипела горлом от потрясающего ощущения!

Он закинул мои руки за голову и держал их одной рукой, второй придерживая за спину, и брал меня, и смотрел мне в лицо все это время, пока нас не накрыло с головой на самом пике ощущений...

— Ты что вытворяешь, женщина? — прохрипел сипло Берестов, уткнувшись лбом в диванный валик, спустя какое-то время. — Так можно и помереть запросто от оргазма!

Отвечать я пока не могла, да и, откровенно говоря, не знала, что сказать, я сама себе поражалась и понятия не имела, что на меня за сексуальное помутнение такое нашло.

Сладкое, безумное, потрясающее помутнение!

Он осторожно поднялся с меня, помог мне сесть, придерживая рукой, поправил на мне юбку, удивленно посмотрел на меня и, взяв со стола, протянул мне мой бокал.

— И что это было?

— Есть хочется, по-настоящему так, серьезно, — призналась я, игнорируя вопрос. — Давай, что ли, горячее подогреем.

— Ну, давай, одалиска ты моя, сексуальная террористочка!

И он, чмокнув меня в лоб, пошел разогревать в микроволновке горячее, захватив обе наши тарелки с почти нетронутой едой, и спросил уже оттуда, из кухонного пространства, так же, как и у меня дома отделенного от гостиной барной стойкой, только гораздо более массивной и длинной:

— Ну, а ты, Мирослава Витальевна, чем руководствовалась, когда выходила замуж за человека на двадцать семь лет старше тебя?

«Спасала твоего сына от нищеты и голода», — подумалось мне влет, молниеносной мыслью, но я быстро ее уничтожила и отметила, что он тщательно проштудировал информацию обо мне.

Но Берестову в этом мало повезло. В любых доступных источниках: в Интернете, в печатных изданиях обо мне имеются только очень скудные сведения: дата рождения, институт, дата замужества, английская учеба, кандидатская, работа в фирме, перечень самых громких дел, что я вела, регалии и награды — есть в наличии у меня и они. И все. Никакой личной информации: ни о сыне, ни о моих родных и близких, ни о городе, из которого я приехала, — мы с Игорем специально постарались сделать именно так. Клиенты, их оппоненты, другие люди, проходящие по делам, бывают разные, опасные в том числе. Иногда непредсказуемо опасные.

— Он был моим преподавателем, и я его очень уважала и ценила. Роман Олегович был необыкновенным человеком.

— Верю, — кивнул Берестов.

Бзинькнула микроволновка, сообщая о готовности блюда, он достал тарелку, поставил вторую, снова включил плиту, принес мне разогретую еду и повторил вопрос, но уже в форме утверждения:

— Но ты вышла за него по расчету.

— Да, и это тоже, — не стала отрицать я.

— И он сделал тебя партнером его сына и хозяйкой фирмы, — продолжил допрос Берестов, возвращаясь в кухню.

— Нет, — ровно ответила я. — К тому моменту, когда я начала там работать, фирма была добротной, серьезной адвокатской конторой с известным и безупречным именем моего мужа и Игоря. Но, открыв и возглавив международное отделение, я принесла за год прибыль, превышающую ту, что они заработали за три года, а дела, которые я вела на тот момент, в общей массе весили в два раза больше, чем уже принесенный мной доход. И Роман Олегович с Игорем реально понимали, что я вполне могу открыть свою собственную фирму, о чем я и подумывала, и решили, что это слишком расточительно — терять меня, поэтому и сделали полноправным партнером и вторым хозяином.

— Круто. Уважаю, — серьезно сказал он, присоединившись ко мне со своей разогретой тарелкой. — Ну, а наследство мужа?

— Полностью перешло к Игорю, мы до свадьбы об этом договорились с Романом Олеговичем и подписали соответствующие документы. По этим же документам все, что я зарабатывала, принадлежало только мне, и распоряжаться своими доходами могла только я. Роман Олегович

был очень умным человеком, первоклассным адвокатом и весьма дальновидным учителем...

— Который делал из тебя классного адвоката, — закончил он за меня фразу.

— Да.

— Ну, а в чем же был тогда твой расчет при таком раскладе? — не унимался Берестов.

— Вот в этом и был, что он сделает из меня специалиста самого высокого уровня.

— Туманно и как-то слишком заумно для двадцатилетней девчонки, которая вышла замуж за человека настолько ее старше, — весьма слабо удовлетворил его мой ответ.

— Ну, может, это так и выглядит со стороны, — более холодно заметила я, давая понять, что более ничего пояснить не намерена и тема закрыта.

— От чего он умер? — отступил Берестов.

— От быстротечного рака.

— М-да, тяжелая история, — заметил он и неожиданно спросил: — А сейчас у тебя кто-нибудь есть? Мужчина, я имею в виду.

— Нет. А у тебя?

— Нет, временно свободен, — усмехнулся он.

А меня буквально накрыло таким чувством досадной неловкости, словно я сама себя ему предложила в его временной свободе. Между нами, девочками, я что-то не припомню, что сильно сопротивлялась его первому поцелую, да и на предложение продолжить ответила почти мгновенным согласием, не потрудившись хоть немного поломаться ради сохранения приличий, что ли.

И я принялась угощаться подогретым ужином, стараясь скрыть свою запоздалую и уже неуместную стыдливость, но обнаружилось, что и есть я не могу, такая вдруг усталость навалилась от потрясений душевных и физических, я откинулась на спинку дивана и предупредила:

— Слушай, я сейчас просто отключусь.

— Э-э, да ты совсем засыпаешь, — участливо заметил Берестов и, вставая с дивана, поспешил на помощь даме, и, придерживав за талию, помог мне подняться. — Давай-ка, я тебя в постель отведу.

— Нет, — сонно возразила я. — Мне сначала умыться надо.

Без умывания я спать не могу — это уже рефлекс. Берестов отвел меня в ванную комнату, выдал чистое полотенце и новую зубную щетку в упаковке и принес мне мою сумочку. Молочко для умывания и косметику я всегда ношу с собой, иногда, когда рабочий день сильно затягивается, приходится смывать макияж и накладывать заново.

Он ждал меня у двери и сразу обнял, заботливо поддерживая, и повел в спальню, и сам принялся раздевать и укладывать в постель, и это последнее, что я помнила перед тем, как провалиться в сон.

И проснулась от чего-то очень приятного, словно кто-то мягко и легко расчесывал мои волосы, я улыбнулась, еще ничего не соображая, потянулась и открыла глаза. Было позднее утро, ближе, наверное, часам к одиннадцати, хотя фиг разберешь эти ноябрьские утра. Берестов лежал на боку, подперев голову одной рукой, а второй перебирал мои волосы, пропуская их сквозь пальцы.

— Очень красивые, — тихим, полным нежности голосом сказал он. — Это их натуральный цвет?

— Ты уверен, что это самый удачный вопрос женщине утром? — усмехнулась я.

— Извини, кажется, действительно нетактично спросил, — продолжая перебирать мои волосы, покаялся он, нагнулся, собираясь меня поцеловать, и остановился, и спросил, чуть сдвинув брови с задумчивым выражением лица: — Слушай, кого же ты все-таки мне напоминаешь? Иногда так четко: жесты, слова или вот взгляд такой, как сейчас?..

— Не надо меня ни с кем сравнивать, — попросила я.

— Да, не надо, — согласился Берестов. — Ты прекрасная и удивительная, чтобы быть на кого-то похожей. — И, улыбнувшись, поздоровался, интимно понизив голос до шепота и легко поцеловав меня в губы:

— Привет...

— Привет, — отозвалась я и опять усмехнулась: — И это натуральный, природный цвет моих волос.

— Очень красивые, необыкновенные, — повторил он и поцеловал меня уже всерьез.

А я тут же отозвалась, и то, что началось с неторопливого, затянувшегося утреннего поцелуя, быстренько переросло в страстный поцелуй с неотвратимыми последствиями. И мы уже стонали, спешили, и я приняла его, когда он вошел в меня, как дар божественный, и поторапливала, и что-то говорила невнятное, непонятное мне самой, и кричала в конце, позабыв все на свете.

Мы провели этот день вместе.

Заказали доставку завтрака из кафе, валялись на диване у телевизора и, забывая его смотреть, что-то рассказывали друг другу: он про смешные и курьезные случаи из своей работы, я — из своей практики, занимались любовью, ленились, что-то приготовили нехитрое на обед, и снова занимались любовью, и снова расслабленно ленились.

— А как ты стал антикризисным менеджером? — с интересом спросила я.

Мы лежали развалившись на диване, подставив под вытянутые ноги оба кресла, что-то бубнил телевизор, который мы почему-то не выключили, а просто убавили звук и болтали о пустяках, и мне в голову пришел этот вопрос.

— А, это отдельная история, — усмехнулся он, — можно сказать, судьбоносная. Вообще-то на спор. Ей-богу, — увидев недоверие, отразившееся у меня на лице, серьезно сказал он. — У моего отца есть близкий друг детства, который для меня всегда был просто дядя Паша. Он, Павел Леонидович, руководил одним предприятием легкой промышленности, которое к концу девяносто шестого помирало в тихой агонии. Ну, и мы с ним как-то заспорили на дне рождения

отца, выпили, разумеется, он-то побольше меня, ну и зацепились за развал страны и экономики, и пошло-поехало, и перешло на конкретику, на его завод. А я отчего-то стал его поучать, мол, пришло в упадок оттого, что вы ведете неправильную, устаревшую экономическую политику. Я же себя тогда крутым экономистом считал — все-таки это моя специальность, к тому же уже четвертый год как в бизнесе крутился. Ну, пацан глупый, что скажешь. А он обиделся, завелся, говорит, раз ты такой умный, возьми и спаси завод, давай, садись в мое кресло. А я тоже завелся в ответ — и спасу! Так и доспорились. А когда я в это дело влез, мама дорогая!!! Оказалось, что ни черта я не знаю и вообще полный придурок, что полез в эти дела. И так меня это заело, что я на принцип пошел и принялся раскапывать информацию, что и как делают в подобных ситуациях, тогда же Интернета повального не было — пришлось и в библиотеках посидеть, и где и каким только образом не учиться. Но я это сделал, за два года. И так мне понравилось, я вдруг понял, что это мое и мне офигительно нравится заниматься именно этим направлением. Продал друзьям свою долю в бизнесе, подчистую, и уехал учиться в Гарвард. Ну, а там оброс связями, непосредственно в Гарварде, это основная задача, помимо самой учебы, — обзавестись связями и знакомствами, этакий клуб будущих ведущих бизнесменов. Мне ужасно повезло поработать в одной из самых известных фирм, помогли протектированием друзья. Они там совсем по-другому работают, а у нас здесь своя специфика, менее цивилизованная, скажем так. Ну, а потом вернулся в Россию, годами подбирал команду, по человечку, по бриллианту, можно сказать, и платил им поначалу больше, чем себе, чтобы не разбежались, — они же все специалисты бесценные, их у меня постоянно переманивают. А фиг, не уходят, им со мной интереснее. Злые мы в деле — я и моя команда, — не зря нас стаей кличут. Ну вот так и стал антикризисным менеджером, АКМ, как автомат Калашникова.

Вечером я начала собираться уходить.

— Поехали ко мне в дом, — неожиданно предложил он, наблюдая за моими сборами, полулежа на диване. — Погуляем, там у нас места красивейшие, приготовим рыбу на мангале, у меня классное вино французское есть, отдохнем.

Это было предложение из другой жизни и из других отношений.

И эти его слова, произнесенные с такой легкостью и простотой, послужили некой дверкой, через которую ко мне тут же вернулось благоразумие, покинувшее меня на сутки сладкой «бессознанки», в которую я впала, как в обострившийся приступ прежней хронической болезни, казалось бы, давно излеченной.

— Я не могу, меня Игорь с семьей ждут, — выдвинула я, на мой взгляд, вполне приемлемое оправдание.

Но, видимо, мой тон или что-то еще во мне, в выражении моего лица, в напряженности жеста, сопровождавшего мой ответ, насторожили Берестова, и он, заметно напрягшись, сел ровно на диване и спросил:

— Понятно. И когда мы встретимся в следующий раз?

— Ну-у-у, — неопределенно пожала я плечами, не зная, как и что объяснить.

— Подожди, — он даже встал с дивана и подошел ко мне. — Ты что, хочешь на этом закончить наши отношения? Ты не хочешь, чтобы мы больше встречались?

— Наверное, — с трудом выдавила я из себя и попыталась глупо оправдаться: — Я пока не

знаю...

— А что, ты с каждым мужчиной так кричишь от удовольствия и так кончаешь?

Он так сильно, так явно разозлился, что намеренно грубил, и лицо его сделалось жестким, и опасным стал взгляд прищуренных глаз.

— Нет, — спокойно ответила я.

— Вот и я нет! — повысил он раздраженно голос. — И я не понимаю, как можно отказываться от такого фантастического секса и такого совпадения в постели! Мы оба свободные люди, у нас нет партнеров, и мы не любовную интрижку на стороне завели, так какого хрена ты собираешься сбежать?

— У меня давно не было отношений с мужчиной, — стараясь сохранять ровный тон, пыталась объяснить я хотя бы ту часть правды, которую могла ему сказать. — Для меня все это сложно и непросто.

— И что тут такого сложного и непростого? Тем более, если давно не было секса, надо радоваться, что сейчас он есть, да еще такой! — он злился все больше и от возмущения говорил все громче и требовательней. — Как давно? Полгода, год?

— Больше трех лет! — сорвалась я, не удержавшись, и тоже ответила раздраженно.

— Это что, после смерти мужа ты не...? — он не закончил фразу и другим, более спокойным, но все еще напряженным тоном извинился: — Прости. Я не мог знать. Это как-то и предположить трудно при твоей внешности и сексуальности.

— Все это неважно, и зря я тебе сказала, — резко устала я от этого разговора. — Мне пора ехать.

За все время, пока мы одевались в прихожей, ждали лифта и спускались в гараж, Берестов не произнес больше ни слова. И только когда я села в машину и завела мотор, он постучал согнутым пальцем в боковое окно, чтобы я открыла, и, когда стекло опустилось, немного склонившись, чтобы видеть мое лицо, произнес очень холодно и отстраненно:

— Это несусветная глупость. Но, если передумаешь, звони.

И распрямылся, и смотрел вслед моей уезжающей машине, засунув руки в карманы джинсов.

Это была точка. Четкая расстановка — сам он ни звонить, ни уговаривать, ни настаивать на продолжении не будет. Теперь это целиком и полностью только мое решение. Сколько может ждать мужчина? Три дня, неделю?

Я не позвоню.

Меня как магнитом тянуло к этому мужчине, как в бедовый омут, неотвратно и безвозвратно! Если я себе это позволю, если разрешу своим чувствам возобладать надо мной, я пропаду! Для него это просто секс, он сам это четко и ясно объяснил, а для меня и реабилитация за прошлое, и возможность снова любить со всей душевной мощью, и снова почувствовать себя живой, настоящей, полноценной женщиной, наконец! Второй раз я не переживу разрыва с ним, это меня просто угробит как женщину, как личность!

И есть еще Максим! И я понятия не имею, как с этим быть!

Права ли я, скрывая от них обоих правду, и нужна ли кому-то эта правда? И не погребет ли она нас всех под собой, когда все откроется? В первую очередь я думаю о сыне, и только о нем всегда в первую очередь! Как он это переживет и воспримет? А если он узнает не от меня и что я намеренно все от него скрывала? Я не знаю!! Я не знаю, черт побери!!!

Господи, как все было хорошо и спокойно в моей жизни, пока не появился этот Берестов!!!

От переутомления морального, физического и душевного, приехав домой, я рухнула на кровать и проспала тяжелым, черным сном больше пятнадцати часов, пока вернувшийся из поездки Макс меня не разбудил.

— Мамулька, ты чего спишь? — удивился он, обнаружив мать родную в спальне, и забеспокоился: — Ты не заболела?

— Нет, — чувствуя себя совершенно разбитой, села я на кровати. — Просто устала очень за последнюю неделю, вот и заснула как убитая.

Мы пообедали, я без аппетита, еле ковыряясь в тарелке, Макс рубал во все щеки и рассказывал о поездке. А я смотрела на него, гладила по голове, улыбалась его веселым историям и думала, как же мне поступить. Как мне правильно поступить, чтобы не причинить ему ни малейшего вреда? Сказать про отца, познакомить их или лучше оставить все, как есть, и «не будить спящую собаку»?

О, Боже, Боже, надоумил бы!

Макс отправился за компьютер, а я, неприкаянно помаявшись, пощелкав каналами телевизора, послонявшись по квартире, попыталась поработать с документами, которых у меня всегда с собой было в достатке, и в итоге мне даже удалось сосредоточиться и что-то сделать.

Вся следующая рабочая неделя навалилась на меня делами сверх всякой меры, что спасало от лишних мучительных размышлений на тему господина Берестова и всего, что с ним связано. И только ночами меня обуревали воспоминания о том, как мы занимались любовью, и горячая волна окатывала снизу вверх, лишая сна и заставляя желать повторения.

Я старалась не думать о Берестове и о тех возникших проблемах, какими сопровождалось неожиданное его появление в моей жизни. Я так и не смогла ответить себе на вопрос: должна ли я говорить Максимке и Берестову об их родстве?

А однажды ночью, ворочаясь с боку на бок, маясь думами неуютными, в миллион первый раз обдумывая эту непростую дилемму, я вдруг вскочила как ошпаренная от пришедшей в голову мысли:

— Мама дорогая, мы же не предохранялись!!! — и я прихлопнула от ужаса рот двумя ладонями.

Я настолько привыкла, будучи замужем, принимать контрацептивные таблетки, что продолжала это делать и тогда, когда Роман Олегович заболел, и прекратила прием только после его смерти. И я жила в такой глубокой уверенности, что у меня не будет никакого секса, что совершенно об этом не думала и забыла. Я ни на полсекунды об этом не вспомнила!!!

А что, если?!

И, пребывая в близком к настоящей панике состоянии, рано утром я понеслась к знакомому гинекологу, которая, пожав плечами, пояснила мне реальность жизни:

— Милая, прошло всего несколько дней, чтобы что-то определенное можно было сказать, и, милая, прошло уже несколько дней для того, чтобы можно было что-то предпринимать. Хотя, разумеется, мы можем принять некоторые меры, но оно тебе надо — такой стресс для организма — если и повода-то нет. Жди своего цикла.

Вот и удосужилась, как большинство женщин, с паническим замиранием ждать начала своего цикла и гадать: пронесло или я залетела. Бедные женщины, как они это переносят? Я, например, плохо. Ругая себя за глупость и полную потерю разума.

Мне только этого и не хватало, чтобы жизнь уж наверняка не казалась медом!

А в пятницу утром, за завтраком, меня еще и Максим «порадовал»!

— Ма, мы сегодня уезжаем к Теме за город, — как бы между прочим сообщил сын.

Артем Калинин, он же Тема, это его друг и соратник во всех мальчишеских делах, проделках и неприятностях с первого класса. Нам даже пришлось сдружиться с его родителями, Алексеем и Наташей, потому что наши не в меру резвые и слишком умные мальчишки порой такие кренделя выдавали и такие проказы устраивали, что разгребать приходилось всем миром. Ничего такого уж страшного, и тем паче криминального, но детки наши умели что-нибудь такое придумать, отчебучить и натворить, будь здоров, особенно в детстве.

— И почему я об этом узнаю только сегодня? — сразу сильно расстроилась я.

— Я тебе говорил, но ты пришла поздно и очень уставшая, наверное, не запомнила.

— А что за повод — на все выходные? — смягчила я тон, понимая, что вполне могла и пропустить эту информацию.

— Ты что, не помнишь? — несколько удивился сын. — У Темки день рождения, и мы целой толпой к ним едем, нас даже учителя отпустили с последних уроков. — И он забавно скривился, делая недовольную рожицу: — Правда, под стопудовую обаяуху, что мы самостоятельно пройдем материал, а потом напишем контрольную.

— Господи, а Алексей с Наташей знают о вашем «нашествии»? — посочувствовала я родителям Темы.

— Ну, конечно, мам! — пребывал в полной радости житейской сын в преддверии грядущего праздника. — Они же все это и предложили, сказали: лучше уж вы у нас на глазах тут разгуляетесь, чем где-то в городе в подворотне или в клубе каком. Они, кстати, нас с Лешкой заберут из школы на машине, и мы прямо оттуда поедем. Ма, мне только надо вещи собрать, поможешь?

— Помогу, конечно, — я взлохматила его темные густые волосы и вздохнула, — только мне совсем не хочется, чтобы ты уезжал. И так почти не видимся, не общаемся, и в прошлые выходные уезжал, а мать по тебе скучает. Надеюсь, что завтра проведем весь день вместе, в кино ходим, погуляем.

— В следующие выходные, мам, вот зуб даю! — пообещал сын.

Я совсем загрустила, когда, собрав Максу вещи, отвезла его в школу и поехала потом на работу. Мне так не хотелось, чтобы он именно сегодня уезжал! Вот ужасно не хотелось! Я-то планировала уйти пораньше с работы, приготовить что-нибудь вкусненькое, его любимое, взять какой-нибудь фильм в прокате и вместе провести время: посмотреть кино, поболтать, посмеяться — мы ценили и любили часы, проведенные в обществе друг друга.

Я даже подумала, не уговорить ли его остаться, и уже собралась было приступить к переговорам и аргументы придумала. Но вздохнула про себя: зачем портить ребенку ожидаемый праздник. Пусть веселится.

Мне просто нужен был достойный отвлекающий повод, чтобы не задумываться о Берестове и обо всех непростых вопросах, которые он своим возникновением в моей жизни свалил на мою забубённую головушку, лишив напрочь нормального сна и душевного равновесия. Сергей Константинович не звонил и никаким иным образом не проявлялся.

Он принял решение и огласил, и менять его не будет.

Протекали своей чередой дни, и я все отчетливей понимала, что с каждым прошедшим днем этот абонент становится для меня все более недоступным. Он не станет ждать неделями и месяцами, когда я там справлюсь со своими женскими комплексами и мышами в голове и пойму, от чего отказываюсь. Он вычеркнет меня из своей жизни и постарается не вспоминать, и пойдет дальше.

И правильно сделает.

А вот я все чаще думала, что надо сказать им обоим — отцу и сыну. Раз жизнь и судьба распорядились так, что мы снова встретились, значит, теперь, когда личность отца перестала быть мифической и недоступной, Макс должен знать про него. И не мне лишать мальчика этого права, он самостоятельная, цельная, сильная личность, пусть сам решает, как дальше жить и что делать с этим знанием. И Берестов имеет право знать про сына и тоже пусть сам решает, что с этим отцовством делать.

И к середине дня я твердо решила, что обязана рассказать им обоим.

Хорошее решение, если не считать того, что я понятия не имела, как это сделать, чтобы самой выйти из этой ситуации с минимальными душевными потерями.

Как, бога ради, это сделать?..

Я проводила еженедельное совещание адвокатов своего отдела, когда смартфон, лежавший у меня на столе, заиграл мелодию вызова с телефона Максима. У нас с ним была определенная договоренность: всегда звонила я, когда у меня была возможность спокойно поговорить, сын же звонил мне днем только в экстренных случаях.

— Да, Максим, что случилось? — извинившись перед людьми, сразу спросила я.

— Это не Максим, — ответил мне незнакомый мужской голос и быстро принялся объяснять: — Это врач «Скорой помощи». Машина, в которой ехал ваш сын, попала в аварию, мы везем его в «Склифосовский».

— Что с ним? — холодея, стараясь справиться с паникой, спросила я.

— Жив. Но состояние сложное, тяжелое. Приезжайте в больницу, там вам все объяснят.

Я резко встала с места, так что стул заскрипел по полу, отодвигаясь.

— Я должна срочно уйти! — объяснила я сотрудникам и, кидая, не глядя, в сумку телефон, органайзер, что-то еще, отдавала распоряжения: — Закончите совещание без меня. Олег, разберись с документами и отмени на сегодня и завтра все!

— Что случилось, Мирослава Витальевна? — подскочил ко мне Олег, помогая надеть пальто, видя, что я никак не могу просунуть руку в рукав.

— Максим попал в аварию, я еду в Склиф, сообщи, пожалуйста, Игорю!

Игорь позвонил, когда я выруливала со стоянки от нашей конторы.

— Что с Максом? — почти прокричал он.

— Я пока не знаю, Игорь! — держала в кулаках воли пытающуюся вырваться панику, грозящую затопить мой разум. — Его везут в Склиф, я еду туда!

— Я тоже сейчас приеду!

— Не надо, лучше с Олегом перекройте все мои дела, объясни клиентам сам, отмени все мои встречи.

— Все сделаю. Держись, Славка! И звони!

Держусь! Пока держусь! Макс, что с тобой, сыночек мой родненький?! Ты тоже держись, держись, солнце мое, я уже еду!!!

— Огнев Максим! — подлетела я к регистратуре.

— Да, — сверилась с записями сестра и пояснила: — Его повезли во вторую операционную, готовят к операции, там его врач, он вам все объяснит, идите скорее, пока он не начал мыться!

— Вы доктор? — ухватила я какого-то мужика лет сорока пяти за локоть. — Максима Огнева вы будете оперировать? Я его мать!

— Да, я врач, Геннадий Павлович, — представился он и спросил: — А как ваше имя?

— Мирослава Витальевна, — скороговоркой представилась я, — что с ним, Геннадий Павлович?

Он взял обе мои ладони в свои руки, пытаясь этим жестом и поддержать, и успокоить, и принялся объяснять мягким и четким тоном:

— Мирослава Витальевна, у вашего сына повреждения внутренних органов, но не фатальные, самая большая проблема в том, что у него повреждена артерия на ноге. Он у вас просто молодчина, пока был в сознании, сообразил, что надо делать, — как-то умудрился оторвать от рубашки полосу ткани и наложить себе жгут, а вот затянуть его настолько сильно, как требовалось, у него уже сил не хватило, и поэтому он потерял много крови. Если бы он этого не сделал, то умер бы на месте, через несколько минут. Просто умница ваш сын.

— Так с ним все будет в порядке? — заглядывая доктору в глаза, ждала я немедленного подтверждения.

— Нет, пока нет, — вздохнул тяжело доктор. — Как я уже сказал, он потерял слишком много крови, и сейчас состояние у него критическое. И все бы ничего, и мы бы справились с этой проблемой, но у вашего сына самая редкая группа крови: четвертая отрицательная, к сожалению, у нас в больнице запасов этой группы крови нет, и на станции переливания, с которой мы работаем, тоже ее не оказалось. Мы обзваниваем другие станции, но они далеко расположены. Сегодня пятница, пробки везде и, когда мы найдем кровь, доставлять ее будут больше часа, а у вашего парня столько времени нет. Не стану от вас скрывать: если в течение часа мы не найдем для него кровь... — И он развел руками безнадежным жестом и, вдруг оживившись, спросил: — Какая у вас группа, вы знаете?

— Вторая отрицательная, — ответила я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Жаль, — сказал доктор, расстроено нахмурившись, но снова приободрился от пришедшей мысли: — Если у вас вторая отрицательная, значит, сто процентов, что у его отца четвертая отрицательная. Вы можете срочно вызвать его отца?

— У Максима нет... — рассеянно, на автомате, начала я объяснять обстоятельство, к которому привыкла: у моего сына, до недавнего времени, не было отца.

И вдруг, как вспышка в мозгу, ко мне пришло осознание! И надежда застучала кровью в висках, в кончиках пальцев!

— Я знаю человека, у которого такая же группа! — сильно сжала я руки доктора, заглядывая ему в глаза. — Я постараюсь его привезти!

— Везите, везите скорее! — взбодрился доктор. — Как можно скорее! Счет идет на минуты, Мирослава Витальевна! Мы постараемся вас дождаться и сделаем все, что в наших силах! Бегите! — И спохватился, и позвал кого-то совершенно другим, начальственным голосом: — Света!!!

— Да, Геннадий Павлович? — подбежала какая-то женщина в медицинской форме.

— Дай Мирославе Витальевне номер своего телефона! — и снова обратился ко мне прежним тоном: — Это наша старшая медсестра, звоните ей с дороги. Когда уже будете ехать с донором, она запишет его данные и задаст необходимые вопросы, чтобы не терять времени на оформление, и оповестит нас, что вы едете! — И пожелал: — Удачи! Вся надежда на вас, Мирослава Витальевна!

«Не на меня!! — билось у меня в голове всю дорогу. — Надежда не на меня!!! Только на него!!!» И я молила, заклинала всем своим существом, от всего сердца, от своей материнской пуповины: «Только будь на месте!!! Только будь на месте!!!»

Я не заметила и не осознала, как доехала, только промелькнула в голове, как луч надежды, что все будет хорошо, незадержавшаяся мысль: не попала ни в одну пробку. Я выскочила из машины, на бегу лишь хлопнув дверцей, выдирая из сумки свое удостоверение и кидая его охраннику, перескочила через турникет под его возмущенный и удивленный вопль и, заскочив в лифт, подгоняла его мысленно, отсчитывая этажи, и стаскивала с себя мешающее пальто. Стянула, когда, прозвенев звонком, двери лифта распахнулись, и, накинув пальто на руку, постаралась сконцентрироваться и держать себя в четком контроле, понимая, что паника и

мой страх помешают мне добраться до цели.

— Я к господину Берестову! — на ходу, стремительно проходя через приемную, сообщила я секретарше, не видя ничего и никого вокруг, кроме заветной двери его кабинета.

— К нему нельзя! — вскочила девочка со своего места и попыталась меня остановить, перегораживая дорогу. — У него совещание!

— Мне можно! — автоматически ответила я и отмахнулась от нее так, что она немного отлетела в сторону, а я рванула дверь на себя и вошла.

У него действительно проходило совещание, и за длинным переговорным столом сидели какие-то люди, и кто-то что-то ему докладывал и замолчал на полуслове, когда я вошла, удивленно уставившись на ворвавшуюся незнакомку. Берестов удивления лицом не выказал, но, глядя на меня, начал подниматься из кресла.

— Простите, господа, но у меня дело, не терпящее отлагательств, — не прерывая своего движения к начальственному столу, к своей надежде, пояснила я на ходу.

— Сергей Константинович, — чуть не плакала у меня за спиной секретарша, — я пыталась ее остановить!

— Все нормально, Лариса, — успокоил ее Берестов, неотрывно глядя в мое лицо.

Он успел сделать несколько шагов, обойти угол своего стола, когда я оказалась рядом и с силой, в которой не отдавала себе отчета, ухватила его двумя руками за правую руку.

— Мне нужна твоя помощь! Срочно! — смотрела я прямо ему в глаза. — Помоги мне!

— Так, — озадаченно свел он брови на переносице, — подожди минуту.

— У меня нет этой минуты! — повысила я голос, все еще держа панику и страх под контролем и изо всех сил стараясь с ними справиться.

— На сегодня совещание закончено, — повернул он голову в сторону подчиненных, сидевших за столом, и сразу перевел взгляд на меня. И, уже не обращая внимания на встающих со своих мест и взирающих на нас с большим любопытством сотрудников, нехотя и неспешно покидающих кабинет, спросил: — Что случилось и какая помощь тебе нужна?

— Мой сын попал в аварию, — все смотрела я ему в глаза, стараясь излагать четко и ясно факты. — Он потерял очень много крови, и ему требуется срочное переливание. Но у него четвертая отрицательная, а в больнице такой крови нет и на станции переливания нет. У тебя такая группа. Помоги, прошу тебя! Умоляю! Я понимаю... — Что-то продолжала говорить я, но он перебил:

— Все! Спокойно! — жестким тоном остановил он меня и, освободив свою руку из моего захвата, взял меня выше локтей за обе руки и слегка тряхнул: — Мы уже едем! Все будет хорошо!

И, отпустив меня, нажал на селекторе кнопку вызова:

— Лариса, срочно, бегом сюда Виктора! — И повернулся ко мне: — Где ключ от твоей машины? Ты на своей машине приехала?

— Да, на своей, — и я принялась суматошно рыться в сумке, разыскивая ключ, чувствуя подкатывающую к горлу истерику от облегчения, от того, что он согласился помочь, и пытаюсь загнать ее назад: — Вот! — Я протянула ему ключ, который нашла и достала наконец. — Зачем он тебе?

— Тебе не надо в таком состоянии за руль, а мне нельзя будет после, — пояснил он и взял меня за локоть. — Идем! — И стремительно пошел вперед, увлекая меня за собой. — Виктор, — не останавливаясь, обратился он к какому-то парню в приемной и на ходу кинул ему ключ от моей машины, — поведешь!

От каждого промедления меня начинало колотить, особенно в лифте, — это была просто попытка утекающим временем, пока кабина спускалась на первый этаж! Утекающим временем жизни моего ребенка!

— Сергей Константинович... — кинулся было к нему охранник жаловаться, скорее всего, на меня, но, увидев нас вместе, только пролепетал: — Гражданочка, вот, документ оставили. — И сунул мне в руку мое удостоверение.

— Куда ехать? — спросил Берестов, указав водителю кивком головы на мою машину и распахивая заднюю дверцу передо мной.

— В Склиф! — села я на заднее сидение.

Обойдя машину сзади, он сел рядом со мной и, захлопывая дверцу, сказал водителю:

— Виктор, ты понял, в Склиф, как угодно, по любым сократам, но как можно скорей!

— Понял, Сергей Константинович, — ответил охранник и рванул с места.

— Не знал, что у тебя есть сын, — после минутного молчания, без эмоций, ровным тоном заметил Берестов и спросил: — Как его зовут?

— Максим, — ответила я машинально, набирая номер старшей медсестры, которая ответила после первого же гудка. — Светлана, это Мирослава Витальевна.

— Вы нашли донора? — спросила она меня с надеждой.

— Да, мы уже едем.

— Дайте ему трубочку.

— Это тебя, — протянула я ему телефон.

— Хорошее имя, — принимая у меня трубку, сказал Берестов.

— Что? — не поняла я, недоуменно посмотрев на него.

— Я говорю: Максим, хорошее имя, — чуть улыбнулся он и приложил трубку к уху. — Да?

И принялся отвечать на вопросы:

— Берестов, Сергей Константинович. Нет. Нет. Нет. Нет. Да. Несколько дней назад. Нет. Витя, через сколько будем?

— Минут через пятнадцать, — ответил водитель.

— Через пятнадцать минут, — продублировал ответ Берестов, помолчал, слушая, что ему говорят. — Я дам водителю трубку, и вы ему сами объясните. — И передал трубку Виктору.

А я молилась про себя и держала, держала в узде изо всех сил накатывающие волнами ужас, панику и отчаяние, не давая им прорваться и затопить меня, и чувствуя, как в голове тикают часы, отсчитывающие такие важные для жизни моего ребенка минуты! Нет, я не подведу своего сына, я верю, что все будет хорошо, что его спасут все, кто может и кто должен спасать! И я снова молилась!

Берестов меня больше ни о чем не спрашивал и молчал всю оставшуюся дорогу, только посматривал на меня и о чем-то думал. Мы практически вбежали в двери, за которыми нас уже с нетерпением ждала старшая медсестра, быстро спросившая:

— Вы Сергей Константинович?

— Я.

— Идемте скорее за мной!

И они побежали, а я за ними, пока какая-то другая медсестра не перехватила меня у очередных дверей, за которыми они скрылись.

— Вам туда нельзя! Там операционный блок! Ждите здесь, — и показала мне на ряд стульев у стены.

И я ждала. Я не знаю, как тянулись эти минуты ожидания, превращаясь в часы или не часы? Я не чувствовала времени, потому что поторапливала его и одновременно молила, чтобы оно шло как можно медленнее, чтобы этого его медленного течения хватило для спасения Максима. И ждала. И вскакивала каждый раз, когда открывались двери и оттуда выходила деловито спешащая куда-то медсестра, и я кидалась к ней, а она строго выговаривала мне:

— Ждите, пока все идет нормально! — и уходила.

Я ждала! Позвонил Игорь.

— Как там? — осторожно спросил он.

— Пока ничего не известно, — отвечала я. — Идет операция. Маме не сообщай.

— Нет, конечно! — даже испугался он и подбодрил: — Раз идет операция, значит, все хорошо будет.

— Да... — только и смогла сказать я.

И я снова ждала. Не знаю, через какое время открылись обе створки дверей, из которых вывели на каталке Берестова, переодетого в больничное и прикрытого сверху простыней. Очень бледного, с закрытыми глазами и с какой-то капельницей, вколотой в руку, штатив системы внутривенного вливания катила рядом одна из медсестер. Я кинулась к нему, наклонилась.

— Как ты?

Он открыл глаза и даже улыбнулся.

— Нормально, — негромко ответил он и подбодрил: — С ним все будет хорошо, мне врачи обещали.

И снова закрыл глаза.

— Куда вы его везете? — шла я рядом с каталкой.

— В палату, Сергей Константинович сегодня у нас в больнице полежит, — пояснила медсестра.

Я снова ждала, произнося про себя все молитвы, которые знала хоть частично, правильно или неправильно, но молилась.

И врач Геннадий Павлович вышел из двери. А я вскочила со стула и боялась тронуться с места, подойти и спросить — ноги не слушались.

— Все нормально, — он сам подошел ко мне и снова взял обе мои ладони в свои большие руки. — Вы очень вовремя привезли донора! И повторил: — Очень вовремя! Да еще такого героического! Он сдал слишком много крови, больше максимальной нормы, но он мужик крепкий и здоровый, быстро восстановится, за несколько дней. А Максим ваш теперь в полной безопасности, сейчас ему наложат швы и в палату отвезут. У него были множественные повреждения внутренних органов, но, как я уже говорил, не особо серьезные, — после восстановления и реабилитации от них даже воспоминания не останется, будет, как новенький. И артерия будет в полном порядке. У него еще перелом руки и ключицы, но и это ерунда. Словом, Мирослава Витальевна, даже последствий не останется у вашего сына.

— О господи! — радостно выдохнула я и кинулась ему на грудь обниматься. — Спасибо! Боже, какое вам спасибо!

— Это вы своему донору скажите, — похлопывая меня по спине, посмеялся он моей порывистости. — «Больше — опасно», — говорю я ему, а он: «Мальчику надо?» — спрашивает. Надо, отвечаю, тогда берите, говорит. Крутой мужик.

— Ему что, плохо?! Его лечить надо? — перепугалась я.

— Ну уж точно не хорошо, но лечить не надо, — хохотнул доктор. — Мы ему капельницу восстанавливающую поставили. Слабость у него, конечно, сильная будет несколько дней. До завтрашнего утра у нас полежит, мы ему кое-что из препаратов поколем и подаем. А завтра может домой ехать, но только покой, лежать, меньше двигаться, никакого спорта несколько дней и много пить. Ну, я все ему напишу и объясню.

— Его можно будет сегодня навестить?

— Разумеется, только он спать, наверное, будет. Сейчас его девочки чаем горячим, сладким напоят, а потом ему необходим покой.

— Я быстро и ненадолго, — пообещала я, — вот только Максима дождусь.

— Быстро и ненадолго можно, — согласился Геннадий Павлович.

— Спасибо. А с Максимом остаться на ночь можно?

— Он под наркозом будет, а потом под действием снотворного до утра, так что нет смысла оставаться рядом с ним. Вам бы самой успокоиться и отдохнуть, вы ему здоровая и полная сил понадобится. Состояние у него стабильное, не критическое, ничего плохого с ним уже не случится.

— Я все равно не смогу находиться в другом месте, а не рядом с сыном, — взмолилась я, сложив ладони просящим жестом.

— Ну, оставайтесь, раз не сможете, — похлопал он меня по руке. — Но вы бы лучше вашему герою-донору гранатовый и лимонный соки натуральные привезли, да водицы дорогой минеральной. Да еще покормили бы его часика так через два.

— Конечно! Напишите, что надо, я все привезу и сделаю!

— Напишу, зайдите попозже, минут через двадцать, в ординаторскую.

И тут вывезли на каталке моего сына. Он показался мне таким маленьким и беззащитным, измученным и был бледным, с совершенно белым, как бумага, лицом.

— Максим! — кинулась я к нему.

— Он вас не слышит, — придерживая меня за плечо, пояснил Геннадий Павлович.

А я уже не слышала его. Я семенила, согнувшись, рядом с каталкой, на которой везли моего ребенка, гладила его по лицу, поправляла растрепавшиеся волосы, держала его ладошку. Меня не отгоняли, понимали, наверное, да и разве я первая мать в этой больнице, чуть не потерявшая своего сына?

Макса привезли в палату, переложили на кровать, поставили капельницу, подключили к нему какие-то аппараты, тихо запищавшие сигналами, прикрыли одеялом, а я не могла отвести от него взгляда, пока одна из медсестер, осторожно обняв меня за плечи, мягким голосом не пояснила:

— Он еще под наркозом, а когда очнется, мы ему сразу введем снотворное и обезболивающее, чтобы спал. Вы пока позвоните родным, успокойте, да и вам самой надо успокоиться, прийти в себя, поесть что-нибудь.

— Да-да! — словно опомнилась я.

Позвонить родным! И, посмотрев на Максима еще раз, вышла из палаты и пошла в приемный холл, где можно было звонить по сотовым телефонам. И увидела там Виктора, водителя, сидевшего в уголке и читавшего какой-то журнал. Заметив меня, он тут же встал и подошел.

— Как ваш сын?

— Его спасли, говорят, что теперь все будет хорошо, — улыбнулась я, сообщая радостную новость.

— А Сергей Константинович?

— Он сдал слишком много крови и до завтрашнего утра его оставят здесь. А утром его можно будет забрать и отвезти домой. Работать несколько дней ему запретили.

— Я за ним приеду, — и отдал мне ключи от моей машины, про которые я совершенно забыла.

Мы попрощались, и я позвонила Игорю.

— Игорь, он жив, — сразу сказала я, как только он ответил. — Состояние стабильное, врачи говорят, что самое страшное уже позади, теперь все будет хорошо.

— Слава богу! — выдохнул Игорь и тут же спросил: — Что-нибудь надо?

— Надо! — спохватилась я и уточнила: — А сколько времени? Рынки еще открыты?

— Времени седьмой час, а рынки наверняка еще открыты.

— Тогда пошли Олега купить натуральные выжатые гранатовый и лимонный соки, и пусть привезет мне сюда, в Склиф, в приемную «Скорой помощи».

— Все сделаю. Жди. Ты Надежде Владимировне позвони, — напомнил он.

Это было труднее. Сил на этот разговор у меня не было. Но я позвонила маме и, стараясь быть максимально спокойной и убедительной, рассказала ей про Макса и еле уговорила не приезжать прямо сию минуту, нагрузив срочными поручениями. Пусть займется конкретным делом, это ее мобилизует и не даст паниковать.

А у меня дела. И я отправилась искать Берестова.

Он был в палате один, вторая койка пустовала. И спал. Бледный, с ввалившимися щеками, с заострившимися чертами лица, отчего казался резко похудевшим. Я стояла, смотрела на него и не знала, где можно найти такие слова, чтобы выразить свою благодарность этому мужчине.

Он даже не знал о существовании моего сына, для него это посторонний, чужой мальчик, и я посторонняя женщина, к тому же отказавшая ему в продолжении интимных отношений. Но он, не задавая никаких вопросов, пришел и спас этого ребенка. Меня спас! Две жизни! Я не знаю и знать не хочу, и думать не буду, что бы случилось со мной, если бы Максим погиб. Но то, что я бы не жила больше, это точно! И совсем не в физическом смысле.

И я смотрела на него, спящего своего спасителя, и отчетливо понимала, что мой долг ему огромен, значительно выше и больше, чем можно представить, и что суетно-житейская ерунда, казавшаяся мне еще вчера такой важной и непреодолимой, оказалась просто мутной пеной налета на прошлом!

Ничто не имеет значения! Все такая тупая, бестолковая человеческая глупость! Я чуть не потеряла сегодня сына! И на фоне этого факта хрень, которой мы забиваем свои головы, видится в истинном свете: суетливой ничтожностью нашего эго, которое убивает, уничтожает в нас все самое главное и важное, и единственно ценное!

Я осторожно села на край кровати, наклонилась и поцеловала его в холодные губы. Берестов вздохнул и с трудом открыл глаза.

— У меня начались эротические видения? — тихим, немного севшим голосом спросил он с видимым усилием.

— Пока нет, — улыбнулась я и снова его поцеловала. — Спасибо. У меня нет слов передать, как я тебе благодарна.

— Как парень? — спросил он.

— С ним теперь все будет хорошо. Благодаря тебе, — улыбалась я ему, — ты его спас.

— Он сам себя спас, — старательно выговаривал слова Берестов. — Мне врачи там рассказали, пока я мог еще что-то слышать. Он сам себе перетянул артерию и еще пытался помогать другу. У тебя отличный парень.

«У тебя тоже, — подумала я. — У тебя тоже!» Но я расскажу ему об этом не сегодня. Скоро.

— Спасибо тебе, — еще раз поблагодарила я.

— Не плачь, — помолчав немного, сказал он.

— Я не плачу. Я не могу плакать, — улыбнулась я.

— А что у тебя течет по щекам? — улыбнулся он в ответ.

— По щекам? — удивилась я.

Я приложила ладони к лицу и почувствовала на них влагу, и удивленно уставилась на мокрые кончики пальцев, даже провела по ним большими пальцами, дабы убедиться.

— Я не плакала много лет, — посмотрела я на Берестова. — Однажды, очень давно, я выплакала все слезы, и что-то там сломалось внутри меня, и я больше не могла плакать, даже когда очень хотелось, когда это могло бы мне помочь.

— Просто у тебя еще не было такой радости, — сказал он потрясающе верно.

— Да, — согласилась я, — такой радости у меня еще не было.

— Слушай, я тут посплю, — полусонно проговорил Берестов, закрывая глаза.

Я наклонилась и еще раз поцеловала его в губы:

— Поспи.

И тут подумала, что сначала от страха, а потом от радости и облегчения совсем забыла выяснить важные обстоятельства произошедших событий, что нужно срочно наверстать. И я отправилась в приемную регистратуру узнать, что с Темкой и его родителями.

Я выяснила не только это, но и подробности случившейся аварии.

Они в общем потоке начали движение на зеленый свет светофора, когда из-за поворота, на свой красный свет, вылетел на запредельной скорости мажор на «БМВ», который решил проскочить перекресток перед уже тронувшимися машинами. Игра у них такая, развлекауха адреналиновая!

Крайний в левом ряду водитель успел его заметить и притормозить, а Лешка, шедший в среднем ряду, из-за этого маневра вылетевшей машины не видел, и «БМВ» на скорости, превышающей сто пятьдесят километров, врезался в них, в левый бок. И машина, отлетев, другим, правым боком ударила в идущую рядом и перевернулась, а там пошла цепная реакция.

Наташа сидела рядом с мужем на переднем сиденье, а мальчишки сзади, Тема слева, а Максим

справа. Лешка с Темкой пострадали больше всех, удар пришелся как раз на них, но сработали все подушки безопасности, и боковые тоже, что хоть как-то помогло. Лешка в тяжелейшем состоянии, его еще оперируют, но шансов мало, что спасут. Темка тяжелый, но его после операции уже отвезли в палату и будут пока держать в искусственной коме. Наташу тоже прооперировали, а вот она в настоящей коме: у нее травма головы и сотрясение мозга и целый букет других повреждений. Никаких прогнозов не дают. Пострадали водители и пассажиры еще двух машин, но там без тяжелых травм обошлось.

А мажор из «БМВ» жив и отделался легким переломом руки и незначительными травмами.

«Убью!» — влет подумала я.

Вот лично сделаю все, чтобы его не просто посадили, а закатали в тюрьму до конца жизни, на самую жесткую зону! Сама, через агентуру Игоревых уголовников на зону слух пушу о его голубых наклонностях, с легким намеком на склонность к педофилии! Пусть «кукарекает» по жизни столько, сколько ему останется! И родителей его, богатых придурков, укатаю! Укатаю! Какие бы кресла ни занимали! Я реально могу это сделать!

— Что с вами, Мирослава Витальевна? — осторожно спросил подошедший сбоку Олег.

— Новости посмотрела об этой аварии, — зло ответила я.

— А, это, — кивнул он, — Игорь Романович лично занялся, сказал, что размажет этого придурка вместе с его семейкой. Они уже выступили по этому поводу, вы в курсе? Папаша его интервью дал, мол, что-то отказало в машине и ее сейчас на экспертизу отправили, а сын его «иже херувим» в белом: не пьет, не курит и никаких наркотиков, боже упаси!

— Хорошо, что Игорь занялся, а то я уже его приговорила, пока смотрела новости, и на зону отправила, — перевела я дух, изгоняя из себя кровожадную отупляющую мстительность.

Мне сейчас нельзя себе такие эмоции и чувства позволять! Все силы, какие только есть во мне, требуется отдать своему сыну и друзьям помочь, а не растрачивать их на наказание этой мрази!

Хорошо быть холодным, отстраненным, профессиональным адвокатом, пока это не коснется лично тебя! И я четко отдавала себе отчет, что имею реальную возможность воплотить в действительности все, что хотела сделать с этой сволочью. Но именно как специалист самого высокого уровня я понимала, что этого как раз-таки делать нельзя, — факт моей личной заинтересованности может стать той лазейкой, что даст преступнику возможность избежать наказания. Пусть Игорь. Он его «сделает», и родители его не помогут, какой бы там пост папаша ни занимал своей задницей!

— Вот и правильно, — поддержал Олег, повторив почти дословно мои мысли. — Вам сейчас надо сыном заниматься, а не справедливость восстанавливать.

— И не только сыном, — объяснила я. — Вся семья его друга здесь, у отца, говорят, почти нет шансов, мать в коме, а Темка, их сын, тяжелый совсем. И родственники у них не в Москве живут. Надо обзвонить, сообщить.

— Я займусь, Мирослава Витальевна, — быстро уверил меня Олег и протянул мне пакет. — Вот, что вы просили, соки. Это для Максима?

— Нет, — взяла я у него пакет. — Для его донора.

Я передала сок медсестре, отнесшей его в палату Берестова и пообещавшей обязательно напоить героического донора, как только он проснется, и пошла к сыну.

Я сидела у постели Макса и ждала, когда он придет в себя. Меня строго предупредили, чтобы я сразу же вызвала медсестру, которая сделает ему укол. И оставили дежурить.

Я снова ждала, и смотрела на него, и думала, как мне невероятно повезло, что он у меня есть, и вспоминала его маленького, такого замечательного, сбитенького, крепенького, с крупными мужскими ладошками и ножками, такого умненького, рассудительного и упертого, с характером.

— Мама, — позвал он, не открывая глаз.

Таким слабым, совсем детским, беззащитно-обиженным голоском, и я метнулась к нему — спасти, защитить, успокоить, заслонить от всех бед!

— Я здесь, сынок, я с тобой, — гладила я его по голове и нажимала другой рукой кнопку вызова медсестры. — Я здесь.

— Мам, что случилось? — приоткрыв глазки, с трудом спросил он.

— Все будет хорошо, малыш. Теперь все будет хорошо, — гладила, и гладила, и гладила я его по голове, успокаивая.

— А где мы?

— Мы в больнице, я потом тебе объясню, ты пока отдыхай, — поцеловала я его в обе щеки и снова принялась успокаивающе гладить по голове. — Тебе надо спать и набираться сил.

В палату зашла медсестра и, отодвинув меня от Максима, быстро сделала ему какие-то уколы, проверила показания аппаратуры и, улыгнувшись, сказала мне:

— Теперь часов до десяти утра спать будет, мы еще раз его ночью уколем. Вы бы сами отдохнули.

— Сейчас бабушка его придет, я вахту передам и отдохну, — пообещала я.

— Да с ним нет необходимости сидеть, он стабилен и будет спать, — пыталась вразумить меня медсестра.

— Я понимаю, — только и ответила я.

Мама приехала к восьми часам, нагруженная пакетами и перепуганная чуть не насмерть, да не одна, а с такой же паникершей Маргаритой Валентиновной.

— Слава, что с Максимом?! — залетев в двери, прокричали они в два голоса на весь холл.

—Ти-хо! — строго распорядилась я, приводя их в чувство.

Усадила там же на стулья и подробно рассказала, что и как произошло и в каком состоянии сейчас Макс и что ему не требуется сегодня сиделка.

— Мы останемся! — твердо заявили мои дамы.

— Оставайтесь, — кивнула я. — Тем более Макс не единственный, за кем нам с вами придется ухаживать, здесь Тема и его родители. Очень тяжелые все.

И срочно заняла их делом:

— Ну, показывайте, что принесли.

Мама расстаралась, да и подруга ее тоже: приготовили еду не на двух человек, а, как минимум, на отряд. Я проводила их к Максиму в палату и пошла к Берестову.

На тумбочке у него стояли бутылки с соком, которые принес Олег, обе уже наполовину пустые. Это хорошо, очень хорошо, ему надо как можно больше пить.

Капельницу уже сняли, но он все еще спал, и мне так не хотелось тревожить этот его спокойный отдых, у него даже лицо разгладилось и немного порозовело ото сна. Но врач сказал кормить, значит, будем кормить!

— Сергей, — легонько потрясла я его за плечо.

— Что? — не сразу открыл он глаза.

— Тебе надо поесть.

Я взяла стул, стоявший у другой, пустой кровати, поставила рядом с его койкой и принялась доставать контейнеры с едой и большой термос с морсом — все, что наготовила мама.

— Что ты предпочтешь: печень или рыбу? — выкладывала я «термоски» на тумбочку возле его изголовья.

— А у нас ресторан? — усмехнулся он, осторожно приподнимаясь и подтягивая подушку повыше.

— Все гораздо круче: у нас моя мама и ее подруга, наша бывшая домработница, а это тяжелая артиллерия — все рестораны отдыхают, — с усмешкой предупредила я и пояснила: — Печень тебе сейчас полезнее, но и семга тоже хорошо.

— Тогда печень, — решил он и попросил: — Только сначала пить.

Пить у господина Берестова теперь был полный «бар»: три свежавыжатых сока — гранатовый, лимонный и яблочный, две бутылки французской минеральной воды и двухлитровый термос с горячим еще морсом. Он выбрал воду.

Мы стали есть, я составила ему компанию и рассказывала про аварию, про виновника ДТП и попытки его родителей отмазать сыночка, про состояние Темки и его родителей — словом, обо всем, чем могла заполнить это время, избегая более трудных тем. И, постаравшись не задерживаться, сразу же после еды собрала освободившуюся посуду и сообщила:

— Тебе надо пить как можно больше и спать. Отдыхай.

А у меня имелись очень важные дела.

Я нашла врачей, которые оперировали Алексея и Темку с Наташей, подробно расспросила их о состоянии пациентов и стала выяснять, что еще можно предпринять, чем помочь.

— Может, препараты какие? — настаивала я, когда, тяжело вздохнув, они признались, что практически ничего сделать нельзя. — Из Европы, из Израиля, я имею возможность доставить их оперативно, мне перешлют, только скажите что?

— Ну, если вы действительно имеете такие возможности, то, может... — переглянулись между собой врачи и принялись тут же совещаться, забыв обо мне, увлеклись, спорили, сыпали терминами, предлагая какие-то новые схемы лечения и, договорившись, уже с гораздо большим оптимизмом снова обратились ко мне:

— Только, Мирослава Витальевна, раз уж вы решились за это взяться, то это надо делать максимально быстро.

И перечислили, и написали список медикаментов, которые не продаются у нас в России, но уже зарекомендовали себя самым лучшим образом в других странах.

И с этого разговора, после совещания с врачами, начались мои безумные сутки.

До поздней ночи, сидя в углу больничного холла за выделенным мне небольшим столиком, разложив перед собой бумаги и органайзер, я обзванивала нужных людей, договаривалась, принимала решения, стыковала контакты, брала официальные документы на ввоз препаратов в страну у главврача...

В перерывах между переговорами несколько раз заходила к Максиму и дежурившей возле него бабушке и проводывала всех Калининых.

Ночью помчалась в аэропорт встречать родителей и сестру Алексея, по дороге разъяснив им, какова ситуация на данный момент, и отговорив сразу мчаться в больницу, отвезла их в квартиру Калининых, заскочила к себе домой и поспала часа два.

Ранним утром встретила на железнодорожном вокзале мать Наташи, отвезла ее туда же, к Калининым домой, и помчалась в аэропорт встречать самолет из Израиля, с которым мне передали некоторые препараты из списка. Таможня, документы — назад в больницу. Отдала лекарства врачам, посидела полчаса с Максимкой, рядом с ним, на «посту», уже находилась Шура Петровна, сменившая маму утром. Рассказала сыну про Тему и его родителей, не все, разумеется, чтобы не волновать его излишними подробностями, подбодрила, пообещав, что с ними все будет в порядке.

А вот Берестова я уже не застала, его успел увести Виктор, но он позвонил мне сам, когда я опять ехала в аэропорт. Я удивилась редкой мелодии, раздавшейся с моего смартфона, обозначавшей, что меня добивается неизвестный абонент. Нет, понятно, что это не такая уж редкость: не все звонившие мне люди обозначены под своими мелодиями, но сегодня?..

— Привет, — услышала я голос Берестова, когда ответила.

И удивилась, и только сейчас сообразила, что мы с ним не обменялись номерами телефонов, другим были заняты, видимо, слишком активно, вот и забыли. А где он мой-то номер взял?

Но не суть важно, у Невельской, скорее всего, спросил или у Игоря.

— Привет, — отозвалась я.

— Слышал, ты начала кампанию по спасению своих друзей, — скорее утвердил, чем спросил он.

— У Лешки почти нет шансов, врачи и так считают чудом, что он до сих пор жив, а Наташа с Темкой очень тяжелые, надо что-то делать, — объяснила я.

— Надо, — согласился он. — Помощь нужна? У меня есть хорошие знакомые в этой области в Германии, в Америке, если надо, то и на другие страны выход найдем.

— Спасибо, — от души поблагодарила я. — Пока справляюсь, если врачи что-то еще придумают, я обязательно к тебе обращусь, не постесняюсь. Им сейчас всевозможные препараты и средства потребуются, но больше всего, конечно, чудо. — Поинтересовалась: — Ты-то сам как?

— Да нормально, — отмахнулся он. — Что мне сделается. Лежу, ленюсь.

— Лежи, тебе восстанавливаться надо! — поддержала я правильное времяпрепровождение и быстро попрощалась. — Ну все, пока, мне тут звонок по второй линии из авиакомпании.

Со второй посылкой с медикаментами целая история получилась: мне ее отдавать таможенники не хотели, утверждая, что это контрабанда, и даже протоколец собрался оформлять и изъятие.

Ох, это они погорячились!

Мне как раз вот уже сутки как требовалось на кого-то пары выпустить, ой, как надо было, да так, чтобы пробрало!

Ну что ж, господа таможенники? Побуцкаемся? Как насчет дебатов с одним из ведущих адвокатов по международному праву этой страны? Вы, кажется, из меня взятку вымогаете? И по-ле-те-ли таможенные клочки по закоулочкам их родного аэропорта. Оторвалась я от души!

И еще полчаса, когда возвращалась назад в больницу, чувствовала, как полегчало немного, и прямо какой-то прилив новых сил появился.

Это были последние относительно спокойные полчаса этих нескончаемых сумасшедших суток, посвященных борьбе за жизнь моих друзей.

Мои самые именитые и самые тяжелые клиенты, которых не могли «отшить» от меня ни Игорь, ни тем более Олег, как сговорились звонить один за другим и капризничать, и требовать немедленного личного общения с ними и решения всех их очередных проблем. Мне приходилось выслушивать, уговаривать, откровенно врать, что прямо сейчас не могу, нахожусь во Франции, Германии, Швейцарии, хрен знает где — на Северном полюсе, и прикрываться именами еще более значимых по сравнению с ними людей, намекая, что общаюсь в данный момент с этими важными персонами.

А когда я вернулась в больницу, оказалось, что Наташе стало хуже, и ее увезли на операцию, и было бы неплохо, если бы ее посмотрел известный профессор нейрохирургии. И я звонила этому профессору и уговаривала его, и мчалась через всю Москву, чтобы привезти его с дачи, где он отдыхал с семьей.

А через час у Алексея остановилось сердце, и его срочно реанимировали, и тоже повезли в операционную, и мы с мамой и Маргаритой Валентиновной, сменившими Шуру Петровну, разрывались, метаясь между палатой Максимки и дверьми двух операционных, ожидая результатов.

Наташу вывезли после операции, не давая никакой гарантии на улучшение. И я снова повезла профессора, сначала в его клинику, где он вручил мне какие-то суперкатетеры, черт их знает, и что-то еще, я так и не поняла, и снова к нему на дачу, доставить светило в лоно семьи, и назад в больницу.

В тот момент, когда привезла медицинские инструменты, переданные светилом, то в операционную доставили уже Темку, а Алексея, пока еще живого, вернули в палату. Теперь дежурили у операционной и в палатах, где лежали Калинины, их родственники, а мы с мамой бегали узнавать, как дела. Я почти не посидела с Максимом, забегая лишь на несколько минут, но он большую часть времени спал, находясь под действием препаратов. Мама все старалась покормить меня и уговаривала отдохнуть:

— Ты вторые сутки, на ногах, практически не спала, почернела вся от переутомления! — выговаривала она мне громким шепотом в больничном коридоре. — Два часа ночи уже, езжай домой и выпишись! И поешь нормально! Там Шура тебе все приготовила! Все, Слава, ты сделала, что могла, остановись, а то надорвешься!

— Ладно, — потерла я лицо ладонью, пытаюсь содрать усталость, словно прилипшую паутину. — Сейчас дождусь, когда у Темки закончится операция, и поеду отдыхать.

— И не рвись сюда завтра с утра! — предупредила мама. — Мы с девочками распределили дежурство, так что Максим будет присмотрен и накормлен. А ты отдохни!

Хорошо бы.

Темку привезли из операционной в палату и сказали, что надо ждать утра, там ясно станет, как идут дела. Теперь с Калиниными находились их родственники, да и мама с подружками взяли над ними шефство, а я на самом деле должна была немного отдохнуть.

Я еле доехала домой, меня уже тошнило от руля и бесконечной дороги. Ноги дрожали, руки налились свинцовой тяжестью, голова гудела. В каком-то полузабытьи я смогла принять душ и, уже ничего не соображая, доползти до кровати и провалиться в сон.

И проснулась еще до семи утра, совершенно неотдохнувшей, разбитой, усталой, чувствуя непонятное беспокойство, словно забыла о чем-то важном. О чем?..

И тут меня осенило! А ведь Берестову могли сказать в больнице фамилию и возраст Максима, и тогда он точно сопоставил факты и уже все понял!

Нет, подумала я, он бы не ограничился дружеским звонком и любезным предложением помощи, не тот это дядечка, чтобы отмалчиваться и не спросить напрямую, желая разобраться во всем до конца! Он для выяснений и приехать бы сподобился, можете не сомневаться, хоть сто раз у него там слабость и потеря крови!

Все! Откладывать этот разговор больше нельзя! Я ему очень много задолжала в жизни и обязана сама, лично, отдавать эти долги!

Постанывая, я села на кровати, заставив себя сделать следующие усилия: подняться и потащиться в ванную комнату, принять контрастный душ.

Выпив две чашки крепкого горячего кофе, я уговорила себя что-то поесть, потом собралась и остановилась посреди комнаты, продумывая некоторые детали предстоящего непростого разговора, а обдумав, взяла несколько фотоальбомов с фотками Макса и два диска с домашним видео, которое мне в прошлом году смонтировали очень талантливые ребята. Может, пригодится. Если разговор получится, а если нет... тогда нет.

И уже на выходе задержалась, пару минут постояла, сомневаясь, но взяла и еще одну вещь.

По дороге я позвонила в больницу и узнала, как там обстоят дела. Пока без изменений. Иногда без изменений — это тоже хорошо! Леша все еще жив, и это уже большая победа! Максимка изводит наших трех дам шутками и попытками отправить их домой. Ну пусть. Веселись, сынок!

Я говорила и никак не могла понять, что мне мешает, неудобно почему-то, и только убирая телефон в сумку, поняла, что волосы. У меня длинные волосы, ниже лопаток, и я всегда укладываю их в прическу, даже на ночь заплетаю в косу, и никогда не хожу с распущенными волосами, а сегодня даже на это сил не нашлось, я просто их расчесала и перекинула на грудь через левое плечо. Я усмехнулась: даже макияж полный не сделала, так, совсем немного оттеночных прозрачных теней и туши нанесла, да и оделась в таком легком загородном стиле — свободные брюки, полуспортивные ботинки с высокими бортами, тонкий свитер и короткая куртка, а к мужчине собралась! Да еще для такого непростого объяснения! Нет бы при полном параде, как в защитной броне!

Да на фиг! Без брони обойдемся, справлюсь!

— В гостипустишь? — спросила я, забыв поздороваться, когда он ответил на мой звонок.

— Ты где? — спросил Берестов.

— У ворот твоего дома, — оповестила я о своем прибытии и нажала отбой.

Я услышала, как отворилась входная дверь дома, потом его шаги по лестнице и по дорожке, прогремел открываемый замок, и калитка распахнулась.

— Проходи, — пригласил он.

А я мимолетно подумала, как заботливая жена прямо, зачем он вышел на улицу так легко одетым. И одернула себя за неуместную заботу. А еще, от нервов, скорее всего, как-то отстраненно отметила, что на нем дорогой спортивный костюм известной английской фирмы — широкие брюки, футболка и куртка. Я на такой как-то засмотрелась в Лондоне, хотела Макс купить, да его размера не было. Помню, очень тогда расстроилась, так мне этот костюм понравился, и я мысленно его уже видела на сыне, да и расцветки такой, как сейчас на Берестове, в бутике не было — светло-серой, жемчужной.

Так вот шла за ним в дом и думала о такой ерунде! Точно, от переутомления крыша-то моя понемногу сползает!

— Проходи, — еще раз пригласил Берестов, закрыв за собой дверь, помог мне снять куртку, придерживая ее сзади, повесил в стенной шкаф и подтвердил приглашение жестом руки, указав вперед.

Я вошла в знакомую мне по прошлому посещению большую, просторную гостиную и осмотрелась. Увидела на диване подушку и плед с откинутым на спинку краем, рядом на журнальном столике какую-то книгу с торчавшей из нее закладкой, пульт от огромной плазмы на противоположной стене, еще один пульт неведомого мне назначения, большую кружку, а рядом с ней бутылку с минеральной водой и банку с гранатовым соком.

— Присаживайся, — предложил он и, обойдя меня, подошел к дивану, взял плед и принялся его складывать.

— Нет-нет, — попыталась я его остановить. — Не убирай, тебе надо лежать.

— Я уже належался, — не прерывая своего занятия, отказался он от такой заботы.

Сложив плед, он вместе с подушкой переложил его в другой, дальний угол дивана и повторил приглашение, указав на кресло, стоявшее рядом, боком к дивану.

— Присаживайся.

И сам сел на диван. Я поколебалась полминуты. Мне надо было видеть его лицо во время разговора. Прямо видеть, а не сбоку, в глаза смотреть.

— Как Максим? — спросил он, не заметив моего небольшого замешательства.

— С ним все нормально, смешит бабушку и ее подруг, — ответила я и села в кресло, но только боком, на самый край, чтобы все-таки видеть его глаза.

— Молодец, — похвалил Берестов и спросил: — Кофе, чай будешь? Или вина? Мне по секрету врачи порекомендовали принимать в день бокал хорошего сухого красного вина.

— Нет, — покрутила я отрицательно головой. — Я за рулем, а кофе больше не могу.

И мы оба замолчали, испытывая некую неловкость момента.

Я не знала, как начать разговор, хотя и готовилась по дороге, и придумывала правильные, четкие фразы, а вот застряла, а он, не понимая причину моего внезапного появления, лишь строил догадки, и его это непонимание напрягало.

— Так, может, останешься? — решился предложить он, заодно проверяя свою версию о цели моего визита.

От неловкости и маетности я медленно заправила волосы за ухо, собралась с духом и посмотрела ему в глаза.

— Ты не за этим приехала, да? — уловил Берестов мое напряжение и совсем иной настрой, весьма далекий от любовной волны.

— Да, — подтвердила я его догадку и нервным жестом снова заправила выбившуюся прядь волос за ухо. — Мне надо тебе кое-что рассказать, объяснить.

И замолчала, сложила ладони вместе, наклонилась вперед, облокотившись на ноги, чтобы быть еще ближе к нему, видеть выражение его лица. Берестов сидел, откинувшись на спинку дивана, положив левую руку на подлокотник, внимательно смотрел на меня и ждал обещанного объяснения.

— Ты несколько раз говорил, что я тебе кого-то напоминаю, — вступила я в эту «воду», неотрывно глядя в его глаза, стараясь произносить слова четко и медленно. — Может, я тебе напоминаю саму себя. Когда-то давно ты знал меня как Славу Огневу.

— Этого не может быть! — резко сказал он и посуровел лицом.

И от него будто повеяло холодом и опасностью, я даже отстранилась и села ровно, положила правую ладонь на кресельный подлокотник, немного сжав его пальцами для поддержания духа.

— Может. Тогда я красила волосы в радикально черный цвет...

— Я бы заметил и понял, что это не твой цвет волос, тем более... — перебил он меня почти неприязненным тоном.

— Я понимаю, о чем ты, — перебила теперь я. — Но каждую пятницу перед нашей встречей я подкрашивала корни волос и брила нижние волосы, чтобы ты не догадался, что я блондинка. Я сначала попыталась их красить, но ощущения, скажу тебе, были непередаваемые! — попыталась пошутить я.

— Зачем? — не принял он шутки, все еще не веря мне до конца.

— Во-первых, я тебе понравилась именно с такой прической, а во-вторых, мне казалось, что так я выгляжу старше и соблазнительнее, что-то вроде роковой брюнетки. А мне очень хотелось тебе нравиться во всем, я даже клеила смывные татушки на голый лобок, чтобы придать себе еще большую сексуальность.

Он смотрел на меня напряженно еще несколько секунд, а потом выражение его лица начало меняться с отстраненного, холодного и сурового на удивленное и суровое: он поверил и даже головой, поражаясь, покрутил, и неосознанным растерянным жестом провел пальцами по брови.

— Но это слишком какое-то радикальное изменение, ты совсем другой человек, — Берестов снова покрутил головой от удивления. — А где твои шрамы?

— Мне убрали их в лондонской клинике пластической хирургии много лет назад, — ровным тоном, как учительница, объясняющая урок, пояснила я.

— Поэтому ты тогда так испугалась, когда натолкнулась на меня здесь? — продолжал он с нарастающим интересом. — У тебя было такое выражение лица, словно ты привидение увидела и перепугалась насмерть.

— Да. Я сразу тебя узнала, и это было для меня шоком, — подтвердила я.

— И поэтому ты не захотела продолжить наши отношения? — уже другим, более заинтересованным и глубоким, но все еще холодным тоном спросил Берестов.

— И поэтому тоже, — кивнула я. — Одноразовая встреча, какая бы она замечательная ни получилась, еще позволяла мне оставить свои узнавания при себе, но если бы мы стали встречаться регулярно — это уже совсем иная история, и я не могла бы скрывать от тебя правду.

— Понятно, — сдержанно согласился Берестов с таким аргументом и замолчал, задумавшись.

Что тут добавишь? Он же понимал, что с моей точки зрения он бросил меня, ужасно обидев, когда «уехал в Америку», с какой такой доброты душевной я должна делать какие-то признательные заявления или вступать в отношения с ним, имея за спиной опыт той боли, что он мне доставил. Даже после того, как он мне все объяснил, не подозревая, кому объясняет.

— Но это не единственная причина, по которой я отказалась от наших дальнейших встреч, — я запнулась, помолчала, собравшись в последний раз с духом, и, посильнее сжав пальцами подлокотный валик, наконец, произнесла самое главное: — Есть и другая. Дело в том, что Максим твой сын.

— В каком смысле? — не понял вот так сразу столь неожиданного заявления Берестов.

— В прямом. В том смысле, что ты его отец, — пояснила я.

Он так напряженно, так внимательно рассматривал выражение моих глаз и вдруг резко встал, обошел диван, и подошел к высоким стеклянным дверям, выходящим на задний двор, находящимся чуть в стороне за диваном, засунул руки в карманы спортивных брюк и молча смотрел куда-то вдаль, явно не красотами природы любуясь. Я не мешала ему, лишь поднялась и пересела на широкий подлокотник кресла, чтобы лучше его видеть, и смотрела в его закаменевшую от напряжения спину.

— Значит, ему шестнадцать? — не поворачиваясь, оставаясь в той же позе, спросил Берестов.

— Да, в августе исполнилось, — подтвердила я.

— А я тогда в больнице его и не видел, он был весь укрыт и врачи загораживали. Я думал, что он маленький, что он ребенок твоего мужа.

Я не ответила. Берестов помолчал какое-то время, так и продолжая стоять, весь натянутый, как струна, и смотрел куда-то вдаль.

— Максим знает, что я его отец? — спросил он сухим, напряженным голосом.

— Нет.

— А он знает, что Русаков не был его родным отцом?

— Да, мы никогда этого от него не скрывали, — поясняла я реалии нашей с сыном прошлой жизни. — Наоборот, Роман Олегович настаивал, чтобы мы объясняли ребенку, что он не его отец.

— Он его усыновил?

— Нет. Мы с ним оформили совместную опеку над ребенком, но Максим носит мою девичью фамилию, Огнев.

Молчание. Напряженная, окаменевшая спина.

— Русаков знал, что я его отец?

— Нет. Он не знал, кто отец Максима. Делая мне предложение, он только спросил, не является ли отцом моего ребенка студент нашего института. Я ответила, что нет, его отец эмигрировал в другую страну, не называя твоего имени. Больше он никогда меня об этом не спрашивал. А документы на опеку оформляла я.

Молчание. Взгляд вдаль, в никуда и сведенные мышцы спины.

— Документы... — повторил он за мной. — А в графе «отец» в его свидетельстве о рождении прочерк?

— Нет. В свидетельстве ты записан его отцом.

Он никогда не скрывал от меня своих документов, его паспорт частенько лежал на тумбочке возле факса, и я могла свободно его изучать и точно знала все его данные, да и Сергей сам несколько раз мне его показывал, посмеиваясь над своей фотографией, уж больно серьезным он там получился и выглядел старше. Поэтому, когда меня спросила в загсе полная строгая дама с уставшим лицом: «Что будем ставить в графу «отец»?» — я по молодости и наивности и не поняла, что она имеет в виду прочерк или формулировку «неизвестен», и продиктовала все его данные, в полной уверенности, что так и надо. А нужно ли это самому господину Берестову, я как-то и не подумала.

— Максим когда-нибудь обо мне спрашивал? — не меняя позы и напряженности голоса, спросил он.

— Да. В семь лет, когда пошел в школу, он однажды спросил, где его настоящий папа. Я сказала ему правду, что его папа живет в другой стране и не знает, что у него родился сын.

А еще мой маленький сыночек спросил меня:

— А если бы он знал, что я у него есть, он бы меня любил?

— Конечно! — заверила я его. — Если бы он знал, какой у него замечательный сыночек родился, он бы очень любил тебя. Больше всех на свете.

Максимка подумал над моими словами, кивнул и убежал по своим важным мальчишечьим делам. А где-то через полгода он спросил меня, а в какой другой стране живет его папа. Вон у Миши папы совсем нет, он умер, а взрослые ему говорят, что он на небесах, в другой стране, и его папа тоже в этой стране?

— Нет, что ты, — успокоила я его вымыслы, — твой папа живет в стране под названием Америка.

И показала ему на глобусе и в большом атласе, где находится эта страна, и он водил по ней своим маленьким пальчиком и читал названия городов. Больше меня об отце он никогда не спрашивал.

— А Русаков... — начал вопрос Берестов и запнулся, подбирая правильные слова, вытащил руки из карманов брюк и сложил их на груди. — ...Он был ему хорошим отцом? Он его не обижал?

— Я бы никогда и никому не позволила обидеть моего сына, даже намеком, — четко, с нажимом на каждом слове произнесла я сухим тоном, но, увидев, как еще больше напряглись мускулы на его спине, резко изменила тон на более спокойный и объяснила: — Роман Олегович не стал для него отцом в прямом понимании этого определения. Он никогда не проявлял к Максиму отцовской нежности, никогда не обнимал, не целовал по-отцовски, не гладил по головке. Но он уважал мальчика, еще с трех Максимкиных лет, и у них сложилось что-то вроде мужской дружбы. Он был для него скорее наставником, старшим товарищем, учителем, хотя Максим и называл его папа Ромолег. Впрочем, это всегда являлось основной и любимой ипостасью Романа Олеговича — быть наставником и преподавателем. Они вместе

занимались спортом, вместе читали, играли в шахматы, гуляли и общались; Роман Олегович не забывал его хвалить за достижения и никогда не ругал за провалы...

На меня внезапно и без всякого предупреждения навалилось такое бессилие, словно придавило непомерной тяжестью все тело, и я замолчала, чувствуя, что больше не способна продолжать этот непростой разговор. Я прикрыла глаза, опустила голову, сильно потерла лоб рукой, чтобы хоть немного взбодриться, заправила упавшие вперед волосы за ухо, а когда подняла голову, обнаружила, что Берестов повернулся и внимательно меня рассматривает, продолжая держать руки скрещенными на груди.

У него было странное, нечитаемое выражение лица, какое-то замкнутое и еще более посуровевшее.

— Послушай, — опустевшим, потухшим голосом сказала я. — Я смертельно, зверски устала, спала не больше трех часов и большую часть суток провела за рулем. Я не могу сейчас ответить на все твои вопросы. Я не в состоянии что-то анализировать, объяснять, копаться в прошлом. Я понимаю, что тебя эта новость шокировала, и даже приблизительно не представляю, что ты сейчас испытываешь и о чем думаешь. Тебе придется разбираться с этим самому. Мне надо поспать хотя бы часа два и ехать в больницу.

Я развернулась, взяла свою сумку, лежавшую у меня за спиной на кресле, достала оттуда альбомы с фотографиями и диски и положила на журнальный столик.

— Вот. Если тебе интересно, здесь фотографии Максима, а это диски с домашним видео. На том, что под номером один, его детские годы от рождения до восьми лет, а на втором — с восьми и далее. Мне их смонтировали профессионалы, перекинув все со старых пленок и записей, и каждый эпизод отмечен поясняющей страницей, что за событие снято. Хочешь, посмотри. А я поеду.

— Нет! — приказным, жестким тоном ответил он, словно хлестнул.

Меня аж передернуло от его голоса, и я потянулась за дисками и альбомом убрать их обратно в сумку, не сводя с него взгляда и чувствуя острую, кольнувшую боль в груди от этого его решения!

— «Нет» относится к тому, что ты никуда не поедешь, — строго объяснил он свой отказ, заметив мои движения и эмоции, отразившиеся на моем лице: — Я тебя никуда не пущу в таком состоянии.

И двинулся ко мне, подхватил под руку, помогая встать:

— Идем. Я провожу тебя в гостевую комнату. Там поспишь. Столько, сколько понадобится для твоего нормального отдыха.

— Столько мне нельзя, — не сопротивляясь, шла я вместе с ним. — Мне в больницу надо.

— Твое присутствие там уже ни на что повлиять не сможет. А Максим, как я понял, под надежной опекой.

У меня не было сил даже на то, чтобы возражать. Если бы не он, я бы вообще не смогла дойти до этой чертовой гостевой комнаты и уж тем более найти ее. Мы вышли из гостиной в коридор, из которого поднялись по лестнице на второй этаж, и Берестов довел меня до места. Все эти передвижения я помнила уже смутно, а когда садилась на кровать, то уже спала.

Я проснулась, и первым моим чувством было ощущение какого-то умиротворяющего спокойствия. Оно было для меня настолько странным и новым, что я позволила себе несколько минут просто полежать и посмаковать это чувство. А открыв глаза, обнаружила, что нахожусь в большой кровати, в незнакомой мне комнате, и кто-то заботливо снял с меня ботинки, уложил и укрыл покрывалом.

Я сладко потянулась и позабыла опустить руки, мгновенно вспомнив, где, в чьем доме нахожусь и что привело меня сюда, и весь нелегкий, трудный разговор, состоявшийся совсем недавно. Пришлось быстро вскочить с кровати, заправить ее, обуться, выйти в коридор и, осмотревшись, найти умывальную комнату, чтобы привести себя в надлежащий вид, насколько это было возможно в предлагаемых обстоятельствах.

Я спустилась по лестнице и пошла на звуки отдаленного веселья, смеха и детских восторженных визгов и, пройдя по коридору до арки, ведущей в гостиную, замерла, пораженная увиденным.

Берестов, весь погруженный в просмотр видео, даже не заметил меня — выражение его лица было напряженным и глубоко печальным, и в глазах посверкивали непролитые слезы. И это был настолько личный, интимный момент его внутренних переживаний и непростых мыслей, что не только вторгаться к нему сейчас, но и подсматривать казалось кощунственным и даже неприличным.

Я осторожно сделала несколько шагов назад, вернулась к ступенькам, максимально тихо поднялась на половину пролета и начала спускаться заново, стараясь предупредительно погромче топтать, и прокричала:

— Ау! Куда мне идти?

Звуки видеозаписи резко оборвались, и он прокричал в ответ:

— Налево и прямо!

— Привет, — вошла я вторично в гостиную. — Долго я спала?

— Почти четыре часа, — не окрашенным эмоциями голосом сообщил Берестов, а я чуть не подскочила на месте.

— Мне в больницу надо!

— Не надо, — поднявшись с дивана, пошел он ко мне навстречу. — Я дважды туда звонил. Первый раз по моей просьбе мне позвали к телефону твою маму, и она подробно меня обо всем проинформировала. Второй раз мы разговаривали с ней пятнадцать минут назад.

Он остановился напротив меня, сунул привычно руки в карманы и дал полный отчет:

— Алексей еще жив. Доктора говорят — это чудо. Наташа еще в коме, но общее ее состояние значительно улучшилось, у Артема тоже есть улучшения. Максим по большей части спит, у него все в порядке, и бабушки сменяются возле него вахтовым методом: поят, кормят и балуют. Ты вполне можешь сегодня отдохнуть и никуда не ездить.

— Могу, — кивнула я, — только домой доберусь.

— Зачем? — тем же голосом без эмоций полюбопытствовал он.

— Чтобы отдохнуть там, — разъяснила я, с моей точки зрения, вполне убедительно.

— Отдохнуть ты можешь и здесь, — не меняя позы и тона, не согласился он с таким аргументом. — И гораздо лучше, чем дома. Пока ты спала, приезжала моя домработница и наготовила нам с тобой целый торжественный обед. Сейчас накроем стол, поедим, выпьем рекомендованного врачами вина.

Никакого подтекста и намека на иное времяпрепровождение, кроме проявления некоторой заботы, я в его словах не уловила. Ладно, подумалось мне, ему, наверное, хочется еще о многом меня расспросить или... не спрашивать вообще. Я так и не поняла, как он отнесся к известию о своем отцовстве, обрадовался или это его напрягло, став неприятным сюрпризом.

— Поесть — это очень здорово, я ужасно голодная! — бодренько согласилась я.

Мы, не сговариваясь, принялись накрывать обед на журнальном массивном столике у дивана, переносили все из кухни и почти не разговаривали, лишь перекидывались вопросами по поводу сервировки стола, предпочтения блюд и вина. А когда сели рядом, Берестов налил нам обоим немного вина в бокалы и коротко сказал:

— За выздоровление Максима и твоих друзей.

Чокнулись, отпили по глотку и в полном молчании приступили к трапезе. Несколько минут так и прошло, пока меня это молчание до такой степени не задавило, что, не выдержав, я по-пионерски бодро, почти весело, не спросила:

— Ты что-то смотрел? — указав рукой с зажатой в ней вилкой на экран плазмы, по которому плавала заставка ожидания включения видео.

— Да. Диски, что ты привезла, — так и не придав эмоциональности тону, ответил Берестов.

— Ну, включай, я тоже посмотрю, давно его не пересматривала! — продолжала бодриться я.

Поколебавшись пару секунд, он все же взял пульт и включил. На экране замельтешили дети, взрослые, крупный план наехал на счастливую, перемазанную кремом от торта рожицу маленького Максимки.

— А, — принялась объяснять я, — это его день рождения. Пять лет. Мы тогда в Лондоне жили, и это дети из спортивного клуба, где он плаванием занимался. Мне пришлось напрячься, чтобы соблюсти все традиции и правила англичан по проведению детских праздников. Я про них ни фига не знала, думала, мы просто в кругу семьи отметим, а меня мамыши подловили накануне в бассейне и предупредили, что придут. Так я всю ночь готовилась, что-то выясняла, соседок своих замучила расспросами. Но получилось очень здорово. Правда, сынок мой умудрился так объесться сладостями, что пришлось делать промывание желудка.

Берестов слушал мои воспоминания, ел и смотрел телевизор, и понять по его лицу, что он думает, было невозможно. Он взял бокал, отпил пару глотков, откинулся на спинку дивана и продолжал молчать. Картинка сменилась следующим сюжетом.

— А это, — улыбалась я, — там же, в Лондоне. Он на соревнованиях самой младшей группы по плаванию победил, а когда ему вручали приз, — вон, видишь, у него на плавках лопнула резиночка, и он одной рукой держит кубок, тяжелый, а другой плавки, и все кренился от тяжести набок, а я снимаю и кренюсь вместе с ним. Потом пришел, ужасно недовольный, сунул мне в руки приз и, так по-стариковски надувшись, сказал: «Позора с тобой, мамочка, не

оберешься, купила ты мне плавки дурацкие!» И я все боялась рассмеяться, чтобы он совсем уж не обиделся. Специально по-русски сказал, чтобы никто не понял, обычно он со мной в Лондоне только по-английски говорил.

— Он на меня похож, — неожиданно произнес Берестов сдержанным тоном, без всяких модуляций.

— Похож, — подтвердила я, развернувшись к нему. — Ты только начал смотреть?

— Нет. Я уже просмотрел все записи один раз.

— Тогда, наверное, заметил, что сейчас, с возрастом, он стал еще больше на тебя походить. Не полная копия, что-то ему и от меня перепало, но основные черты твои, как и фигура. Он уже на голову выше меня, а ему всего шестнадцать.

— Ты обо мне вспоминала? — вдруг спросил он и запил этот трудный для него вопрос глотком вина.

Я отвернулась от него, тоже сделала глоток вина, помолчала, посмотрела на экран и все же ответила:

— Мне непросто было бы тебя забыть, как бы мне этого ни хотелось тогда. У меня перед глазами каждый день находился сын, который не давал мне такой возможности. Он двигается, как ты, так же любит засовывать ладони в карманы брюк, он хмурится, как ты, и так же сосредоточен, когда что-то делает, и говорит с твоими интонациями, и жесты у вас одинаковые. Он даже спит, как ты, на спине, закинув руки за голову и переплетая их так, что пальцы правой ладони лежат на лбу. Со временем я перестала замечать эту похожесть, воспринимая сына как отдельную яркую личность.

— Я не стану извиняться за то, что произошло тогда, — жестко сказал Берестов и «наехал», повысив голос: — Почему ты не сказала мне, что беременна?

— Я не знала, — пожала я плечами. — Я узнала об этом через несколько дней, после того как мы расстались.

Он взял меня за руку и повернул к себе, чтобы видеть мое лицо.

— Как можно было этого не знать, по моим прикидкам у тебя тогда было уже два месяца беременности?! — первый раз за вечер проявил сильные эмоции он. И главенствовало в этих эмоциях на данный момент клокочущее возмущение.

— Ну вот так, не знала! — ответно напрягла я голос. — Мне было семнадцать лет, и я дунька была полная! Никаких симптомов я не чувствовала, а об остальном и не думала, я вся в любви находилась! Меня первый раз стошнило в тот день, когда мы расстались.

— Черт! — выругался Берестов.

А я даже порадовалась, а то эта его замкнутая отстраненность и неприязненная холодность начали меня уже сильно напрягать и раздражать.

— Но ты сохранила ребенка, несмотря на то, что была совсем молодая дунька, как ты говоришь.

— Слушай! — осторожно, чтобы не разбить, поставила я бокал на стол — так меня проняло, что аж руки от злости задрожали, — и снова развернулась корпусом к нему. — Если для тебя твое отцовство такая неприятная проблема, то я тебя успокою! Надеюсь, ты понимаешь, что нам с Максимом ничего от тебя не нужно, мы прекрасно обходимся без тебя и так же прекрасно будем обходиться и впредь! Я просто посчитала, что обязана тебе об этом сказать, но это совершенно не значит, что ты нам что-то должен и вынужден как-то участвовать в жизни Максима. Обещаю тебе, что больше мы никоим образом не станем проявляться в твоей...

Он резко притянул меня к себе так, что я просто упала на него, и прервал мою пламенную речь поцелуем, сильно прижав к своей груди одной рукой. А я так злилась, что не отвечала на его поцелуй... ровно три секунды, и прижалась к нему сама, и обняла, хотя было очень неудобно, и отдавалась его властному, немного наказующему поцелую, как в последний раз в жизни.

— Зачем это?.. — пролепетала я, несильно хорошо соображая, когда он прервал это чувственное наказание.

— Почему ты не сделала аборт? — глядя мне близко в глаза, спросил он. — Ведь это был самый лучший для тебя выход в той ситуации и самый логичный.

— Я этот вариант даже не рассматривала, — я предприняла попытку освободиться из захвата его руки и увернуться от этого прямого взгляда, но он не отпустил, пришлось давать расширенное объяснение: — Когда я осознала тот факт, что беременна, я сразу поняла, что ни за что не избавлюсь от твоего ребенка. И не потому, что надеялась когда-нибудь с тобой встретиться. На тот момент я тебя вычеркнула из своей жизни, ты словно умер. Но при этом я прекрасно осознавала, что от таких мужчин, как ты, аборт не делают.

— Кто-то делает, — намекнул он на свою бывшую жену, а может, и еще на кого-то.

— Ну, это их проблемы, и им за это расплачиваться.

Он сильно прижал мою голову к своему плечу, придерживая большой горячей ладонью, поцеловал в волосы, прижался к моей голове щекой и чувственным, проникновенным голосом, чуть покачиваясь вместе со мной, сказал:

— Я тебе так благодарен, Славка! Так благодарен! За то, что ты не избавилась от ребенка и родила моего сына.

— А я тебе — за то, что ты дал мне такого замечательного сына, и за то, что спас ему жизнь! — отозвалась я.

Мы посидели так, крепко обнявшись, чуть раскачиваясь, переживая каждый свое, глубоко личное. Он отстранил меня от себя, совсем отстранил, заглянул мне в лицо и, снова становясь жестким и суровым, спросил:

— А если бы не случилась эта авария, ты бы мне так и не сказала?

— Я не хотела говорить. Очень не хотела. Долго думала, размышляла, как лучше для Макса, но именно в тот день, за несколько часов до аварии, решила, что должна сказать вам обоим, что я обязана это сделать, как бы мне лично это и не нравилось, — честно призналась я.

— А откуда ты узнала, какая у меня группа крови?

— Я не знала, доктор сказал, что если у меня вторая отрицательная, а у сына четвертая

отрицательная, то сто процентов, что у его отца четвертая. Вот я и рванула к тебе.

— Расскажи мне о нем, — смягчив тон, попросил Берестов.

Я села ровно, снова развернувшись к столу, задумалась, как и что рассказывать человеку о шестнадцати годах жизни его ребенка, о котором он только что узнал. Как?..

— Знаешь, — предложила я, — если тебе еще не надоело это видео, давай посмотрим, а я буду тебе рассказывать.

— Не надоело и еще долго не надоест, — заверил Берестов и тоже сел прямо. — Хорошая идея, только начни сначала, с того, как он родился.

И я начала. Несколько часов подряд мы смотрели нашу домашнюю видеохронику, и я комментировала, и рассказывала всякие забавные истории про Максимку, получалось, что и про себя. Несколько раз мы останавливали запись, убирали со стола, накрывали его заново, Берестов подливал нам вина, больше мне, сам ограничившись тем самым рекомендованным бокалом, но и я выпила ненамного больше его, звонили в больницу, узнавали новости, мама требовала, чтобы я даже не думала приезжать, а как следует отдохнула. Она пока не поняла и не догадывалась, что Берестов отец Максима. Тоже еще предстоит мне объяснение! Охо-хо!

А поздно вечером я попросила тайм-аут.

— Все, хватит на сегодня, — сказала я, останавливая запись.

И что дальше? Тут же влет подумалось мне.

По логике всем отбой: Берестову восстанавливаться надо и слабость у него, мне отдыхать, как наставляла мама, да и интимность вроде бы не укладывалась в этот новый для нас обоих расклад.

Вроде бы? Ситуация, скажем прямо, неоднозначная.

Одно дело, когда мы занимались любовью в прошлый раз, подразумевалось, что мы не были знакомы ранее и что это ничем не обремененная физическая близость двух взрослых свободных людей, которые и встречаются-то лишь ради хорошего секса, без каких-либо обязательств. Другое дело сейчас: я девушка из его прошлого, мать его сына, и, судя по настрою Берестова, в жизни сына он собирается принимать участие, по крайней мере, обозначиться в ней как отец.

А вот на этом месте извини-и-ите. Пардоньте-с получился.

Легкие незатейливые отношения, просто секс с матерью его сына как-то в этот расклад не укладываются, вроде как серьеозом пахнет. А кому он нужен, этот серьеоз? Уж точно не Берестову, да и мне незачем. А по-другому не получается: позанимались любовью и разбежались — «Ну, пока, до выходных! А, кстати, когда там у Максима каникулы, или соревнования, или иное событие...» — и до следующего сеанса любовных утех. Так, что ли? Вот именно, не монтируется как-то.

— Пойду я спать, — сообщила о своих намерениях я и тактично поинтересовалась у хозяина: — Можно мне занять ту же комнату?

— Разумеется, — подтвердил он свое гостеприимство и расширил предложение: — Там еще

несколько комнат на втором этаже, посмотри, может, тебе какая-нибудь другая понравится.

— Спасибо, меня вполне устроит та, где я уже спала, — шаркнула ответно ножкой политеса я.

— Ну, что, спокойной ночи?

— Спокойной ночи, — ровным тоном пожелал он и спросил: — Дать тебе что-нибудь? Футболку, рубашку? Ты вроде как не экипирована для ночного сна.

Это он правильно заметил. Спать голышом я не привыкла — все-таки сын взрослый со мной живет, а спать в белье неудобно: за ночь бюстгальтер так надавит и натрет — пожалеешь, что вообще имеешь грудь. Ну, а вариант спать в свитере не рассматривается. Я согласилась на футболку.

Я проснулась посреди самой глухой ночи.

Было темно и совсем не по-городскому торжественно и пугающе-бездонно тихо, только где-то далеко лениво лаяла собака, и тусклый, рассеянный свет уличного фонаря, пробиваясь сквозь не зашторенное мной окно, косо ложился на стену.

И какая-то высокая, тонкая печаль пробралась ко мне в сердце и устроилась там, расширяясь и захватывая душу. И продолжала лаять еле слышно собака, и дрожали на стене тени от колеблющихся веток деревьев, дробящих на части свет от фонаря, и хотелось плакать.

По своей, может быть, другой, совсем иной, но неполучившейся жизни, по той оборвавшейся так внезапно и жестоко девичьей любви, по своему несостоявшемуся женскому счастью.

Я не знаю, какие чувства я испытывала к Берестову в данное время, да и не хочу знать, анализировать и пытаться копаться в себе, но одно я знаю и чувствую точно.

Он мне нужен! Прямо сейчас! Необходим! Как спасение от чего-то совершенно непонятного мне!

Я встала с кровати и отправилась искать его комнату. Спустилась с лестницы совсем неслышно, потому что была босиком. Постояла, привыкая к темноте в коридоре. Куда идти? Вроде на втором этаже находились только гостевые комнаты и кабинет, значит, его спальня где-то на первом, скорее всего, через гостиную в другой коридор, из которого он выходил тогда голым и куда я сегодня не заходила.

В гостиной на стене у входа еле-еле светился ночник, почти ничего не освещая, лишь обозначая очертания предметов. Я постояла, прислушиваясь к себе.

Тишина, темень и звенящая печаль окружали меня.

И я так и стояла в одной компании с ними на пороге гостиной не знаю сколько времени.

А потом тихо выдохнула и шагнула вперед.

— Я здесь, — услышала я очень тихий голос Берестова где-то справа от меня, и он шагнул большой темной тенью и встал передо мной.

И в следующую секунду я оказалась в его руках, прижатая к его груди, и вдыхала спасительный запах этого мужчины, смешивающийся с еле уловимым запахом дорогого парфюма, так подходившего ему. Он не целовал меня, просто прижимал к себе, оторвав от

пола, и я чувствовала, как стучится в мою грудь его сердце.

И тогда, взяв ладонями за голову, я наклонила его к себе и поцеловала.

И мир стал другим, ограниченным пространством двух наших тел, Берестов оторвался от моих губ, взял меня на руки и отнес в свою спальню.

Он снял с меня и откинул куда-то футболку, подхватив на руки, осторожно положил на кровать и через полминуты накрыл меня своим большим, горячим телом. Мы не шевелились и смотрели друг другу в лицо в мерцающем свете почти не разгоняющего мглу ночника на прикроватной тумбочке до тех пор, пока наше притяжение не стало непереносимым, и тогда он медленно наклонил голову и поцеловал меня.

Мы ничего не говорили, но наше соединение было полно страстной и грустной нежности, словно мы благодарили друг друга, и прощали, и прощались...

Я ушла, когда за окном начало светать и Берестов заснул спокойным, глубоким сном в своей любимой позе на спине, закинув руки за голову. Я долго смотрела на него, а потом, тихо встав с постели, подняла футболку и вышла из комнаты, осторожно притворив дверь за собой. За собой и за всем своим прошлым.

Я уехала. Так же осторожно и тихо умывшись, приведя себя в порядок, одевшись и собравшись, спустилась вниз, постояла, прислушиваясь к тишине дома.

Достала из сумки и положила на журнальный столик то, что так и не решилась вчера ему показать и отдать.

Рисунок в рамке за стеклом, сделанный восьмилетним Максимом.

Немного кривовато нарисованный американский континент, на котором, широко расставив ноги и уперев руки в бока, стоял мужчина в костюме и галстук, тоже изображенный немного кривовато, но вполне художественно. Сзади него и чуть выше было большими буквами написано «Америка», а внизу вторая поясняющая надпись: «Мой папа, который живет в Америке» — и почему-то в одном верхнем углу красовалось солнце, а во втором углу — луна.

Затворив за собой все двери, я тихо развернула машину и уехала.

Максимка спал. Возле него дежурила мама, повернувшись на звук отворяемой двери и замахавшая мне руками, показывая знаками немедленно выйти из палаты, и выскользнула следом.

— И что это за история с господином Берестовым? — зашептала она, ухватив меня за руку и отводя в сторону от двери, чтобы не потревожить целительный сон внука.

— Что за история? — изобразила непонимание я.

— Ну, что ты к нему поехала и там заснула? — уже нормальным голосом устроила мне допрос Надежда Владимировна, мать моя родная.

Я вздохнула безнадежно. Нет, обмануть я могу, но вопрос — зачем?..

— Берестов Сергей Константинович, насколько тебе известно, был донором Максима, — начала я с этого факта.

— Это мне известно, — отмахнулась мама. — Но зачем ты вчера к нему поехала? Благодарить?

— И это тоже, — подтвердила я ее догадки и рубанула правду: — Он отец Максима.

— Да ты что-о-о... — округлила глаза мама и приложила ладошку к щеке, впитала информацию и быстренько спросила: — И ты ему сказала?

— Сказала.

— И что теперь будет?

— Теперь надо сказать Максиму, — оповестила я о своей решимости и попыталась отвлечь ее.

— Расскажи лучше, как тут дела, а то я прямо сюда, к Максиму в палату отправилась.

— Ну, как дела, — вздохнула мама. — Темке намного лучше. Наташа полчаса назад пришла в себя, такая радость! — Но, сообщив хорошую новость и улыбнувшись, она тут же загрустила: — А что будет с Лешей, неизвестно. Но он жив, и это уже считают таким большим чудом. Будем ждать.

— Будем ждать, — согласилась я. — А что Максим?

— Поел, потом ему Галя уколы сделала, сейчас заснул часа на два, — и мама принялась давать мне подробный отчет о состоянии здоровья моего сына.

Я же говорила, хорошие гены — это здорово! Все с моим мальчиком будет в полном порядке! Никаких последствий травм при надлежащем уходе и режиме.

А уж это мы обеспечим!

— Тогда я пойду, схожу к Наташе и с ее врачами встречусь, вдруг что-то еще понадобится.

— Ну, иди, — согласилась мама и не преминула спросить: — А как он отреагировал?

— Потрясен, рад, еще до конца не осмыслил. Все непросто, мам.

— Да уж, вот каша заварилась, — задумалась она и предупредила: — Все мне расскажешь. Подробно. Ты когда его встретила-то?

— Две недели назад.

— Ну, иди. Потом поговорим.

Охо-хо, мне эти разговоры! Вчера уже наговорила на год вперед!

Я посидела возле Наташи, как могла, успокаивала и приободряла ее, рассказала, как врачи борются за жизнь Лешки, что у Темочки значительные улучшения и о Максе тоже. Вытирала ей слезы и немного выговаривала, объясняя, что она обязана держаться, ей еще мужиков своих на ноги ставить. Потом заглянула к Темке, повторив практически дословно ту же информацию и наставления. Навестила Алексея, так и не приходящего в себя, но живого. И долго разговаривала о состоянии всех Калининских с врачами, которые уверили меня, что больше ничего невозможно сделать сверх того, что уже сделано. Только ждать и надеяться.

Возвращаясь к Максиму, я обнаружила, словно споткнулась взглядом, господина Берестова, сидящего на стуле возле палаты. Рядом на соседнем стуле стоял стильный кожаный портфель,

а его хозяин, облаченный в дорогой деловой костюм, расслабленно закинув ногу на ногу, читал какие-то документы.

— Я настучу на тебя Геннадию Павловичу! — пожурила и пригрозила я, проигнорировав приветствие. — Тебе еще рано выходить на работу, тебе отлеживаться надо.

— Я же не собираюсь мешки таскать, — спокойно возразил он, убрал документы в портфель и поднялся, — отсижусь я и на работе, а возит меня Виктор, я за руль не рвусь.

Посмотрел на меня изучающе, но ничего не сказал: ни про мое утреннее исчезновение, ни про вчерашние наши разговоры, ни про прошедшую ночь — лишь спросил скорее тоном приказа, чем просьбы:

— Представишь меня сыну?

— Конечно, — кивнула я. — Идем.

А в палате у сыночка царило веселье: он что-то рассказывал бабушке, и она так от души смеялась, что ей приходилось утирать слезы.

— Привет! — порадовалась я их веселью, подошла к кровати, нагнулась, поцеловала сына, погладила его по голове и еще раз поцеловала.

— Привет, мамуль! — засветился улыбкой он.

— Здравствуйте, Надежда Владимировна, — чуть улыбнувшись, поздоровался Берестов с моей мамой.

— Добрый день, Сергей Константинович, как я понимаю?.. — ответила мама, ответно улыбнувшись ему.

— Правильно понимаешь, — подтвердила я и отошла от койки сына, уступая место Берестову, который подошел ближе. — Вот, познакомься, Максим, это Сергей Константинович Берестов, тот человек, который стал твоим донором.

— Круто! — дал комментарий Макс и протянул здоровую, незагипсованную руку Берестову для рукопожатия. — Спасибо, мне сказали, что я бы без вас того...

Берестов пожал протянутую руку Макса и мягко возразил:

— Сильно сомневаюсь, судя по тому, как вы здесь веселитесь, ты не из тех, кто так просто сдается.

Но как бы спокойно и непринужденно он ни говорил, я чувствовала его внутреннее напряжение и поспешила уже разделаться со всеми признаниями окончательно:

— Максим, Сергей Константинович твой отец.

Повисла заморозившая пространство и время пауза. Макс осмысливал информацию, мама совершенно бесцеремонно рассматривала новоявленного отца своего внука, Берестов, засунув руки в карманы, с каменным выражением лица ждал реакции Максима, а я переживала такой клубок смятения и нервного напряжения, что меня начало тихо поколачивать.

— Вы вроде в Америке живете? — разбил наконец Максимка этот сгустившийся вакуум

вопросом.

— Одно время жил, — ровно ответил Берестов, немного отпуская свое напряжение. — Но уже давно вернулся в Россию.

— А я этого не знала, — вступила я в его добровольные помощники. — Мы встретились совершенно случайно, несколько дней назад.

— Круто! — повторил Макс и вдруг так задорно, открыто, совсем по-мальчишески улыбнулся: — Это вы удачно встретились, а то бы мне каюк тут настал!

А мы ошеломленно переглянулись с Берестовым и одновременно разулыбались сыну в ответ, а я ринулась изгонять и малейший намек на возможность такого исхода.

— Даже думать об этом не смей! — снова подошла к нему, наклонилась и поцеловала в лоб, погладив по голове. — Я бы ни за что не позволила этому произойти, ты же знаешь, я бы обязательно что-нибудь придумала.

— Она у меня такая! — посмотрел через мое плечо на Берестова сын и хохотнул. — Что-нибудь бы точно придумала, из врачей бы кровь выпустила, на крайняк!

— Я уже понял, — поддержал Берестов утверждение и улыбнулся в ответ.

— Мама говорила, что вы обо мне не знали? — посерьезнев, спросил Максим.

— К сожалению, это так, — подтвердил Берестов. — О том, что ты мой сын, я узнал только вчера.

— И что, кровь дали, не зная, что я ваш сын? — сильно удивился Максим.

— В тот момент это не имело значения, — ровным тоном пояснил Сергей Константинович. — Ты был мальчиком, которому требовалась срочная помощь.

— Присаживайтесь, Сергей Константинович, — поднялась со стоявшего у койки стула мама, уступая место Берестову, — вам надо поговорить, а мы пока навестим Наташу. — И, подхватив меня под руку, лишая возможности возразить, она почти вытолкала меня из палаты.

— Дадим им минут десять, Слава! — вытащив меня за дверь, отчитала она меня за некоторое сопротивление. — Им надо пообщаться.

Ну, надо, кто бы спорил, только я бы предпочла контролировать этот процесс знакомства и общения! И поэтому далеко увести себя не дала, усевшись на стул около палаты.

— Слушай! — сказала мама с явным восхищением в голосе, присаживаясь рядом. — Ка-ако-ой мужчина!

— Нормальный, — буркнула я.

А любимая маманя приступила к допросу с пристрастием и вытянула из меня через десять минут кое-какие подробности. Не самые интимные. И под конец повествования мы с ней уже приглушенно хохотали, прикрыв рот ладонями, стараясь не рассмеяться в голос.

— Нет, что вот так стоял голый и отчитывал тебя? В самом деле? — давилась смехом мама.

— Представляешь? — вторила я ей, хохоча. — У меня и видео имеется, только я тебе не покажу!

Но, как ни останавливала меня мама, долго я продержаться не смогла и вернулась в палату.

— Ма! — сиял мне навстречу радостным возбуждением сын. — Представляешь, Сергей Константинович в Гарварде учился! Офигеть!

— Представляю, — сдержанно улыбнулась я ему в ответ.

— Ну, мне пора, — поднялся со стула Берестов и протянул руку для рукопожатия Максимке. — Пока. Выздоровливай поскорее.

Он бы еще «и слушайся маму» добавил, влет раздраженно подумала почему-то я, отступая с его дороги к дверям. А когда он, попрощавшись с мамой и со мной, взялся за ручку двери, раздался голос Максима:

— Пап, ты еще придешь?

И мы, трое взрослых, застыли, забыв на время дышать. У Берестова изменилось лицо, и желваки заходили на скулах, он побелел даже, но быстро овладел собой, повернулся и улыбнулся Максиму:

— Конечно, приду, а как же! Можешь даже не сомневаться!

И вышел за дверь, осторожно притворив ее за собой.

— Мне надо с ним поговорить! — сообщила я и быстро ринулась следом за Берестовым.

Я нагнала его почти у выхода и окликнула, он обернулся, посмотрел на меня странным взглядом и, дождавшись, когда я подойду ближе, отошел в угол холла, где не было людей.

Засунув руки в карманы брюк, он, чуть запрокинув голову, стоял с закрытыми глазами, стараясь справиться со своими эмоциями. А я стояла перед ним и ждала.

— Твою мать! Я пропустил всю его жизнь! — сказал наконец Берестов, посмотрев на меня обвиняющим самого себя взглядом. — Я не видел, как он родился, не видел его первый зуб, первые шаги, не слышал его первое слово! Как он пошел в первый класс и как занимался спортом.

— Перестань! — жестко остановила я эти сожаления о прошлом. — Все сложилось так, как сложилось! То было другое время, другие обстоятельства! Глупо и бесполезно сокрушаться вдогонку об упущенных возможностях! Твой сын не жил в нищете и убогости. Он был защищен со всех сторон, живя в полном достатке и имея гораздо больше возможностей, чем большинство его ровесников! Все! Это прошлая жизнь, и ее не переделаешь и не изменишь! Гораздо важнее, что происходит сейчас!

Я перевела дух и стала говорить спокойнее:

— Ты же понял, что он тебя принял и хочет с тобой общаться, и сейчас только от тебя зависит, как у вас сложатся отношения. И только ты сейчас решаешь, какими они будут. Будешь ли ты встречаться с ним иногда, по выходным или раз в месяц, чтобы быть в курсе его жизни, не участвуя в ней плотно, или ты хочешь, чтобы отношения между вами стали близкими и

доверительными, стать ему настоящим отцом и другом. Понимаешь, Берестов, ребенок — это навсегда. Это не на час-два — отметить и забыть, это каждый день, каждую минуту, каждое событие в его жизни. И будет ему двадцать, тридцать и пятьдесят, он все равно останется твоим ребенком, и ты так же будешь о нем переживать и бояться за него. Или не будешь совсем, оставаясь сторонним наблюдателем, изредка отмечающимся в его жизни.

Я заглянула в его непроницаемые светло-карие глаза, положила успокаивающим жестом ладонь на его руку. Он внимательно слушал и смотрел на меня.

— У него сейчас очень сложный жизненный период. Он подросток, и перед ним встают такие вопросы и проблемы, которые ему очень непросто решать. Максиму сейчас гораздо в большей степени, чем в детстве, нужен мужчина рядом, отец, который был бы и авторитетом для него, и настоящим другом, с которым сложились бы доверительные, близкие отношения. Он замечательный парень, очень умный и блестяще учится, но еще не определился, кем хочет стать, и переживает по этому поводу. Он занимается спортом — плаванием и теннисом — и показывает прекрасные результаты, и часто побеждает на соревнованиях, но не фанатеет от спорта и сомневается, нужно ли продолжать его профессионально, а что я могу ему в этом вопросе посоветовать? У него начинаются отношения с девочками, и он уже имел первый сексуальный опыт, но что-то там девочка ему не так сказала или сделала, и они расстались, и Макс переживает. А какой совет про секс с девочками ему могу дать я? Разве что присмотреться к его подруге, оценить, и все. Ему нужно делиться с мужчиной, которому бы он полностью доверял, это же мужские разговоры и тайны. А с кем он может поговорить об этом? Только со своими друзьями. Ну, они друг другу насоветуют!

— О господи! — подал реплику наконец Берестов немного ошарашено.

— Что? — не поняла я.

— Это как-то трудно пережить и уместить в сознании! — растерянно сказал он. — Только что у меня обнаружился сын, а теперь выясняется, что он уже имел сексуальный опыт!

— Да ладно тебе, Берестов, — я легко рассмеялась, — а когда у тебя был первый сексуальный опыт, ты помнишь?

Судя по меняющемуся выражению его лица от легкой степени испуга и растерянности до небольшой, но многозначительной улыбки, он помнил. Очень хорошо даже помнил. И, не в пример своему сыну, этот опыт, надо полагать, был куда как удачнее.

— Ну вот! — смеялась я. — Он же твой сын! Так что тебя удивляет?

— М-мда! — согласился саркастически он.

— Я понимаю, тебе надо все обдумать и как-то определиться. И я ничем не смогу тебе в этом помочь. И никто не сможет. Тебе придется самому решать, какие ты хочешь иметь отношения с сыном, и выстраивать их в дальнейшем.

— Я хочу, чтобы он носил мою фамилию, — сделал настойчивое заявление господин Берестов.

— Я не возражаю, — уверила я его, но добавила: — Но решать это будет только сам Максим, хочет он этого или нет. Только он.

— И еще, Слава, — поставил меня в известность Берестов, — я сегодня расскажу родителям о Максиме, и они захотят приехать сюда и познакомиться с ним.

— Я ничего не имею против, — и пояснила: — Понимаешь, я уважаю его как личность, он сильный, цельный и умный мальчик. И я доверяю его мнению и суждениям. Это его жизнь. Я не стану ничего ему навязывать. Если он захочет общаться с твоими родителями, то это тоже будет только его решением. Я могу лишь направлять его или что-то подсказывать, как, на мой взгляд, стоит лучше поступить. Но Максимка всегда, с раннего детства, был самостоятельным парнем и делал только то, что сам считал правильным и нужным. Без вариантов всегда было что-то от него требовать и настаивать на выполнении. Разумеется, кроме каких-то главных жизненных уроков и правил безопасности его жизни. Здесь приходилось быть жесткой.

— Почему ты назвала его Максимом?

Вдруг так неожиданно спросил он, что застал меня врасплох, и я ответила, не успев задуматься, а стоит ли ему это объяснять:

— В честь твоего деда. Я помнила, как ты рассказывал о нем, с каким уважением и любовью. И я подумала, может, с этим именем к моему сыну перейдут и удача, и фарт твоего деда, и его долгая счастливая жизнь, и здоровье...

Он смотрел непонятым взглядом на меня несколько секунд, потом резко притянул к себе, сильно обнял, прижался щекой к моей голове и чуть сдавленным от чувств голосом сказал:

— И они перешли: и удача, и фарт. Ему ужасно повезло с матерью. У моего сына потрясающая мать. Ему очень подфартило! — он прижал меня еще сильнее к себе и прошептал: — Спасибо тебе, Славочка. За все. Спасибо.

По-моему, в его словах послышались слезы. «Пожалуйста», — подумала я.

Вы никогда не обращали внимания, не задумывались над тем, что у жизни свои странные законы, своя физика-химия и психология развития событий?

Казалось бы, жуткая беда! Случилась авария, и ты весь в этом — ужас и переживания, а отступило самое страшное, и больница становится одной из повседневных и уже привычных реалий жизни, и ты включаешь ее в бытовой распорядок дня как рутину. Работа — больница — разговоры с врачами — дом — утро — работа — опять больница — и так по кругу. Обыденность.

Казалось бы! Событие всей жизни! Мужчина узнает, что у него есть сын! А сын наконец встречается со своим отцом! Боже, какая радость! И они так меня достали с этим воссоединением, что я готова уже навалить им обоим, а вместе с ними и родственникам по первое число и послать куда подальше!

После того памятного разговора в больничном холле мы с Берестовым практически не виделись, всего несколько раз и то мельком.

Максим пребывает в полном восторге от обретенного отца, откровенно и стопудово, как он говорит, счастлив, да и с новой бабушкой и дедом у них сразу сложились теплые, родственные отношения.

Но отец для него теперь стал человеком номер один!

Я не ревновала, честное слово! Да и между нами, девочками, пойдите еще поищите такого достойного отца для своего ребенка! Теперь они проводили много времени вдвоем, у них имелись свои мужские разговоры, секреты и большие планы. Берестов становился для сына

непререкаемым авторитетом, и другом, и настоящим отцом. Как же тут не радоваться матери? Я и радовалась.

Только достали они меня дальше некуда, по самое «не могу!».

Максим ни о чем и ни о ком другом говорить не мог — только отец то, отец се, папа это сказал, папа это сделал, а знаешь, он то, а знаешь, он се, а мы с отцом собираемся то-то и то-то! Берестов, если и звонил мне, что бывало крайне редко, то с одной целью озабоченного выяснения: «Слушай, а у него нет аллергии на то-то, а как он переносит морскую качку, а если я ему куплю это, а ты не против, если мы поедем с ним туда-то...»

Я дурела! Да делайте вы что хотите, только отстаньте от меня! Все, скопом!

Да еще родители Берестова! Которые теперь только Максом и занимались, и только о нем и говорили, и носились с ним, как с пасхальным яйцом.

Испортят мне сына, верняк!

Мало того! Однажды вечером я приехала в больницу к Максиму и застала там Берестова. Они, переглянувшись, посмотрели в две пары светло-карих глаз на меня, растягивая интригу.

— Так, ребята, — строго поторопила я, — я жутко устала и уже плохо соображаю, если что-то хотите сказать, говорите, а не то я пошла.

— Ма, — торжественным тоном обратился ко мне сын, — отец предложил взять его фамилию. Я бы очень хотел.

— Я имел в виду не только фамилию, — внес уточнение Берестов. — Я хотел оформить усыновление по закону.

— Хорошо, — я потерла уставшее лицо ладонями и разъяснила некоторые детали. — Усыновление — процедура вообще-то долгая и непростая. Макс, ты можешь пока просто поменять официально фамилию, но если вы оба настаиваете на усыновлении, я все сделаю. И постараюсь максимально ускорить этот процесс. Вернее, не я, а Игорь. Такие дела по его профилю.

— Усыновление! — переглянувшись друг с другом, подтвердили мужчины.

— И желательно поскорей, — уточнил Берестов. — Мы планируем на Новый год поехать в Австрию. — И сделал словесный шарк в мою сторону: — Если ты не против, разумеется.

Я, разумеется, не против! Я очень мудрая мать, чтобы вы знали. Я понимаю, что им хочется наверстать упущенные годы общения, стать ближе друг другу, многое рассказать и застолбить глубину и силу своих отношений. Что для этого может быть лучше, чем совместно проведенный отдых?

Дни, мчащиеся с сумасшедшей скоростью, перенасыщенные делами и событиями, складывались в недели, которые проносились через жизнь литерным поездом. «Рейс мой — литер!», как в песне Розенбаума. Вот где-то так моя жизнь и мчалась.

У нормальных людей обострение психики случается весной и осенью, периодичность такая, как утверждают врачи. У моих клиентов эти обострения происходят гораздо чаще, но просто зашкаливают перед Новым годом!

Я настолько была перегружена делами, что у меня нормально поесть не всегда находилось время. А тут еще процесс усыновления мы с Игорем запустили. Еще Максимку перевезли сначала в другую больницу, потом домой, под пригляд ставших теперь многочисленными бабушек, как родных, так и приобретенных в лице двух домработниц — бывшей и ныне действующей, и в нашей квартире творился полный дурдом!

У меня от всего этого голова шла кругом. Я приползала домой часам к одиннадцати, еле живая, а ко мне бросалось навстречу не менее двух дам, и выползал из своей комнаты Максим. Кормили и, перебивая друг друга, рассказывали все последние новости, достижения моего сына в восстанавливающей терапии и гимнастике... я кивала и засыпала уже за столом. Так и жила.

А у Калининых все обстояло гораздо трагичнее и сложнее.

Лешка выжил! И даже пришел в себя, но врачи предполагают, что он останется инвалидом. Не колясочником, позвоночник, слава богу, серьезно не задело, но сильно пострадали некоторые участки головного мозга, и есть большая вероятность, что работа этих участков не восстановится, и это помимо тяжелых внутренних повреждений и сложных переломов. Темка быстро шел на поправку, они с Максом вдвоем проходили лечебные процедуры и занятия, куда их по очереди возили то я, то Берестов, то его водитель Виктор, то бабушка с дедушкой. Наташа практически восстановилась, но с головой еще были проблемы — тяжелые периодические боли.

Кстати, Игорь совершенно спокойно принял известие об отцовстве Берестова и даже откровенно порадовался за Макса, и имел с Сергеем Константиновичем какой-то разговор, и оба не признаются мне, о чем проговорили больше часа.

Судебный процесс над виновником той страшной аварии шел своим ходом, обещая, к сожалению, затянуться. Но Игорь без вариантов на побег «сделает» это семейство, и парень получит максимально возможный срок. Я не вмешиваюсь.

У самого Берестова судебный процесс завершился полным удовлетворением его встречного иска, выдвинутого бывшей жене. Она осталась при том, что Берестов уже выделил ей ранее, но теперь ей официально запрещено пытаться добиваться встречи с бывшим мужем или предпринимать иные способы для общения с ним. Точка.

Я успела смотаться в две командировки во Францию и в Швейцарию, выиграть два судебных дела и разгрести целую кучу проблем моих клиентов к Новому году.

Ах да! Новый год! Это отдельная песня!

Родственнички любимые довели меня с планами по его проведению так, что я готова была притюкнуть их всех!

Сначала Берестов с Максом собирались в Австрию на горнолыжный курорт. Макс классно катается на сноуборде и очень это дело любит. Ну, а я не катаюсь на лыжах вообще, посему изначально имелось в виду, что они поедут с отцом и его друзьями. Но тут выяснилось, что врачи Максиму пока не разрешили активные занятия спортом, особенно таким рискованным и нагрузочным, тем более что и гипс ему снимут прямо перед праздником. Тогда они резко поменяли планы, придумав поехать по Европе на машине вдвоем. Но на все праздничные дни в Европе ожидалась очень сложная погодная обстановка, и эту задумку они перенесли на лето и решили поехать в Лондон, который Макс очень любил и хорошо знал.

Классная, по моему мнению, идея, я сама очень люблю этот город. А для отца с взрослым сыном так просто здорово провести там вместе время! Там же такие потрясающие исторические места, и кофейни, и пабы, и знаменитые на весь мир клубы, да не перечать, сколько всего интересного в этом городе!

Берестов предложил поехать нам втроем, а задачу уговорить меня делегировал сыну. И Макс принялся так активно меня «обрабатывать», что пришлось на него даже несколько пошуметь. Ну и он побежал к папёнке за «подмогой» и привел его как-то вечером к нам домой с целью обрабатывания меня дуэтом.

— Слав, поедем, — принял эстафету уговоров у сына Берестов, когда я пригласила их за стол попить чаю. — Ты же любишь Лондон, представь, как мы там здорово проведем время.

— Ре-бя-та! — начала четко объяснять я им свои пожелания и намерения. — Я так упахалась за эти полтора месяца с больницами, реабилитационными центрами, судебными заседаниями, со своими неадекватными клиентами, с командировками, что единственное, о чем я мечтаю, — это о полном покое. И я лягу вот так, — вытянув руки вперед, чуть откинувшись корпусом назад, демонстрируя, как именно я лягу, — первого января и буду лежать до четвертого и не шевелиться! Поедать всякие вкусности, тупо смотреть телик и спать, спать! И никакого лишнего телодвижения! Без вариантов!

На этом заявлении дебаты о моем отдыхе были закрыты.

Я совершенно не принимала участия в подготовке к празднику, свалив все на своих дам, и работала до самого Нового года, заявившись домой тридцать первого декабря в восемь вечера, и только тогда ознакомилась с составом присутствующих на этом празднике гостей. И слегка обалдела!

Ну, во-первых, моя маман, Надежда Владимировна, пришла с кавалером! Тихушница! А дочери — ни намека! Оказалось, что они познакомились на каком-то форуме в Интернете и уже месяц как встречаются! Не, ну какова, а?!

А ничего так дядька, мне понравился, Владимир Михайлович зовут. Но от своей накопившейся, совершенно затюкавшей меня усталости я не стала особо вдаваться в подробности и изучать мужчину. Успею еще, если не расстанутся, а расстанутся, то и изучать незачем.

А, во-вторых, Берестов тоже оказался у нас дома! И я только теперь вспомнила и сообразила, что у Макса с отцом рано утром первого января самолет и отсюда им уезжать гораздо удобнее, чем из дома Берестова. Ну, а поскольку в моей квартире происходила основная подготовка, все, кроме меня, пропустившей все на свете, решили здесь и праздновать. Хотя у Берестова квартира больше! Это я так поворчала про себя. Мне-то что, я, считай, теплый трупик, и свою провозглашенную программу отдыха намерена воплотить в жизнь, а убирать все Шуре Петровне, правда, Маргарита Валентиновна поклялась не оставить подругу в этом деле. Ну и славно!

А родители Берестова улетели на отдых еще позавчера, с огромным сожалением, но ничего не поделаешь, эти путевки они покупали еще два с половиной месяца назад, понятия тогда не имея о существовании своего внука. Если честно, я старалась с ними особенно не пересекаться и не общаться лишней раз, не очень хорошо пока понимая, как мне с ними держаться, да и нужно ли мне более близкое общение со старшими Берестовыми.

У нас-то вроде начала вырисовываться определенная картина: родители Макса, то есть я и Берестов, живут каждый своей жизнью, находятся в хороших, доброжелательных отношениях и

не мешают ребенку общаться с его новыми родственниками. Все.

Паритет и полная уважуха. У него своя жизнь и семья, у меня — своя, а Макс и там, и там.

Рано утром первого января Берестов с Максом уехали, я их проводила у дверей, полусонная, пожелала классного отдыха и побрела обратно в кровать досыпать.

И проспала все «шуршания» по уборке дома подружек-домработниц, а проснувшись, обнаружила идеальный порядок, сверкающую гирляндой елку и забитый под завязку всевозможными вкусностями холодильник.

Кра-со-та!! Настоящий Новый год! Тишина и полный покой! Кайф!

И я приступила к своему долгожданному и так нежно лелеемому в мыслях отдыху! Завалилась на диван, смотрела телик, объедалась вкусняшками, аж постанывая от удовольствия, одним словом, оттягивалась по полной программе!

Но я не учла один моментик!

В освободившемся от забот, тревог, решений множества вопросов и проблем, одновременно в мозгу зашевелились и повылазили из всех углов сознания разные мысли и мыслишки. И принялись думаться! Вот же засада!

Ну, во-первых, приходится признать, что я откровенно хочу Сергея Константиновича и каждый раз при встрече с ним напрягаюсь, возбуждаюсь, старательно скрывая это обстоятельство, и тепло разливается у меня внизу живота. Факт, никуда не денешься. И он прав, такого потрясающего секса у меня не было никогда, даже с ним тогда, давно.

Честно признаюсь, я даже достала видеозапись своего первого посещения его дома и, выведя ее на большой экран плазмы, с эстетским удовольствием полюбовалась берестовским голым видом, воспользовавшись стоп-кадром. М-мда!

Ну, а во-вторых, и по большей части в главных...

Я понимаю, что сумбурное и ажиотажное общение всех нас за это время обусловлено и страхом за жизнь Макса, и переживаниями об его выздоровлении, и шокировавшей всех новостью об отцовстве, и этим сильным стремлением и Берестова, и Макса к постоянному общению, их неумным желанием наверстать пропущенные годы. Да тут еще новополученные бабушка с дедушкой в обморочной радости. Но это все скоро пройдет и устаканится, и войдет в свою колею, и станет спокойным и обыденным, где каждый займет свое место, привыкнется в нем, и жизнь покатится дальше, выстраиваясь в новых реалиях.

И в этих реалиях выстроятся и наши с Берестовым отношения.

А вот тут во-о-опрос!

Какими они станут-то? Какими бы я — лично я — хотела их видеть? Встречаться ради этого прекрасного секса? Можно, и да, ладно, ничего в этом такого уж страшного и неправильного нет!

Но, оказалось, хочется не только этого. Вот так!

Я вдруг поняла, что давно простила его. И никаких обвинений и претензий в моей душе к нему

нет. Простила не сейчас, когда узнала истинную причину его тогдашнего поступка, а гораздо раньше, где-то по пути своей жизни, и не заметила этого. И еще! Подсознательно я всегда была ему бесконечно благодарна за то, что он подарил мне такого прекрасного сына.

А что дальше, я не знаю. И никто не знает.

Новогодние каникулы заканчивались, Макс с отцом вчера вернулись из Англии, завалили всех подарками и впечатлениями, самого Берестова я не видела, он привез Макса домой и уехал по каким-то срочным делам. Я тоже совсем немного работала, большинство дел и клиентов появится после пятнадцатого января, а пока так, по чуть-чуть, в основном подчищаем прошлогодние хвосты.

Я заехала в супермаркет по поручению Шуры Петровны, вручившей мне внушительный список того, что нужно купить, воспользовавшись тем, что я пока полусвободна и могу привезти на машине большую часть того, что ей необходимо по хозяйству.

Я перегружала покупки из тележки в багажник, рядом со мной ту же процедуру проделывала нервная молодая девица, в раздражении швыряя в багажник своей «Хонды» пакет за пакетом. Один из них неудачно упал, из него посыпалось на пол содержимое, и прямо к моим ногам отлетели какие-то упаковки. Девушка выматерилась сквозь зубы, я подняла один из предметов и, протягивая ей, обратила внимание на то, что держу в руках.

И остолбенела! У меня отхлынула кровь от головы, ударив под коленки и налившись мгновенной тяжестью в ногах, приросших к земле! Я застыла в ступоре и полном оцепенении!

— Спасибо, — сказала девушка, забирая у меня из руки упаковку женских прокладок, и поинтересовалась: — Вам что, плохо?

Мне плохо?! Да мне полный трындец!!

— Нет-нет, — как-то умудрилась ответить я.

И дошкандыбала на негнущихся дрожащих ногах до водительского места и как-то залезла на него. Боже мой?! Как я могла?!

Не приходя в сознание, я завела машину и поехала домой. По пути, трижды остановившись у разных аптек, купила три разных теста на беременность и запрещала себе думать и заранее пугаться всю дорогу!

И вломила в свою квартиру разбушевавшейся коровой, на бегу срывая с себя пуховик, пронеслась в ванную комнату, сообразила, что нужно кое-что еще, помчалась в кухню, разбросав содержимое шкафчика, нашла в нем одноразовый стаканчик, тем же аллюром метнулась назад, провела нужные действия и села сверху крышки унитаза ждать результатов.

Ну, а дождавшись, первое, что я сделала, — рванула вверх крышку унитаза и вывернула ему свою погубленную тягой к офигительному сексу душу.

Твою мать!!! Как я могла про это забыть?! Вообще, напрочь! Как провал в памяти! Это какой-то сдвиг по фазе! Полный клинический идиотизм!! Кома!!

И я снова пообщалась со своим прекрасным итальянским унитазом!

А отдышавшись, побежала доставать свой органайзер и по календарю высчитывать дни в попытке хоть что-то сообразить.

Ну, понятно! Мила, мой гинеколог, тогда сказала ждать цикла, а он у меня должен был начаться как раз через семь-восемь дней. И именно через неделю случилась эта авария. Естественно, что я обо всем на свете забыла и ни о чем, кроме Макса, не думала! А потом завертелась эта бесконечная кутерьма с отцовством, и такие дела навалились, что я и себя-то не помнила, не то что сроки какого-то там очередного женского цикла!

И тут до моего переполошенного сознания дошел один факт, я поняла одну анекдотическую вещь и начала так хохотать, что свалилась на бок на диван и ухохатывалась до икоты, до слез!

— Ой, не могу... — жаловалась я кому-то, умирая от смеха.

Я смеялась, пока не выдохлась окончательно, и, постанывая от приступов душившего меня хохота, потащила чистить зубы.

Ровно семнадцать лет назад, практически день в день, в середине ноября я забеременела от Берестова Максом! Это что-то из области нереального! Больше похоже на художественный вымысел не самой лучшей прозы! Или на фатальность какую-то! Вот как так могло сложиться и получиться?!

И ведь вот засада, это, сто пудов, снова будет мальчик!

Да потому что так же, как и в прошлый раз, у меня сейчас почти два месяца, а никаких симптомов ни близко, ни рядом! Вообще!!! И выворачивает меня так же, как и тогда, только когда сильно понервничаю!

Нет, ну как такое может быть?! Вообще, кто-нибудь верит в такие совпадения? Вот и я нет! А оно имело, наше неверие, в виду! Получите и распишитесь в получении!

На этом непродуктивном вопросе, задаваемом мной не пойми кому, меня и застал Макс, вернувшийся домой из кино, куда ходил со своей компанией.

— Мам, ты чего бледная такая и какая-то тормозная? — заботливо спросил сын.

— Слушай, Макс, перетащи пакеты из машины, — не стала отвечать я. А что тут ответишь? — Что-то я перегрузилась немного.

— Нет проблем! — выказал боевую готовность мой ребенок.

А перетащив все покупки и помогая мне расставлять и раскладывать все по местам, принялся за очередной рассказ про своего ненаглядного папашу и их планы на будущие выходные. Чтоб этому папочке!.. И еще раз так же!

На следующий день я отправилась к Миле на прием.

— Ну ты даешь! — поразилась она со всей душевностью. — Ну ладно девы, молодые и дурные, вон их полный коридор у меня сидит, но ты-то как могла этого не заметить и не понять?

— Да так и могла! — огрызнулась недовольно я. — Ты же знаешь, у меня Макс тогда в аварию попал. Мне вообще ни до чего дела не было!

— А-а, — понимающе протянула она. — Ну да, тут про все забудешь.

— Мил, — на всякий случай поинтересовалась я, — а сексом мне заниматься можно?

Ну, на всякий, совсем на маленький, случай! А что?..

— Ну, а почему нет! — пожала Мила плечами. — Девушка ты у нас здоровая, плод в полном порядке и нормально развивается. Только лучше в классической позе, без экстремальных сексуальных выкрутасов и умеренно, без фанатизма! — И принялась хихикать: — Ну что, Мирослава Витальевна, дорвалась наконец до сладкого?

О то ж! И возразить нечего.

И мы вдвоем, в полный голос, принялись хохотать. Что подумали девы молодые в очереди за дверью, слыша взрывы безудержного смеха, осталось неизвестно.

А вечером следующего дня как черт из табакерки появился господин Берестов, помянутый мной неосторожно к ночи, потому как думала я как раз о нем. Точнее, не совсем о нем, а о том, что мне придется говорить ему о ребенке. Дурдом! Крепчал!

Я подняла трубку зазвонившего домофона:

— Пустишь? — спросил Берестов.

Ну, а что не пустить лихого человека, раз добрые не ходят? И, не отвечая, я нажала кнопку отпираания подъездной двери и в ожидании, пока он поднимется на лифте, открыла входную дверь.

— А Макса нет, он у Темы, — оповестила я.

— Я знаю, мы полчаса назад разговаривали по телефону, — не разочаровался он от известия и пояснил: — Я вообще-то к тебе.

— Проходи, — пригласила я не самым гостеприимным тоном.

Поставив на диванчик портфель и какой-то тяжелый пакет, он снял куртку, повесил ее в шкаф, прихватил с собой принесенные вещи и пошел за мной в квартиру, прямиком направившись в кухонную зону, где принялся извлекать содержимое пакета, откуда первым делом появилась бутылка французского шампанского.

— Ого, — заметила я, — у нас какое-то торжество?

— Если получится, — загадочно ответил он, продолжая свое занятие. — А так — Рождество прошедшее отметим и под разговор.

За шампанским последовали разнообразные фрукты, коробка конфет, баночка черной икры, что-то еще, еще.

— Не пугай меня, Берестов, ты как-то слишком серьезно подготовился, — дала комментарий масштабности задумки я.

— Поможешь? — спросил он, опустошив пакет.

И уже практически традиционно мы накрыли журнальный столик у дивана и расположились возле него: он на диване, я напротив в кресле. Берестов открыл шампанское, разлил по бокалам и поднял свой:

— Ну, для начала, за Рождество.

Мы чокнулись, я пригубила и поставила бокал на столик, Берестов сделал пару глотков и тоже отставил бокал. И, посмотрев на меня, как рубанет предложеньицем:

— Слава, а давай жить вместе.

— Поживать и добра наживать, — добавила я от неожиданности.

— И это тоже, — кивнул он, усмехнувшись.

— В том смысле, что ты хочешь больше времени проводить с Максом, так я и без того не препятствую, общайтесь, сколько хотите, мы даже можем...

— Не в том смысле, — перебил он меня, — хотя и этот момент тоже немаловажен. Но я сейчас не о Максе говорю, а о нас с тобой.

— Берестов, — по-деловому, рассудительно принялась я его вразумлять, — я понимаю, что в тебе благородство выиграло, мол, ты мне что-то там должен...

— Славка! — снова перебил он меня. — Я тебя хочу. Сильно и постоянно. Я не спал ни с одной женщиной после нашей с тобой встречи. И не потому, что не имел такой возможности, а потому что не хотел простого банального удовлетворения, испытал и пережив то, что у нас с тобой было и как у нас было. Да и не хотел других женщин.

— И ты уверен, что это серьезный повод, чтобы жить вместе? — усмехнулась я.

— Вообще-то это хороший повод, весомый. Но у нас есть и другие, — продолжил он свои аргументы. — У нас есть сын. И мы интересны друг другу как личности, мы уважаем друг друга, мы из одного социального слоя, и оба материально не бедствуем и сами себя обеспечиваем, что немаловажно, потому что отпадает материальный расчет в отношениях.

— Ты зарабатываешь намного больше, — вставила я свой «пятак».

— Но так и должно быть: мужчина должен зарабатывать больше, чтобы чувствовать себя мужчиной, а не кем-то еще. Главное, чтобы женщина, соглашаясь жить с ним, руководствовалась иными чувствами, а не жадностью и расчетом.

— Но то, что ты перечисляешь как аргументы, и есть расчет, разве не так? — спросила я. — Просто расчет иных составляющих.

— Знаешь, мне наш сын сказал одну потрясающе простую и одновременно глубокую вещь, — улыбнувшись, стал рассказывать Берестов. — Мы сидели с ним в одном совершенно уникальном старинном пабе, в предместье Лондона, и он меня спросил: «Пап, а ты любил тогда маму?» И мне пришлось ему честно отвечать, потому, как мы договорились не врать друг другу. Я задумался, вспомнил то время и тебя, — он усмехнулся, весело сверкнув на меня глазами, — такую крутую брюнеточку, которая пыталась меня соблазнить и при этом даже не целовалась никогда раньше. Много вспомнил и честно признался сыну, что не знаю, наверняка любил. Но я тогда молодой был, глупый, азартный, крутым себя чувствовал, для

меня бизнес был на первом месте, а все остальное, в том числе и женщины, где-то там, далеко после него. Я сказал ему, что мне с тобой тогда очень хорошо было, как-то тепло и уютно, мы постоянно смеялись, ты меня забавляла и удивляла, и заботилась обо мне, и любила меня. И Максим пожал плечами и спросил: «Ну если вы тогда друг друга любили, что вам мешает сейчас снова полюбить друг друга? У вас есть я, один сын на двоих, у вас нет других семей, и детей, и любовников у вас тоже нет, так почему бы вам снова не влюбиться?»

Он замолчал, взял свой бокал со стола, отпил глоток и, глядя мне в глаза, чуть иронично спросил:

— Славка, ты бы могла в меня снова влюбиться?

Я тоже потянулась за бокалом, взяла в руки, сделала маленький глоточек и ответила, поддерживая ироничность тона и глядя ему в глаза:

— Берестов, я давно уже не играю в одни ворота.

— А и не надо, Славочка, — согласился быстренько он, — давай играть вместе, в двое ворот.

Он отвел взгляд, сделал еще пару глотков, задумавшись о чем-то, посмотрел на меня уже без иронии и шутливости во взгляде. Так посмотрел, что я даже как-то собралась вся внутренне.

— Когда мы встретились у меня в доме первый раз и я смотрел, как ты улепетываешь от меня на своей машине, перепуганная донельзя, я тогда сразу решил, что эта барышня точно будет моей. А когда в тот же день встретил тебя в ресторане с этим деятелем, то меня просто снесло. Я обалдел, неужели ТАКАЯ женщина и уже где-то моя может иметь отношения с таким придурком, и даже бросился выяснять. Ну, а когда ты пришла ко мне с этой жалобой, блистательная, изысканная, ироничная, и объявила о своем статусе, явно немного посмеиваясь, у меня вообще планочка-то упала. Еще минута, и я бы взял тебя прямо там, на столе, и ничто бы меня не остановило. А когда ты ушла, я сразу принялся изучать информацию о тебе, но найденные сведения не пестрили данными, были весьма скупы. Я так понимаю, ты специально это контролировала. Мой тебе за это респект. Я промаялся до пятницы, не потому что сомневался, а потому что не хотел, чтобы у нас получилась суетливая ночь, когда утром надо обоим бежать на работу, вот и ждал. Ну, а если ты думаешь, что после твоего очередного побега я собирался так и отвалить, согласившись с твоими неубедительными аргументами, то ошибаешься. Я решил дать тебе пару дней на размышление, а на третий уже действовать самому. Я не собирался тебя просто так отпускать. Но мне пришлось срочно с половиной моей команды вылететь в командировку в Калининград. А тогда, в пятницу, когда случилась эта авария и ты ворвалась в мой кабинет, я только час назад как прилетел и проводил совещание со всей своей командой. Вот такой расклад, Мирослава Витальевна. И еще. Я ревную тебя к Русакову. Я благодарен ему за все, что он сделал для Макса и кем был для него, и даже за то, что он не занял моего места, не стал ему настоящим отцом. Но я ревную тебя к нему, и меня сносит, когда я думаю о том, что он был твоим мужем во всех смыслах.

Может, я и ошибаюсь, но мне показалось: это сильно походило на признание в любви. Или мне просто хотелось, чтобы это было завуалированное признание?

Он хотел добавить к уже сказанному что-то еще, но его прервал звук открываемой ключами входной двери. Я поднялась с кресла, поставила бокал на столик, махнула ему, чтобы не вставал, когда он начал подниматься, и отправилась встречать того, кто пришел.

А пришел наш сын Максим и с очень раздосадованным и удивленным лицом принялся меня отчитывать:

— Ма, ты что, привела в дом мужчину? — указал он на висевшую в шкафу куртку Берестова, которую увидел, собираясь вешать свой пуховик.

— Я не поняла, что за претензии и наезд? — очень строгим тоном ответила я. — Во-первых, это мое дело, кого и когда мне приводить, и ты не имеешь права со мной разговаривать в подобном тоне. А, во-вторых, не ты ли вот уже два года повторяешь, что мне надо встречаться с мужчинами, заводить романы и подумать о личной жизни?

— Но это было раньше! — немного смутился и сбавил обороты Макс, но наезд продолжил: — А сейчас я против, чтобы ты приглашала каких-то незнакомых мужиков!

— Спокойно, сын, — произнес у меня за спиной Берестов. — Мужчина пришел без приглашения.

— О! Пап, это ты! — просиял Макс и наигранно изобразил преувеличенное облегчение. — Фу! А то я напрягся как-то.

— Максим, мне не нравятся твои попытки вмешиваться в мою личную жизнь, — строго и назидательно воспитывала я.

— Ма, а давай у тебя с отцом будет личная жизнь, а? — хитро улыбался он. — И мы переедем жить к нему! — И, сияя восхищенно глазами, зачастил: — Ты видела, какой у него там, в подвале, домашний кинотеатр? Закачаешься! Полный отпад! Экран на всю стену, кресла, диваны, и барная стойка, и музыкальный центр, и место для танцпола, и полная звукоизоляция! И вообще у него тарелка, и больше ста каналов выведено, там можно так оттягиваться, смотреть любые соревнования, матчи! Просто потрясно!

— Представляю, — рассмеялась я его мальчишескому восхищению.

— Слушайте, родители! — осенило идеей нашего сына.

А мы с Берестовым переглянулись немного растерянно, он первый раз нас так назвал, объединив в «родители», в одной связке. А Макс принялся снова торопливо натягивать куртку на себя.

— Я к Темке вернусь и у него останусь, мы с ним в комп порубимся, он вообще не хотел, чтобы я уходил! — говорил он быстро, а одевался еще быстрее, натянул шапку на голову и зашнуровал ботинки.

— Э-э, ты куда собрался? — попыталась я остановить его. — Мы просто разговариваем, что ты придумал?

— Вот и разговаривайте, может, до чего договоритесь! — уже отпирал дверь сын и, повернувшись, наигранно, с преувеличенной серьезностью заявил: — Ты же знаешь, мамуля, ради твоего счастья я готов на все! — И театрально приложил ладошку к сердцу и тут же, скривив шkodную рожицу, сверкнул глазами и добавил: — А ради отцовского кинотеатра еще на большее!

И, хихикая, выскочил за дверь.

— Позвони, когда придешь к Калининым! — выглянув за дверь, прокричала я ему вслед и, закрыв дверь, развернулась у Берестову: — Вы что, сговорились?

— Нет, — усмехнулся отец этого подростка. — Мы просто одинаково мыслим.

Я сделала жест двумя раскрытыми ладонями и закатила глаза от бесполезности комментариев, и демонстративно вернулась в свое кресло. А Берестов, посмеиваясь, сел на диван напротив, поднял бокал, жестом предлагая мне присоединиться, я приняла предложение.

— Ну что, Мирослава Витальевна, — обратился он, продолжая усмехаться, — за нашего сына. Хороший растет мальчик, умный, знает, когда надо вовремя уйти!

— Весь в отца! — не удержалась я от едкого замечания, с намеком на далекое прошлое.

А он, продолжая довольно улыбаться, протянул руку, чокнулся с моим бокалом и сделал пару глотков, я снова лишь пригубила.

— Я, кажется, остановился на том, что обосновал логичность нашего совместного проживания и привел убедительные аргументы, — вернулся он к основной, заданной им же теме нашего вечера, весьма довольный собой и поддержкой Макса.

— Берестов, я как раз та москвичка, про каких ты как-то упоминал, которая не поедет с тобой на год, полтора или два в другой город, куда ты отправишься работать, — умерила я его пыл, довольно холодно оповестив: — У меня есть мое дело, которое мне нравится и в котором я достигла многого. И заработала определенную высокую репутацию и имя, которое знают и с которым считаются. И специфика моей работы такова, что она требует основного базирования именно в Москве. К тому же и Макса нельзя срывать и увозить куда-то, ему на следующий год поступать.

— А не придется никуда ехать, Слава, — как-то задумчиво сказал Берестов. — Мне предложили войти в новое управленческое объединение, которое формируют при правительстве, в некий комитет по решению кризисных ситуаций, что-то вроде МЧС по экономике страны. Я дал вчера согласие. Это глобальнее того, чем я занимался раньше, — уже не в рамках одного предприятия и отрасли, а в масштабах страны и мировых конгломератов. Если получится так, как задумано, то это станет очень интересным делом и серьезным проектом, ну, а если нет, мне такой опыт очень пригодится и уж точно не помешает. Так что командировки у меня будут теперь хоть и частые, но короткие, не больше нескольких недель.

— А твоя команда? — спросила заинтересованно я.

— Остается со мной, объем нашей работы только увеличится, а полномочия мне дадут самые высокие. Так что новое дело будем вместе с ними осваивать.

Я поставила бокал, который так и держала в руках, на столик, посмотрела на него, подумала, правда, не сильно себя утруждая этим процессом, и выдала открытым текстом:

— Берестов, я беременна.

— В каком смысле? — не понял он.

Меня просто порвало от этого вопроса! Вот просто снесло! Я так завелась! В одну секунду! И возмутилась по-взрослому, так возмутилась, что держите!

— Берестов! Это что, твой любимый вопрос, когда я говорю тебе о детях?! — и я театрально, громко передразнила его, помогая себе жестами рук, покачиванием головы и мимикой: — «Берестов, это твой сын!» — «В каком смысле?» — «Берестов у меня будет ребенок!» — «В

каком смысле?» В прямом, блин, смысле! Ты заделал мне ребенка! Берестов, тебя папа предохраняться не учил?!

— Па-папа — нет, — хохотал он, прикрыв глаза ладонью. — Я сам всему учился!

— Хреново учился! С самоучением, Берестов, у тебя плохо получается, если ты не заметил! — возмущалась я. — Спроси еще — в каком смысле!

— Сла-славка, — продолжая хохотать, он встал, обошел столик, по ходу поставив на него свой бокал, и потянулся ко мне.

— И нечего меня тут обнимать! — отталкивала я его руки, правда, не слишком усердствуя. — И что ты хохочешь? Я говорю о серьезных вещах!

— Об очень серьезных! — согласился он и даже головой кивнул, вытаскивая меня из кресла, и, продолжая смеяться, прижал к себе. — О самых серьезных. — И, перестав смеяться, но счастливо улыбаясь, предупредил: — Придется нам с тобой, Славка, терпеть нашествия подростковой банды Макса на наш дом.

И, как водится при таком развитии событий, поцеловал... Здесь бы мне полагалось растаять, потерять голову, затрепетать — чем там? — ну, скажем, ланитами и целоваться ответно с большим душевным удовольствием и рвением, и тут бы и сказочке конец, и жили они долго и счастливо.

Ну, может, кто бы и жил счастливо, а я с силой оттолкнула его и помчалась в ванную. Перенервничала, знаете ли!

Разумеется, он потащился за мной, не сразу поняв, в чем дело, и куда это я помчалась, так резко исчезнув из его объятий, не успев и затрепетать этими самыми чертовыми ланитами! И застал меня в весьма неэстетичной позе, потому что времени закрывать дверь у меня не было.

— О господи, Славка, — перепугался Берестов, — тебе плохо?

— Нет, блин, хорошо! — в паузе между позывами ответила я не самым добрым тоном и потребовала грозно: — Выйди!

Никуда он не ушел, а принялся помогать, держал мои волосы, пока меня выворачивало, умывал холодной водой и умудрился еще за этим делом ответить на звонок Макса, отрапортовавшего о своем благополучном прибытии к Калининым и осторожно поинтересовавшегося, как там у отца продвигаются дела по соблазнению матери. С этим вопросом сынок припозднился месяца так на два.

А потом мы так и сидели на полу, и он крепко прижимал меня к себе.

— И часто тебя так? — спросил участливо Берестов.

— Нет, только когда понервничаю, — не открывая глаз, откинув голову на обнимающую меня руку, приходила я в себя и, продолжая злиться, возмущалась: — Нет, ну это засада какая-то! И ведь снова парень будет, вот сто процентов! У меня точно так же в прошлый раз с Максом было! Два месяца никаких симптомов вообще, а про свои критические дни я напрочь забыла! И тошнит, только когда нервничаю! Прямо какой-то берестовский мужской заговор!

— Ну, пацан — это же здорово! — улыбался предмет моего возмущения.

— Кому? — роптала я.

— Всем, — все шире и довольней улыбался Берестов.

— А самая веселуха знаешь какая? — продолжала я ворчливым тоном.

— Какая?

— Ровно семнадцать лет назад, практически день в день, ты мне точно так же сделал ребенка! И этот родится в августе! И тоже Лев по гороскопу! Ты мне прямо какой-то прайд львиный разводишь, Берестов!

— Да ладно! — восхитился он.

— А такому снайперству тебя, случайно, не папа учил? — открыла я глаза и посмотрела на него.

— Нет, — как на духу признался он. — Это мое личное достижение.

И принялся хохотать, продолжая прижимать меня к себе.

— Никакой управы на тебя нет, Берестов! — тяжело вздохнула я.

— Ты потрясающая женщина! — не мог остановиться и все смеялся он.

— Глупая я женщина, — еще тягостней вздохнула я, — глупая. Мне бы бежать от тебя, куда глаза глядят, при первой же встрече, а я прыг к тебе в койку «леопардовым скоком», как Киса Воробьянинов за стулом. Вот теперь и сижу с тобой на полу! — И встрепенулась: — А что мы здесь сидим? Пойдем уже отсюда.

— Так, может, не пойдем? — мило улыбаясь, выдвинул он встречное предложение. — Тут пол с подогревом и вон коврик симпатичный, может, займемся любовью, не отходя, как говорится, от унитаза — на случай, если ты от оргазма слишком перенервничаешь?

— И как тебе не совестно предлагать такое беременной женщине и матери взрослого сына? — театрально возмутилась я.

— А в кроватке? — предложил новую вводную он и быстренько уточнил: — Тебе вообще сексом заниматься можно?

— Можно, но рекомендовано придерживаться классической позы и без фанатизма.

— Без фанатизма, Славка, у нас с тобой не получается, — снова принялся похихатывать он и вдруг спросил: — А почему ты стала называть меня по фамилии?

— Не знаю, — задумалась я, — Сергеем ты для меня остался в прошлой жизни, а по фамилии мне нравится, тебе она очень идет, звучит, как хлыст инквизитора. — И переключилась на решительный тон: — И идем уже, что мы тут расселись, я хоть дармовой черной икры поем!

Конечно, я родила сына в августе месяце!

А вот с женитьбой господину Берестову не сразу повезло. А вот уперлась мать его детей, как уже существующего, так и ожидающегося.

Не знаю почему! Захотелось покапризничать от души.

Может, за все мои девичьи слезы и потери или просто так, вредничая и наслаждаясь возможностью первый раз в своей жизни капризничать и изводить мужчину, которому приходится терпеть.

— А ты меня замуж не звал, — отвечала я с «искренним» удивлением на сто первый раз сделанное в приказной форме предложение «немедленно выйти за меня замуж!». — Ты предложил жить вместе, вот мы и живем!

— Я имел в виду брак! Я предлагал тебе выйти замуж за меня! — бушевал не по-детски Берестов. — И ты это прекрасно понимаешь! Славка, прекращай! Нам надо пожениться!

— Зачем? — наслаждалась я его возмущением. — Мне и так хорошо.

— Ребенок должен родиться в семье! — приводил он одни и те же аргументы.

— А он и родится в семье, — нежненько отвечала я. — Что ты негодуешь, у него будет твоя фамилия, и его сразу запишут в твой паспорт, какие проблемы? А живем мы вместе, чем тебе не семья?

— Слава! — орал Берестов от бессилия и начинал метаться по комнате, приводя аргументы один краше другого.

Подозреваю, что Берестов понимал эту мою упертую капризу, поэтому хоть и бушевал, но не до крайности. Да и я прекрасно отдавала себе отчет, что с этим мужчиной перегибать нельзя, и существует некая грань его терпения, за которую заходить не рекомендуется никому.

Я «сдалась» месяца через два, когда мой беременный животик стал заметен окружающим. Впрочем, совсем не это обстоятельство сподвигло меня дать согласие.

Как-то Берестов вернулся поздно ночью из командировки, в которую уехал первый раз после того, как мы стали жить вместе. В доме стояла тишина, все давно уже спали, и только я подремывала у тихо работавшего телевизора, ожидая его возвращения.

— Славка, ты почему не спишь? — возмутился Берестов, когда я встретила его у дверей и обняла, холодного, с морозца.

— Тебя жду, — пробубнила я куда-то в его куртку. — Соскучилась.

— Я тоже соскучился, — поцеловал он меня в макушку и пожурил: — Но тебе спать надо, бережь себя, а не шастать ночами. И зачем ты придумала меня встречать?

— Чтобы тебе радостно и уютно было возвращаться. И тепло, — пояснила я, оторвав голову от его куртки и посмотрев Берестову в лицо.

— Мне тепло, Славочка, — положив ладонь мне на щеку, проникновенно и тихо сказал он. — И уютно, и радостно возвращаться просто оттого, что ты дома.

А я чуть не расплакалась от этой его нежности. Наверняка гормоны, а что еще!

И все неожиданно встало на свои правильные места, и оказалось, что никому — и в первую очередь мне самой — не нужны больше никакие глупые игры и потакания пустым капризам и прихотям. Ведь все так просто! И я заявила с большой долей возмущения в голосе:

— Берестов, давай, что ли, жениться, в конце-то концов! Сколько можно с этим валандаться?

А он, запрокинув голову и прижимая меня к себе, расхохотался во все горло, от души, от всей полноты жизни.

Наша жизнь похожа на волнистый график синусоиды.

Мы поднимаемся на самую вершину чего-то замечательного, счастливого, и нам кажется, что теперь так будет всегда, что мы тут и останемся, обживемся, и будет нам неизменно хорошо и уютно, и совершенно никуда не собираемся двигаться дальше.

И нас сбрасывает вниз, на самое дно, эта наша довольная самоуверенность! И мы оказываемся в тяжелой ситуации и недоумеваем: как же так? и теряем силы и надежду, и нам кажется, что мы останемся здесь навсегда и уже не выбраться, не выбраться...

Но обнаруживается странная вещь: это не дно, это жизнь дала нижнюю точку отсчета для подъема и начала какого-то нового этапа, и мы даже представить себе не могли, какие новые возможности откроются перед нами!

И мы снова поднимаемся вверх, вскарабкиваемся на самый пик и тут же забываем о том, как уже низвергало нас с высоты наше собственное довольство и, уж простите за такой слог, гордыня, — и-и-и летим вниз...

Так и живем: то вверху, то в глубокой... сами знаете где.

Пока не поймем, наверное, что умение искренне радоваться каждому дню, всему, что есть в нашей жизни — улыбке своего ребенка, его победам и даже поражениям, ведущим к новым победам, здоровью матери, любимой книге, вкусному, душистому обжигающему чаю на морозце, созерцанию тихого зимнего заката, запаху весны, нежным объятиям и многому, многому другому, — может снизить амплитуду этих взлетов и падений, постепенно превратив ее в волнистую линию радостей и огорчений, тихих печалей и новых побед.

Я не философ и не эзотерик и не берусь утверждать, что это мое выстраданное понимание жизненных качелей является истиной в последней инстанции или каким-то пришедшим свыше откровением. Ни в коем случае! Я просто учусь так жить, потому что вдруг очень захотелось не пропустить ни одного дня своей жизни, не заметив этих счастливых, даренных судьбой моментов в ежедневных, забирающих все внимание делах и заботах.

И потому что никто и никогда не даст ни мне, ни вам гарантии, что все обязательно будет только хорошо и прекрасно и будем мы жить долго и счастливо.

Будем жить столько, сколько отмерено каждому, а насколько счастливо, зависит только от нас.

Я не думаю о том, какое нас с Берестовым ждет будущее, я не знаю, получится ли у нас это «долго и счастливо» и не расстанемся ли мы через какое-то время; я просто стараюсь жить, ценя каждый день и наполняя его этими радостными мелочами, и стараюсь не проходить мимо ни одной из них, и, знаете, это так сильно, оказывается, расцветивает простую, обыденную жизнь!

А там время покажет, ведь никаких гарантий, как известно, никто и никогда нам не даст!

Радуйтесь мелочам, это очень греет сердце, я попробовала, и мне понравилось!